

Матвееенко Майя



**Забытая  
часовня**



# Глава 1. За зайцами!

...Смех подружек смолк, и в комнате на несколько минут воцарилась тишина.

Люба сидела поперек своей кровати, обняв подушку. Вера лежала рядом, свесив с кровати руку. Надя с ногами сидела на крутящемся стуле на колёсиках, положив голову на колени и обняв их руками. Всех троих пробирал безудержный смех, вырывающийся наружу сдавленными всхлипами. Бледное зимнее солнце легко пробивалось сквозь жалюзи и расчерчивало узкую длинную комнату широкими светлыми полосами.

Люба, уткнувшись носом в подушку, приоткрыла один глаз и скосила его на Веру. Та не отреагировала, картинно запрокинув голову и изображая из себя жертву маньяка. Люба чуть шевельнулась. Снова ноль внимания. Тогда девчонка завопила, подпрыгнула, уронив подушку на пол, и с визгом кинулась щекотать подругу. К ним тут же присоединилась Надя, в первый момент едва не свалившаяся от неожиданности со стула, и все с дикими воплями спутанным клубком скатились с кровати, увлекая за собой покрывало.

Когда части тела девчонок окончательно перепутались и под неестественными углами высунулись из перемотанного одеялом клубка, а испуганная Надя откуда-то изнутри глухо сообщила, что ничего не видит и вообще сейчас задохнётся, подружки поняли, что без помощи извне из покрывала им не выбраться. Люба, стараясь отодвинуться от Вериной пятки, которая дёргалась и так и норовила тюкнуть её по носу, набрала в лёгкие побольше воздуха и крикнула:

— Тар! Взять!!!

Великолепный лабрадор-ретривер палевого окраса по кличке Янтарь (или попросту Тар) выскочил из коридора, махая хвостом со скоростью звука, схватил зубами край покрывала и потянул, с радостным фырканьем мотая лобастой башкой. Девочки выкатились на ковёр, безуспешно пытаясь опереться на дрожащие от долгого смеха конечности, и, подпихивая друг друга локтями, прислонились к кровати, уставившись в зеркальные дверцы стоящего напротив шкафа, одну из дверей которого почти полностью закрывал календарь с японкой в красном кимоно.

Там отразились три страшно взлохмаченные, красные, но зато очень счастливые девчонки. Если бы они хоть немного привели себя в порядок, их со спокойной душой можно было бы назвать очень симпатичными: Любу, с длинными ресницами, таинственными, серовато-зелёными миндалевидными глазами и блестящими тёмными волосами, Веру, с тёплыми карими глазами среди густых черных ресниц, длинной русой косой и пушистой чёлкой, и Надю, с густой светлой шевелюрой и веснушчатым лицом.

— Знаете, — внезапно сказала Люба, вытаскивая из-под себя тапочек и устраиваясь поудобнее, — на днях я ходила с отцом выгуливать Тара в лесок, здесь рядом, через дорогу. Ну вон он, в окне виден, — она махнула рукой с тапочком в сторону балконной двери и отшвырнула его в сторону. Подруги, хотя и прекрасно знали, о каком леске идет речь, послушно повернули головы в указанном направлении, но все равно ничего не увидели: Наде мешали цветы на подоконнике, а Вере — Надина голова. — Ну вот! — продолжила Люба. — И я видела там зайцев! Тар от них убегал. Не думала, что он может бояться таких маленьких пушистых комочков... Он так от них улепётывал! Эх ты, трусишка, иди сюда, мой маленький! — засюсюкала девочка, протягивая к собаке руки. Тар (кстати, далеко не маленький и весом около восьмидесяти килограммов) с довольным видом подбежал,

ткнулся холодным влажным носом Любе в лицо и развалился прямо на подружках, тут же исслонявив Вере кофту.

— Да? Наверное, это было прикольно! — лениво заметила Надя, грызя найденное на столе печенье и спихивая наглуую псину (точнее, её заднюю часть) с колен.

— Это точно! А зайцы за ним! Сразу три штуки! Наверное, это был их звёздный час. Вряд ли им каждый день удаётся погонять по лесу здорового пса! — девочка сладко потянулась, задев Веру локтем, и потуже затянула резинку, стягивающую волосы.

— А что, там есть зайцы?! Я никогда их не видела! — вскинулась Вера, которая лишь около года назад переехала ближе к школе из дома, где жила в соседнем подъезде с Любой. Тогда они частенько наведывались в лес по самым разнообразным причинам.

— Угу. Есть. Ясен пень, что ты их не видела! Это ведь зайцы-призраки, в полнолуние убивающие случайных путников... Можем пойти и посмотреть, — фыркнула Люба.

— Ой, нет! — Надя подавилась печеньем и испуганно заморгала голубыми глазами. Идея пойти зимой в лес смотреть на зайцев-убийц ей явно не понравилась. — Я не пойду!

— Ну-ну... Зайцы-призраки в лесу диаметром два метра, куда с соседней стройки свозят мусор... Ор-ригинально! Они, значит, убивают случайных путников, а ты хочешь, что бы мы стали первыми убитыми нарочными путниками? — ехидно поинтересовалась Вера. — Не-е, Надя права: одеты мы не для походов в лес, да и где гарантия, что мы этих зайцев найдём?

Встретившись сегодня утром, девочки собирались пойти в кино (в конце концов, каникулы ведь!), для чего и оделись «не для походов в лес». Но прокат нужного фильма закончился, и девочки просто сходили в Макдоналдс, а потом пошли к Любе домой...

...Когда друзья ждали автобуса, который должен был отвезти их к кинотеатру, Любе пришла в голову интересная мысль. Делать было нечего, автобуса не было уже минут десять и, похоже, в ближайшее время он появляться не собирался, холодное январское солнце слепило глаза, скучно было ужасно, и все это положительно повлияло на Любину изобретательность. Совсем рядом находилось троллейбусное депо со стоянкой. И Люба, которая была готова делать что угодно, лишь бы хоть чем-нибудь заняться, предложила:

— Давайте пойдём туда! — она махнула рукой в сторону депо, другой ладонью прикрывая глаза от колких лучей маленького лимонного шарика в голубом небе. — Может, там будет наш троллейбус с открытой дверью. Мы могли бы залезть внутрь, подождать, пока у водителя кончится перерыв, и прямо оттуда поехать к «Авроре». Ведь этот кинотеатр ближе всего, верно? А то уж больно холодно!

Вера согласилась пойти. Наде эта идея была явно не по душе, но так как Люба и Вера уже бодро топали вперёд, стараясь по дороге наступать на комки слежавшегося снега, выкатившегося на расчищенную дорожку, ей ничего не оставалось сделать, кроме как поспешить за подругами.

Почти сразу им на глаза попался нужный троллейбус. Правда, дверь у него была открыта только в кабину водителя, но Люба оптимистично заявила, что из кабины можно проникнуть и в пассажирский салон.

Сказали — сделали. Однако большой радости пребывание в троллейбусе им не доставило. В душном, пропитанном бензином воздухе плавали пылинки, заставляя девочек беспрестанно чихать, воняло перегаром, а холоду хлипкие стенки не были преградой.

А тут вдобавок из открытого окна — единственного источника свежего воздуха, возле которого пристроились подруги — донеслись обрывки разговора водителей, которые сидели на лавочке неподалеку:

— Дверь-то чего открытой оставил?

— Да-а, чё ж это я, у меня ж там... эт, как их... эх! Пойду закрою, — и водитель, переваливаясь с боку на бок, пошагал к своему троллейбусу. И этим его троллейбусом по закону подлости оказался как раз тот, в котором засели девочки. Они быстро смекнули, что если не успеют выбраться из этого транспортного средства, то им грозит провести в этом кошмаре по меньшей мере часа два, так как раньше водитель свой перерыв, по-видимому, заканчивать явно не собирался. Прокрутив в голове это умозаключение, девочки как можно быстрее дунули к выходу.

На улице Надя брезгливо потопала простенькими, но стильными сапожками об асфальт, стряхивая ошмётки грязного снега, и поторопилась догнать друзей. За ней увязалась какая-то рыжая собака, и Люба хотела её погладить, не смотря на то, что Надя, брезгливо отстранившись, прошипела «не трогай её, она блохастая!», но тут наконец-то подъехал нужный автобус, и девчонки, которых приводила в ужас одна только мысль о том, что придётся мерзнуть здесь ещё полчаса, пусть даже и с собакой, кинулись к остановке...

Итак, после не совсем удачного похода в кино, девочки сидели у Любы и обсуждали, идти им смотреть на зайцев, или нет.

— Да ну что вы, в самом деле! — уговаривала Люба, сидящая на скрещенных ногах покачивающаяся из стороны в сторону от нетерпения. — Надя, успокойся, я пошутила! К зайцам-убийцам мы не сунемся, пойдём смотреть на самых обычных, беленьких и пушистых кроликов!! Вас там что, съест кто-нибудь, или вашу одежду? Я лично всегда хожу в одном и том же, и школу, и на улицу, — она для пущей важности потыкала себя пальцем в грудь.

— Ну да, скажешь тоже! — хмыкнули собеседницы, одновременно окидывая взглядом гигантский шкаф со шмотками.

— Ну, во всяком случае, я за неё так, как вы, не дрожу! — девочка поспешно обползла подруг и села перед шкафом, словно хотела заслонить его как наиболее весомый аргумент против её предложения. — Главное, пока будем искать обычных зайцев, не нарваться на зайцев-призраков, а даже если и нарвёмся, они только человечинкой питаются, одежду не тронут! Пошли, мы ведь ненадолго! — Люба с энтузиазмом затеребила пса, но тот не понял, чем это может помочь уговорить подружек, и с достоинством удалился из комнаты.

В конце концов Вера дала себя уговорить (Наде, как обычно, пришлось подчиниться большинству), но с условием, что ненадолго.

Однако вышло надолго.

Оставив сумочки у Любы в квартире, подруги вышли из подъезда и пошли вдоль дома, беседуя о предстоящей встрече с зайцами.

— Конечно, гарантии, что мы их встретим, нет. Но почему бы не попробовать?! — рассуждала Люба с таким же ответственным видом, как Резерфорд перед открытием строения атома.

— Конечно, почему бы нам лишний раз не прогуляться по лесу, который находится рядом с церковью и в котором живут все окрестные нищие, бомжи и пьяницы? — съязвила Надя, хмуро почёсывая переносицу.

— Ладно, всё! Не хочешь — не ходи! — разозлилась Люба, резко останавливаясь. Но Надя уже понуро зарылась носом в шарф и отвернулась. Шествие продолжилось, но уже молча, так как Люба и Надя отвернулись друг от друга в разные стороны, а заодно и от Веры, которая шла между ними.

Впрочем, Любина злость быстро испарилась, так как Надя больше не выступала, а лес

впереди уже заманчиво шумел ветвями, предлагая зайти под его таинственную кровлю.

Девчонки стали спускаться по тропинке, ведущей к лесу. Надя и Люба помирились и тихо переговаривались, а на Веру нахлынули воспоминания, поэтому она шла молча.

Она вспоминала, как в третьем классе пришла новая ученица Люба, и как Вера узнала, что они живут в одном доме. Как они дружили три года, попадали в разные переделки (в частности благодаря Любе), вспоминала про все их небольшие приключения... Как потом они поссорились... Как полгода Вера ходила одна... Как подружилась с Надей и долго не могла привыкнуть к её тихому характеру... И, наконец, как Люба пришла мириться. Правда, с Надей ни о каких приключениях, маленьких или больших, мечтать не приходилось. Самым большим в жизни приключением для Нади было прогулять урок физкультуры, о большем она даже думать боялась. А Вере хотелось чего-нибудь... Чего-нибудь... Какого-нибудь Большого Приключения...

— Эй! Ку-ку! Кто-нибудь дома? К вам гости пришли! Вера, проснись и пой, солнце моё! — в мечты Веры резко ворвался Любин голос. Подруги весело глядели на неё. Судя по всему, Люба достукивалась до Веры, полностью занятой мечтами о Большом Приключении, уже не первую минуту. Девочка виновато улыбнулась.

— Im sorry, задумалась.

— Да ничего... Просто мы тут с Надей как раз обсуждали одного такого симпатичного мальчика из 7 «Г». Ты его видела. В столовой. — Люба грациозно провел по воздуху рукой, словно вспоминая некий торжественный момент своей жизни. — И, как раз когда ты заснула, хотели узнать, что ты о нём думаешь.

Молчание.

— Вер, ты меня пугаешь, — Люба перепрыгнула через кучку и с тревогой поглядела на подругу. — Что-то не так? С тобой всё в порядке? Ведь вроде бы оценок за диктант по русскому еще не говорили, и расстраиваться не из-за чего?

— А-а... Да. Извини, я опять задумалась, — Вера помотала головой, стараясь избавиться от лишних мыслей.

— Может, хоть скажешь нам, чем заняты думы твои? — с ноткой сарказма пропела Люба.

— Да так... — Вера заметно смутилась.

— Так — это как? — подруга не отставала.

Вера задумалась, рассказывать о своих мечтах, или не стоит. А то вдруг Надя упадёт в обморок? И не будет ли смеяться Люба? Но попытка — не пытка, лучшие друзья всё-таки...

— Ну... Мне очень хочется чего-нибудь... такого. Необычного. Какого-нибудь... Приключения, — Вера говорила медленно, вода в воздухе руками так, словно хотела поймать нужные слова.

Надя с беспокойством поглядела на Любу, у которой загорелись глаза, на Веру, которая смотрела на подруг с надеждой...

— Знаете что, — Надя попыталась отвлечь подруг от опасной для неё темы, — если мы сейчас не продолжим идти, то раньше десяти часов вечера домой мне не попасть.

Надя жила в частном доме за Минском, в районе Ждановичи, который девчонки для краткости называли Жданы (или Штаны), и ехать ей туда было довольно долго: сначала на автобусе, потом на электричке, потом пешком... Всё это занимало не меньше часа, а то и двух. Подруги нехотя признали её правоту и, с хрустом проламывая наст, двинулись дальше.

Начало холодать. Серые и какие-то тяжёлые на вид облака словно придавливали к

земле, совершенно не напоминая морозную, чистую голубизну сегодняшнего утра. По спинам подруг пробежали мурашки. Девочки остановились перед покрытой ледяной коркой тропинкой, ведущей в глубину леса. Люба решительно шагнула вперед, резко уклоняясь от длинных тонких и гибких веток кустов и деревьев и старательно обходя ямы и небольшие овраги. Вера, вздохнув, последовала за ней. Надя, напоследок с грустью глянув на свою новую замшевую куртку, пошла последней.

— Так ты думаешь, мы встретим здесь зайцев? — недовольно спросила Вера, догоняя подругу.

— Ну, я не то что бы уверена, но по крайней мере надеюсь, что да, — жизнерадостно откликнулась Люба, одной ногой проваливаясь в невидимую под снегом яму.

— А мне кажется, что все зайцы в такую погоду разбежались по южным странам, — поёжившись от холода хмыкнула Вера.

— Ты что, зайцы на зиму никуда не улетают, то есть не убегают! — не поняв шутки поправила Надя.

Люба и Вера одновременно вздохнули и покачали головами. Иногда у Нади совершенно отрубался юмор. Правда это случалось редко, но всё же случалось.

Через несколько минут Вера уже собиралась поинтересоваться, на кой Любе эти зайцы сдались, но тут за их спинами раздался леденящий душу вопль Нади:

— А-а-а, меня убили!!!

Девчонки резко обернулись. Надя была вся в снегу, а когда успокоилась, стало ясно, что она пострадала от внезапно свалившегося на неё с ветки дерева снега. Люба посмеялась над «смертью» подруги, но Надя не обиделась, а лишь слабо улыбнулась и призналась, что «пожалуй, ещё поживёт». Обижалась она вообще редко, но уж если случилась сия напасть... Тут, как говорится, «хавайся у бульбу».

— Знаете, я на вас смотрю и думаю, ну до чего же вы друг на друга не похожи! — глядя на подруг так, как будто первый раз их увидела, воскликнула Вера, тут же споткнувшись о корень, дугой выглянувший из-под земли, словно в напоминание Вере, что смотреть надо не на подруг, а под ноги.

— Да? — удивилась Люба, выступающая в роли первопроходца, ухнув в очередной сугроб. — Может быть. А-а-а!!! УРА! Я ИХ НАШЛА!!!

— Кого?! — снова перепугалась Надя.

— Следы! Заячьи!

Вдохновленные потрясающей находкой, подруги с новыми силами поспешили вперед, тщательно сверяя свой путь с едва приметной цепочкой следов.

Когда они подошли к густо растущим деревьям, Люба с радостным визгом кинулась к тесно переплетённым тонким стволам, через которые просматривался холм, покрытый сугробами.

— Тихо, не кричите! — возбуждённо прошептала Люба. — Идите сюда, быстрее!

Вера с Надей не стали делать подруге замечание насчет того, что единственный, кто тут вопил, это она, и послушно подошли к деревьям.

И увидели цель своего посещения этого негостеприимного леса: по склону холма бежал большой рыжий заяц. Девчонки стояли не дыша и смотрели на рыжее чудо, пока оно не скрылось из виду.

— За ним! — скомандовала Люба, и девочки быстро, вернее, настолько быстро, насколько позволяли сугробы, доходившие до колен, побежали на горку.

Но пока они, пыхтя, как рота ёжиков, взобрались на холм, зайца и след простыл. Вера и Надя с облегчением переглянулись, решив, что уж теперь-то Люба и наконец согласится пойти домой, но не тут-то было! После очень продолжительных уговоров и еще более продолжительных раздумий Люба одержала верх, и Надя с Верой, тяжело вздохнув, потопали за довольно улыбающейся подругой в глубь леса, ближе к церкви.

Люба, которой уже через несколько минут порядком надоели упрёки, градом сыпавшиеся из уст подруг, постаралась переменить тему:

— А как там насчёт Маргариты?

Маргарита, или Марго, как её называли все в школе, была злейшим врагом половины класса. Когда-то она была старостой и имела огромное влияние среди учителей и учеников. Объяснялось это влияние её просто-таки неподражаемым даром располагать к себе людей, на школьном наречии — подлизываться: тому учителю конфетку даст, тому мальчику глазки состроит, той девочке комплимент сделает... Нет, она многое делала ради того, чтобы завоевать авторитет в классе: хорошо училась, занималась музыкой, рисовала. Но она была хитрой и мстительной и умела использовать людей в своих интересах, и когда окружающие её люди поняли, что скрывается за оболочкой нежной и кроткой Маргариты, то стали давать ей отпор. Постепенно эти мелкие перепалки превратились в настоящую гражданскую войну, класс разделился на два лагеря: «за» Маргариту и «против».

— Ну, так что? — повторила Люба, так и не дождавшись ответа.

— Ну... Ой, а вам не кажется, что мы слишком далеко забрались?

На это раз Надя не преувеличивала. Лес обступал подруг плотной стеной, совершенно не напоминая тот лесок «два метра в диаметре», в который свозят строительный мусор, и лишь три пары следов указывали, откуда девочки пришли.

— Ну хорошо. Еще немного, и назад, — сказала Люба, которой тоже стало немного не по себе. И без того серое небо быстро угасало и темнело.

— Всё, давай поворачивай! — Надя, как и следовало ожидать, первая не выдержала уже через пару минут.

— Ещё совсем немного! — воскликнула Люба. — Смотрите, там впереди почти нет деревьев. Да и снега почти нет.

Через несколько шагов девчонки вышли на поляну.



## Глава 2. Часовня

И вдруг стало совсем тихо. Ветер дул, но беззвучно. Девочки испуганно осматривались. Деревья плотной стеной обступали поляну, на фоне тёмного, сине-серого неба виднелись купола. Значит, подумала Вера, церковь совсем рядом.

Посередине маленькой полянки стоял какой-то небольшой деревянный домик.

— Смотрите-ка, что бы это могло быть? — удивленным шёпотом спросила Люба, сделав несколько шагов по мёрзлой земле. Снега почему-то действительно не было.

— Может, это старый церковный склад? — предположила Надя, неуютно поёжившись.

— Или дом бомжа, — высказала свое мнение Люба.

— Бомж он на то и бомж, что бы у него дома не было, — веско заметила Надя.

Вера фыркнула и тоже подошла ближе. Домик казался очень ветхим: половина досок прогнила, и между ними виднелись щели. Отовсюду клоками свисала паутина; от постройки шёл какой-то странный запах.

Домик — прямоугольный корпус из досок, покрытых полустёртой резьбой, словно письменами — стоял на сложенном из цельных круглых брусьев остова. К деревянной двери со щербатыми краями, поскрипывавшей на ветру, вела трухлявая и очень ненадежная на вид лесенка из трех ступеней. Покатая и серебристо-зеленоватая от заиндевевшего мха крыша сходилась наверху у небольшой башенки, которую венчал деревянный купол с резным крестом, часть которого отсутствовала.

— Мне здесь не нравится, — откровенно поделилась своими страхами Надя, по самые глаза замотанная в шарф.

— Не будь занудой, — раздраженно ответила Люба. — Нашли такую интересную вещь, а ты хочешь, что бы мы туда даже не заглянули?!

— Хочу!

— Да ни за что! И хватит ныть! Дезертирка!

— Неправда! — начала отбиваться Надя.

— Раз неправда, тогда...

— Тихо! Сколько можно!? — не выдержала Вера и обратилась к Любе: — Ты предлагаешь зайти туда и посмотреть? Отлично, я согласна. А если Надя не хочет, она может остаться снаружи и подождать нас. Или идти домой и ждать у Любы.

Говоря это, Вера прекрасно знала, что Надя никогда не останется одна вечером в лесу, а тем более не пойдёт одна домой. Естественно, Надя из двух зол выбрала меньшее, предпочтя остаться с друзьями.

Девочки неуверенно подошли к лестнице, явно опасаясь на неё становиться. Наконец Люба решила и поставила ногу на нижнюю ступеньку. Доски угрожающе прогнулись и затрещали. «В конце концов, чего я боюсь? — уговаривала себя Люба. — Упасть с высоты в полметра?» Она перешагнула на вторую ступень, потом на третью, и оказалась перед дверью. Вера с Надей повторили операцию — лестница, как ни странно, выдержала — и остановились рядом. Люба толкнула дверь.

— Фу-у-у, ну и пылища же тут, — сморщила нос Надя.

— А я люблю такой запах. У нас в хранилище, ну, там, где всякие книги и учебники хранят, тоже так пахнет. Это запах пыли, — пожалала плечами Люба, втягивая воздух.

— Мне тоже нравится, — поддержала подругу Вера, с интересом оглядываясь. В домике было только одно небольшое, прорубленное в досках окно, и комната почти полностью была погружена в полумрак; что творилось в углах, различить было невозможно. Под окном стояла лавка, а на противоположной стене висело небольшое деревянное изваяние: распятый на кресте Иисус Христос. Его тело было покрыто трещинами, пальцев не было, а у носа не хватало изрядной части. В тени висело несколько старых, потемневших и потрескавшихся прямоугольных картинок: икон.

— Не похоже на дом бомжа, — заметила Вера.

— Да, — пробормотала Люба, оглядывая распятие.

— Я знаю, что это, — раздался свистящий шепот Нади. — Это часовня, причем очень старая!

— Вот здорово! — воскликнула Люба.

— Только вот что мы с ней будем делать? — размышляла Вера. — Рассказать кому-нибудь про неё, или нет?

— Ты что, конечно нет! — возмутилась Люба. — Здесь же так классно, можно что хочешь сделать. Смотрите, тут даже скамейка есть!

С этими словами Люба села на вышеупомянутую. Раздался грохот, поднялась туча пыли, через секунду стала слышна неразборчивая ругань. Когда пыль рассеялась, перед подругами предстала Люба, сидящая на полу между двух обломков скамьи, с тонким слоем пыли на волосах и одежде и с довольно глупым выражением лица.

— Ох, больно ведь! — воскликнула она, потирая место пониже спины.

Девчонки посмеялись, отпуская едкие замечания про то, что у Любы пострадала самая «думающая» часть тела, однако поняли, что надо быть осторожными.

— Ну вот, теперь у нас нет скамейки. Уверена, что всё остальное тут такое же... — проворчала Люба, на время утратив интерес к часовне.

И все же, друзья продолжили исследовать помещение. Люба с Верой вслепую шарили по углам, то и дело спотыкаясь и охая, а Надя стояла поближе к окну и подозрительно изучала стены на предмет наличия пауков и других насекомых.

Внезапно Вера остановилась, глядя прямо перед собой.

— Эй, в чем дело? — поинтересовалась Надя.

— Смотрите! — Вера возбужденно ткнула пальцем в стену.

— Чего? — Люба и Надя в недоумении уставились на абсолютно пустую поверхность.

— Неужели не понимаете?!

— Нет...

— А вы приглядитесь!

— Хватит орать. Я не понимаю...

— Что... А-а-а... Ух ты! А как это?.. — Люба удивленно заморгала.

— Дошло? — удовлетворённо спросила Вера.

Стена почти ничем не отличалась от остального «интерьера» комнаты. Почти. Все вокруг было покрыто толстым слоем пыли, абсолютно все... За исключением довольно большого участка этой стены.

— Значит, не так давно здесь побывал кто-то. До нас, — задумчиво произнесла Вера.

— И унес отсюда что-то довольно большое, — добавила Надя. — Судя по форме отпечатка, овальное. Хотя на полу следов, кроме наших, вроде нету... — она боязливо огляделась.

— А с чего ты взяла, что не так давно? — подняла тонкую бровь Люба, скосившись на подругу.

— С того, что если бы этот кто-то был здесь хотя бы пару месяцев назад, то пыль бы сюда снова нападала. А её нет, — раздраженно ответила за подругу Надя.

— Ну, здесь очень многие выгуливают своих собак. Предположим, гуляли здесь человек с собакой, а потом пошёл снег, и этот человек увидел неподалёку эту... часовню, и решил здесь спрятаться, — пожала плечами Люба. — А что до того, что здесь что-то стояло... Нет, слушайте, а если кто-то специально пошел в эту часовню, что бы украсть... ну, то, что здесь стояло или висело. А... А вдруг здесь, например, висела картина в золотой раме с изображением какого-нибудь апостола... нет, Святой Марии, ну или там кого-нибудь ещё, не важно. И этот человек эту картину в золотой раме тихонечко стырил. И продал где-нибудь за большие деньги, — сумбурно изложила девочка, сопровождая Идею бурной жестикуляцией.

— Часовня слишком маленькая и бедная, что бы здесь могло быть что-то ценное. Да и вообще, ты уверена, что изображения святых делали в овальных рамах? Да еще таких размеров? — усомнилась Надя. — Здесь же вон везде висят квадратные...

— А, кто его знает. Что мне, по-твоему, ещё и историю учить? Ну, я ещё понимаю, когда Барисова[1] вызывать должна, а так...

— Знаете, по-моему, про это надо спросить у Максима[2]. Он в этом виртуоз, — Вера говорила, внимательно глядя в один очень пыльный и темный угол. — Эй, а это что?

Вера нырнула в темноту. Раздался короткий грохот, и девочка вылезла из тени. Вся в пыли и с паутиной на носу и ушах, она волокла по полу что-то очень тяжелое.

— Ну, может мне кто-нибудь поможет, а? — раздался её недовольный голос.

Подруги кинулись помогать, и скоро на свет божий появилась какая-то длинная пыльная железка. Надя быстро очистила железку от паутины. Это оказался очень красивый старинный медный пюпитр ажурной ковки, украшенный резьбой. На нём покоилось нечто, контуры которого было невозможно различить из-за обилия грязи. Кое-как посрывав паутину, сдув пыль и ещё какой-то мусор, девочки узрели что-то, отдаленно напоминающее огромную книгу в кожаном переплете и, по-видимому, когда-то украшенную позолотой, которая сохранилась только на тиснёном названии книги в виде едва заметных блесков по краю букв, написанных на незнакомом языке. Книга была закрыта на гигантские железные защёлки, и девочкам пришлось немало потрудиться, прежде чем изрядно проржавевшие замки поддались.

Их обдало новой порцией пыли, девчонки закашлялись. Когда воздух стал чище, подруги смогли наконец увидеть страницы старого фолианта. Они были сплошь усеяны красивыми буквами с завитушками, написанными чернилами на том же странном языке (по крайней мере, он был таким же непонятным, как и на обложке). Девочки молча и благоговейно перелистывали сероватые страницы. В книге была только одна картинка, которая находилась в самой середине толстого тома: огромная скала, в которой виднелись отверстия, чем-то напоминающие бойницы и стрельчатые окна без стекол; из неё же поднималось множество башенок, из-за чего скала стала напоминать замок.

— Класс! — прошептала Люба, не сводя с рисунка глаз, как и все остальные: картина казалась настоящей. Облака как будто и в самом деле плыли по небу, и было такое ощущение, что сейчас прямо со страниц книги дунет ветерок или донесется крик птицы. Казалось, протяни руку, и ты окажешься там, внутри. Однако картина вовсе не была

радостной: голая гора была покрыта лесом только у подножия, небо было серым, облака — мрачными.

Где-то совсем рядом крикнула сова, и подруги подпрыгнули от неожиданности. Вера отошла от друзей и выглянула в окно. Было уже совсем темно. Девочка включила подсветку на часах, что бы различить время.

— По-моему уже пора. Без пятнадцати девять, — каким-то тонким голосом произнесла она.

— Без пятнадцати девять?! — ужаснулась Надя.

— Как это?! Это сколько же мы пилились на эту картину? — очень удивилась Люба, подходя к Вере и дергая её за руку, чтобы самой увидеть циферблат. Но подсветка уже погасла и она ничего не увидела. Люба отпустила руку подруги. — А знаете, она меня как будто околдовала. Глаз от неё не могла отвести.

— И я тоже, — невидяще глядя в окно согласилась Надя. Её голос звучал глухо, так как она по-прежнему по самый нос была замотана в шарф.

— И я. Знаете, в этом месте есть что-то... Может быть даже волшебное. — Вера мечтательно вздохнула.

— Опять эти твои глупые фантазии, — пробурчала Надя, словно очнувшись, но её никто не услышал.

— Надо обязательно сюда вернуться. Обязательно! — глаза Любы возбужденно загорелись.

— Естественно! — изумилась Вера, которой казалось абсурдом предположение больше сюда не возвращаться.

— Знаете, скажу честно — я не возражаю, — заявила Надя, наконец стягивая шарф с лица. — Но в отличие от Любы, чей дом находится в десяти минутах ходьбы отсюда, мне пикировать до остановки чуть ли не полчаса, а потом ещё оттуда до дома ехать — часа полтора.

— Да-да, уже пора. И мне ведь тоже надо ехать, Люба. Мы сюда ещё вернемся. Может, завтра. Или в ближайшие выходные. Пошли. Я провожу Надю до остановки — нам всё равно в одну сторону. — Вера решительно пошла к двери. Надя — за ней. Люба вздохнула, отодвинула пюпитр с книгой подальше в угол и пошла за подругами. На пороге девочки обернулись. Несмотря на то, что Люба отодвинула книгу, лунный свет всё равно попадал на медную подставку, и старинный пюпитр таинственно поблёскивал, купаясь в серебристых лучах, а книга безмолвно и недвижимо лежала сверху, как дверь в иной мир. Друзья чувствовали, что на их сердцах теперь лежала какая-то сокровенная тайна, известная только им троим.

Они перешагнули порог и закрыли дверь.

[1] Барисова — фамилия одной очень толстой учительницы истории, обожающей

читать всем нотации (начиная с первоклашек и заканчивая директором) и писать замечания в дневники.

[2] Максим — супер-отличник и лучший ученик всей школы. Не просто какой-то там отличник, которому ставят оценки просто так, а самый настоящий гений. Можно было спросить у него любой закон физики, любую теорему из математики, любую историческую дату или про достижения любого короля, царя, или князя (и не важно, проходили это год назад, два, или ещё вообще не проходили), и будьте уверены на все 100 %, он вам ответит, если он, конечно, не получил серьёзную мозговую травму.

## Глава 3. Всё меняется

До конца каникул оставалось всего два дня, поэтому сходить в часовню ещё раз времени не было — девочки готовились к началу нового учебного семестра в школе, а так как идти туда совсем не хотелось, сборы продвигались медленно.

Наконец этот препротивный день под названием понедельник настал, и подруги, скрепя сердце, надели портфели и пошагали в школу, точнее, в гимназию.

Люба стояла возле подъезда, недовольно поглядывая на часы. «Интересно, Вера забыла, что сегодня каникулы кончаются, или она мне назло опаздывает?» — сердито думала она. Девочка уже подумывала о том, чтобы оставить на снегу их секретный знак — два перекрещенных следа правой ноги, который означал, что одна из подруг здесь была, но ушла и её надо догонять, — но тут домофон запиликал, дверь подъезда со скрипом открылась, и из него на свежий морозный воздух выбежала Вера.

— Ну наконец-то! — нетерпеливо воскликнула Люба.

— Извини, я как всегда, — ответила девочка, смущенно глядя на подругу.

— Да ладно! — отмахнулась та, разворачиваясь в сторону школы. — Ты мне лучше скажи, тебе Наташа не звонила? Не знаешь, когда собрание?

— Какое? — Вера в недоумении глянула на спутницу, вслед за ней ускоряя шаг.

— Против Марго! А какое ещё?

— Ну, мало ли, Наташа ведь староста. Откуда я знаю, может, ты имела в виду родительское собрание?

— Вот ещё! Ты же знаешь, мои предки на собрания всё равно не ходят, так чего мне про них спрашивать?

Вера пожала плечами.

— Ну, так что? — нетерпеливо повторила вопрос Люба, спускаясь по лестнице, ведущей к школьному двору.

— Нет, не звонила, — рассеянно отозвалась Веруня, как обычно думая о чем-то своем.

— Эй, привет, а где Надя? Вы что, поссорились? — раздался чей-то голос, и перед подругами появилась розовощекая, крепко сбитая девчонка по имени Лакизо Оля — самая сильная из женской половины класса, всё время озорная, веселая и неутомимая, постоянно хвастающаяся тем, что в её дневнике 64 замечания за опоздания и ещё 28 за плохое поведение, не считая записей о неподобающей для гимназии одежде. По правилам, не полагалось носить ничего слишком яркого или спортивного, макияж был нежелателен, а бриджи и джинсы категорически запрещались. Оля же в основном носила бриджи со стразами, пестрые майки и топики, красила волосы в красный и синий цвета, носила кольца с черепами, а про маникюр вообще лучше промолчать. Ресницы Ольга подкрашивала не какой-нибудь тушью, а с блестками, требовала ото всех учителей звать её «Олечкой», и только в одном она постоянна: никакие запреты не заставят её снять свои любимые старые кроссовки. Девиз её жизни: «Пинай судьбу или она пнет тебя».

— С чего ты взяла, что мы поссорились? — изумилась Люба.

— Ну, не знаю, просто я ещё ни разу за этот год не видела вас порознь, — Ольга сгрызла остатки чупа-чупса и швырнула оставшуюся палочку в замёрзшие кусты.

— Видела бы, если бы хоть раз пришла вовремя, — фыркнула Люба. — В школу мы

никогда вместе с Надеей не ходим. Верин дом мне по пути, поэтому я за ней захожу, а Надина остановка в противоположной стороне от школы, ей знаешь какой крюк делать надо, что бы к подъезду Веры попасть? Жуть! Сразу в школу намного быстрее.

— А вот и я! Привет, девчонки! — поздоровалась слегка запыхавшаяся Надя. — Пошли? Подруги вопросительно глянули на Олю.

— Не, я на крылечке Аньку подожду, — отозвалась Олечка, сладко зевнув.

Анька — лучшая Олина подруга. Вляпываются в неприятности они обычно вместе, поэтому и подружились. И хотя характеры у них похожи, внешне они сильно отличаются: Оля высокая, под метр семьдесят пять, а Аня ниже всех в классе. Ольга ширококостная, тренированная, да и вообще выглядит внушительно, а Аня — хрупкое существо с тонкими чертами лица. И если первая предпочитает ярко одеваться, то Анна — краситься. Причем так, что индейцы племени Юта отдыхают в санатории. Красные ресницы, блестящие наклейки на лицо, губы покрашены двумя цветами: нижняя розовым, верхняя бордовым, а волосы... Волосы у Ани от природы темно-коричневые, почти чёрные (во всяком случае, сама Аня так говорит, хотя из её одноклассников мало кто об этом помнит, так как с натуральным цветом волос её не видели с третьего класса). Но Аня сделала мелирование. Потом ей это показалось недостаточным, и волосы стали отливать рыжим. Нет, и этого мало! Две передние пряди окрасились розовым. Казалось — куда больше? Больше можно всегда! И Аня снова решительно идет в парикмахерскую. Теперь кончики волос стали зелёными. Пока что Аня довольна, но все (включая Анну) думают, что это не надолго.

Четыре одноклассницы побрели в школу. Поднявшись на лестницу, группа разделилась: три подруги зашли внутрь, а Ольга осталась караулить Аньку.

— Ой, слушайте, надо было у Оли спросить, когда собрание! — спохватилась Вера.

— Какое собрание? — удивилась Надя.

— О боже мой! Ещё одна! Эпидемия тупости, надеюсь, не заразно! Весь прошлый месяц только об этом и говорили, и нате вам! — закатила глаза Люба, объяснила, про какое собрание идет речь, и задала тот же вопрос, что и Вере.

— Заразно, и ещё как! — обрадовала подругу Надя. — Нет, не звонила.

— Ну ладно, гляньте, вон сама Наташа идет, сейчас у неё и спросим! — махнула Вера в сторону девочки с пышными вьющимися волосами рыжеватого оттенка, пушистым облачком обрамлявшими лицо, и в куртке им в тон. Девочка помахала друзьям и подбежала к ним.

— Ой, привет, девчонки! Давно вас не видела! — как всегда весело и с улыбкой сказала Ната. В свое время она тоже пострадала от Маргариты, и сейчас, когда Люба объявила ей войну, взялась организовывать против неё первое собрание.

— Слушай, Нат, а чего ты нам не позвонила и не предупредила, когда начало? — поинтересовалась Люба, заходя в раздевалку для седьмых и восьмых классов.

— Начало чего?

— Ну, собрания!

— А-а-а... Значит, забыла. Извините, в списке имен запуталась. Трудно всё помнить!

Вера молча снимала свое стёганое пальто. Она почему-то чувствовала себя не очень уютно.

— Короче, сегодня, насколько я знаю, Гарпии[1] не будет, заболела, кажется. Замены нет, можно будет прямо на уроке...

— А как ты узнала?

— У-у-у! Секрет! — Ната сделала большие глаза и добавила: — Я же староста...

— Так, всем привет, какой у нас первый урок? — ввалилась в раздевалку Аня в сопровождении Ольги. Девочки, которые пришли раньше, оглянулись и замерли, а у Веры вырвалось: «Ой, мамочки!». Симпатичное смуглое личико Аня было толстым слоем намазано чем-то блестящим, так что казалось, что на девочке надета сверкающая маска, а на щеке было стразами выложено сердечко.

— Аня, ты в своем уме? Отдавая мозги в починку, требуйте квитанцию, а то вам их не вернут! — изумлённо прокомментировала Ната, глядя на почти неузнаваемое лицо одноклассницы и пытаясь повесить куртку на крючок (и куртка, уже два раза свалившаяся на пол, и крючок отчаянно сопротивлялись).

— Было бы что возвращать, — потрясенно пробурчала Вера.

— А чё? Прикольно, — отозвалась переливающаяся всеми цветами радуги Аня, стаскивая с себя куртку, заставив всех снова разинуть рты.

— Слушай, а ты уверена, что это подходящая одежда для января? — поинтересовалась Ната, разглядывая розовую мини-юбку и голубой топ. В ушах у Анны болтались огромные пластмассовые кольца, на руках такие же браслеты, а на ногах — коротенькие сапожки. Если бы не эти сапожки, Аню можно было бы принять за папуаску, живущую где-нибудь в Африке, а не за школьницу, которая пришла учиться январским днем в родную гимназию.

— Ой, Анечка, а ты лечиться не пробовала? — страдальчески произнесла Надя.

— Пробовала. Ничего не помогает. Так какой сейчас урок?

— Математика, — наморщив нос, ответила Ната, взглядываясь в выуженное из портфеля расписание.

Шумная толпа без умолку болтающих восьмиклассниц ворвалась в раздевалку, и Вера, Надя, Оля, Аня, Ната и Люба поспешили её освободить, направляясь в кабинет № 311 на урок, под страшным названием «математика».

Проходя мимо зеркальных колонн, Люба внезапно кинулась за одну из них и присела, взглядываясь в проходящую неподалеку группу мальчишек.

— Эй, Любчик, ты чего? — поинтересовалась Ольга, засовывая в рот жвачку.

— Это он, — сдавленным голосом прошептала Люба, в ужасе стукнувшись лбом о колонну. — А я, наверное, сейчас ужасно выгляжу!

— Ты выглядишь отлично! Но, думаю, он удивится, если увидит тебя сидящей за колонной и бьющейся об оную лбом с расширенными от ужаса глазами. — Вера тоже увидела в группке пацанов, остановившихся напротив, шестиклассника Вову, предмет воздыханий Любы (на данный момент). — Пойди, поздоровайся с ним! — она тихонько пнула скорчившуюся подругу носком сапога.

— Может, лучше не стоит? Ведь мы встречались с ним всего пару раз, — Люба снизу вверх смотрела на друзей жалобными зелёными глазами.

— Нет, стоит. Ты ведь мне только вчера по телефону жаловалась, что он про тебя забыл! Так напомни ему! Сама ведь потом себя за нерешительность на колбасупустишь, да ещё и упакуешь, и в магазин отошлешь!

Люба тяжело вздохнула, встала, поглядела в зеркало и, пригладив слегка растрепавшиеся волосы, решительно подошла к мальчишкам. Стараясь приветливо улыбаться и унять клацавшие от страха зубы, она обратилась к Вовочке и обменялась с ним парой фраз, а потом с триумфальным выражением на лице возвратилась к терпеливо поджидающим и отчаянно за неё болеющим одноклассницам.

— Ну, как?



— Что он сказал?

— А как отреагировали его друзья? — посыпались вопросы.

— Всё в норме. Потом расскажу. Мне надо прийти в себя. Но какой же он красивый! — выдохнула Люба, на секунду присев и прижав руки к груди, а потом, решительно взяв Надю и Веру под руки, пошла по направлению к лестнице, дав остальным понять, что разговор окончен и будет продолжен на уроке с помощью «секретного оружия» — тетради по переписке[2].

На математике Люба села с Верой и, разложив на парте все необходимые принадлежности, поманила рукой сидящую на соседнем ряду Надю.

— Ну что, сейчас у Максима спросим, или на истории? — спросила она, выискивая в гомонящей толпе одноклассников отличника.

— Про что, про отпечаток в часов...

— Тс-с-с! Да.

— А чего шептать-то? Все равно нас никто не слушает, у всех свои проблемы, а если кто и услышит, то все равно не поймет, про что мы, — заметила Вера, присаживаясь на парту.

— А как будем спрашивать? — поинтересовалась Надя. — Нужно сформулировать вопрос.

Но тут зазвенел звонок, в класс вошла училка по кличке Терезка, и Надя поспешно убралась на свою парту. Терезка начала объяснять новую тему, но Надя быстро поняла, что тема скучная и непонятная, и стала наблюдать за подругами. Вера и Люба тоже не обращали на учительницу никакого внимания, они о чем-то увлечённо спорили. Однако вскоре они успокоились, а ещё через минуту Наде на стол пришла крохотная записка. Девочка с сожалением подумала, что придется вырывать лист из своей тетради, так как на этом клочке бумаги ответ не поместится. И почему они не захотели воспользоваться тетрадкой для переписки? Но, прочтя записку, она поняла, что ответа не потребуется. Там было всего два слова: «На истории». Возражения явно не принимались.

\* \* \*

Всласть помусолив в тетради встречу Любы и Вовы, все одноклассницы, которые были в курсе её любовных дел, успокоились, а сама Люба с трудом дождалась перемены, чтобы спокойно обсудить поведение возлюбленного с теми, кому доверяла больше всего: с Верой и Надей.

Подруги вышли из кабинета и заперлись в туалете. Люба печально уселась на свой портфель и вздохнула.

— Послушай, — первая прервала молчание Вера. — Я, конечно, понимаю, что тебе необходимо с кем-то поделиться своими переживаниями, но скажи честно, почему ты рассказываешь обо всём всему классу? Ну, сама подумай: из семнадцати девчонок нашего класса двенадцать, не считая тебя, знают про каждого твоего нового парня во всех подробностях! Неужели тебя это не смущает?

— Ну, не знаю... Так как-то само получается. Случайно. Да и они сами спрашивают...

— Потому, что привыкли, что у тебя каждую неделю новая любовь! Может, пора остановиться, ты так не считаешь?

— Ну, во-первых, не каждую неделю, — возмутилась Люба. — Взять хотя бы того, который был перед Вовочкой — целых два месяца! Да и сам Вова уже месяц...

— Это метафора, смысл-то один и тот же — ты слишком часто влюбляешься и слишком многим об этом рассказываешь! — слегка раздраженно прервала её подруга.

— Может быть, но что я могу с собой поделать? — Люба снова вздохнула. — Ну да ладно. Мне сейчас хочется просто все спокойно с вами обсудить. В тетради ведь всего не расскажешь... В общем, мне не совсем понравилось как он, или, точнее, его друзья на меня смотрели.

— А в чём дело? — поинтересовалась доселе молчавшая Надя, с непонятным упорством отколупывая от стены белую плитку.

— Ну, как вам сказать, — последовал очередной вздох. — Насмешливо, что ли. А Вова очень прислушивается к мнению друзей. Сначала он мне улыбнулся, а потом увидел рожи своих приятелей, и тоже стал смотреть на меня... как бы свысока. И говорил как-то неохотно... Я тогда была очень рада что его увидела и не обратила внимания, а теперь...

— Ну, зато теперь ты сможешь сделать несколько выводов: во-первых, ты ему нравишься, но он тебя не любит. Во-вторых, чтобы завоевать его любовь, ты должна будешь понравиться всем его приятелям, или хотя бы большинству. В-третьих, из второго пункта ты можешь понять, что ты для него значишь намного меньше, чем друзья. И, наконец, в-четвертых, третий пункт должен заставить тебя понять, что твой Вовочка — ничего не стоящая эгоистичная свинья, и что самый выгодный для тебя вариант — послать его куда подальше, — закончив свою длинную триаду, Вера села на батарею и, закинув ногу на ногу, выжидательно уставилась на подругу, ожидая ответа.

Люба же беспомощно глянула сначала на Надю, потом на её портфель, потом в окно, потом на бочок унитаза, словно ожидая от них помощи. Наконец она посмотрела на Веру и тихо сказала:

— Не могу.

— Но почему?! — подпрыгнули от удивления обе девочки, которые привыкли, что Люба никогда не расстраивается из-за парней, да и вообще, она сама бросала их чаще, чем они её.

— Я люблю его, — еще тише сказала девочка, глядя в пол. — Наверное, первый раз в жизни по-настоящему люблю. Очень сильно.

Вдруг раздался стук в дверь:

— Эй, вы там чего, заснули, что ли? Там никто никого в унитазе не топит?

Никто из девчонок не отреагировал.

— Ладно, — наконец произнесла Люба.

Стук повторился.

— Ну, чего, не видно, что занято, что ли?! — не выдержала Вера. — Уже утопили, осталось только разрезать труп на кусочки и смыть в унитазе, идите пока отсюда! Туалетов в школе мало?

— Да ладно, пошли, нам все равно уже пора, звонок через минуту. Скажут оценки за контрольную, которую мы писали ещё в прошлой четверти, а оценки пойдут в эту, так что лучше не опаздывать, — заметила Надя. Подруги встали, надели портфели и вышли из туалета, за дверями которого выстроилась длинная очередь.

\* \* \*

В кабинет русского языка № 339 вошли со звоном. Учителя ещё не было, но на партах

уже лежали тетради с проверенными контрольными. Класс шумно обсуждал свои оценки.

— Тебе что? — подскочила к Любе, которая на этот раз села с Надей, довольная Вера.

— Семь, — призналась подруга.

— А мне шесть, — заявила Надя. — Три ошибки в тексте. А у тебя что не так? — она пихнула подругу локтём в бок, призывая подвинуться и показать тетрадь.

— Да вот, запятую забыла поставить, и ещё в будущем времени от глагола «любить» написала «выйти замуж», — Люба выглядела довольно смущённой.

Девчонки прыснули.

— Ну даёшь! О чём только думала? — поинтересовалась Вера.

— Сама не знаю. Кстати, а тебе что? А то такая довольная ходишь!

— Восемь, — гордо ответила подруга. — Перепутала буквы «р» и «л» в слове «отворите». Там предложение было: «Братцы, отворите!». Ну, а вышло: «Братцы, отвалите»...

Тут в класс вошел учитель русского языка и одновременно классный руководитель 7 «А» Кутас Сергей Владимирович по кличке Кутасёнок[3].

— По местам! — скомандовал он. — Люба, Лакизо, опять в джинсах пришли!

— Сам ты Кутас! А я — Олечка!

— А ты мне не хами! Ну, садитесь, садитесь!

Пару человек послушались и сели за свои парты, остальные продолжали громогласно высказывать недовольство своими оценками.

Кутасёнок попытался призвать класс к тишине. С третьей попытки ему это удалось, и он начал говорить:

— Перед тем как мы начнём наш урок...

— Который через двадцать минут заканчивается, — хмыкнул кто-то с задней парты.

— ... я должен сделать объявление, — как ни в чем ни бывало продолжил привычный к подобным комментариям учитель. — Директор оповестил всех классных руководителей, что они обязаны каждый месяц водить вверенные им классы в театр, музей, на выставку, в общем, «обогащать вашу культурную программу». Поэтому я сообщаю, что на этой или на следующей неделе, ну, в крайнем случае, не позже чем через месяц, мы всем классом пойдём на художественную выставку! И никаких отговорок! — Кутас произнес это железным голосом, но по выражению его лица было видно, что он с превеликим удовольствием остался бы дома на диване перед телевизором пить горячий чай с булочками, вместо того, что бы тащить куда-то кучку оболтусов по высочайшему директорскому повелению.

Со стороны парт послышалось ворчание:

— Да на кой нам эта выставка?!

— Что мне, делать больше нечего?

— Офигели они там вообще! Каждый месяц куда-то таскаться!..

«Да уж, наш класс не горит желанием приобщаться к культурной жизни», — подумала Надя и поделилась своими мыслями с Любой. Та в ответ так посмотрела на соседку по парте, словно это она была во всём виновата.

— Вот ещё! Шиш им всем! Никуда я ходить не собираюсь! — заявила она, гневно сверкнув глазами.

— Родителям позвонит, — покачала головой подруга.

— Ну и пусть звонит!!! Уверена, мои предки меня полностью поддержат! — с этими словами она достала из портфеля тетрадь по переписке и начала строчить там длинную

гневную триаду Вере, надеясь услышать (точнее, увидеть) от подружки слова утешения.

Когда Кутасу наконец удалось восстановить тишину, до конца урока оставалось около пяти минут, и ему ничего не оставалось сделать, кроме как, пробормотав «еще один урок 7-му «А» под хвост», написать на доске задание и отпустить класс на перемену. Его утешала только одна мысль: на дом он задал сочинение, и всему классу придется над ним попотеть.

— О-о-ой, сейчас история, а в нашем жестоком мире история = Барисова! Надо срочно повторять прошлые параграфы! Вер, дай мне книгу, а то я свою дома оставила, — попросила Люба. Друзья шли мимо входных дверей, в которые трое мужчин, кряхтя и обливаясь потом, втаскивали нечто, прикрытое грубым ярко-синим чехлом.

— Интересно, что там? — с любопытством спросила Вера, проигнорировав просьбу подружки.

— Не знаю. Но, судя по тому, как выглядят эти ребята, эта штука весит не немало, — оценивающе взглянув на рабочих заметила Надя.

— Вера, мне, конечно, тоже было бы интересно узнать, что там находится, но, если ты забыла, осмелюсь тебе напомнить, что сейчас урок истории, который ведет Барисова, которая обещала вызвать меня в этой четверти. А еще добавлю, что свои обещания она выполняет, а я дома готовилась спустя рукава, а книгу забыла, и сейчас прошу тебя мне её дать, что бы я смогла повторить то, что не доучила дома, так как мне совсем не улыбается в первый день занятий тащить домой кол по истории, — монотонно произнесла Люба, устало глядя на подружку.

— Ага, сейчас, — неопределенно отозвалась та, всё ещё с интересом оглядываясь на рабочих, громко проклиная предмет в чехле, лестницу и гимназию в общем, и того, кто нанял их тащить сей предмет на третий этаж (а им, как вытекало из их слов, был директор) в частности.

— Меня она вроде не должна вызывать, — обеспокоенно произнесла Надя. — Я три урока назад отвечала.

— Ну, вроде не должна, — согласилась Вера.

— Послушай, — не выдержала Люба, — дашь ты мне эту идиотскую книгу, или нет?!

— Дам, дам, — успокаивающе сказала девочка, остонавливаясь и открывая портфель. — На, поцелуйся со своей историей, — добавила она, сунув книгу подружке под нос.

— Спасибо, — недовольно буркнула Люба и стала лихорадочно листать страницы.

— Кстати, — спохватилась Вера, — вы помните про Максима?

История тот час была забыта, Люба остановилась на лестничной площадке между этажами и с энтузиазмом схватила Веру за плечо.

— Точно!

— Пойдите, — задумчиво произнесла Надя. — У меня к вам вопрос. А зачем мы все это делаем? Что нам это даёт? Ну, пусть даже если мы узнаем, что висело в этой часовне, что сомнительно. И что дальше?

— Ну, во-первых это просто интересно было бы узнать. А во-вторых... У меня какое-то странное чувство, как будто с этой часовней связано... что-то, — Вера задумчиво отковырнула краску с оконной рамы. Она не сказала Наде главную причину, из-за которой ей хотелось разузнать об этой часовне как можно больше. Главная заключалась в том, что девочка действительно чувствовала, что какая-то тайна окутывает найденную ей и подружками в лесу старую часовню. И в глубине души надеялась, что разгадка этой тайны приведет их к Приключению, настоящему, опасному, захватывающему Приключению, о

котором она мечтала всю жизнь.

Надя внимательно наблюдала за лицом подруги.

— Послушай, неужели тебе самой не хочется узнать об этой часовне побольше? Ведь мы могли бы провести настоящее расследование! Подумай, как это здорово! — воскликнула Люба и взмахнула руками, глядя Наде в глаза. Она надеялась, что сможет заинтересовать подругу.

— Не знаю... Может, и хочется. В этой часовне действительно есть что-то странное. Оно как будто... притягивает меня, — вздохнула она. В ней боролись противоположные чувства: с одной стороны, ей было любопытно узнать, какая же все-таки тайна кроется в деревянном домике, который они нашли. А с другой, ей было страшно лень что-либо предпринимать, чтобы хоть немного продвинуться в этой истории. Да и вообще, это может оказаться опасным делом, а она таких вещей боится!

Однако, взглянув на лица друзей, она сказала:

— Ну хорошо. Но только мы всё равно ничего не сможем узнать...

Физиономии подруг просияли:

— Ничего, хотя бы попытаемся!

Хорошее настроение было восстановлено, вопрос Максиму — сформулирован, а Люба вспомнила об истории и Барисовой.

\* \* \*

Прозвенел звонок, и учительница грузной поступью вошла в класс. Ученики тихо расселись по местам. Барисова, усевшись за учительский стол, грозным взором обвела класс, выискивая очередную жертву. Её глаза задержались на Вере, и та сжалась, словно хотела стать незаметнее. Но тут внимание Барисовой привлекла шевелюра Анюты, переливающаяся разными цветами (блёстки с лица Аня предусмотрительно смыла), и её взгляд стал хищным:

— Исафилова!!!

Аня испуганно съёжилась, так как это именно её фамилию только что выкрикнула учительница.

— Что? — пискнула Анечка, готовясь к словесному бою с её вечным врагом.

— Сядь, как подобает ученице!

Аня выпрямилась.

— Чего ты сидишь?!!! Встань, когда с тобой разговаривает учитель!!!

В классе послышались смешки, но Барисова настроилась на Аню и остальных уже не замечала.

— Ну? — грозно спросила она.

— Э-э-э... Что — «ну»? — не поняла девочка.

— КАК ЭТО «ЧТО — «НУ»?!!! ТЫ КАК СО МНОЙ РАЗГОВАРИВАЕШЬ?!!! Да посмотри на себя в зеркало! Накрасилась, как дикобраз!!! Да с такими волосами я тебя к Мороз отведу!

Мороз Ольга Игоревна — невероятно строгая завуч по воспитательной работе и заместитель директора в одном лице, а так же преподаватель физики у старших классов. Старшеклассники боялись её чрезвычайно, так что Анна мгновенно отказалась от словесного поединка. Барисова же продолжила лекцию:

— Ты бы лучше выставляла на показ свои знания! К тому же, краска сильно портит

волосы, вот станут они у тебя жидкие и слабые, тогда поплачешь! Вот, тем более ты учишься не где-нибудь, а в гимназии, и я считаю, что в общественных местах с такой прической появляться неприлично! Нужно украшать свой ум, а не внешность! Да! Вот так вот! И выбрось жвачку в мусорку, а то на плечи налеплю! — учительница гордо оглядела класс, словно надеялась, что кто-то поздравит её с победой.

Потом она начала просматривать список учеников. Все затаили дыхание. Наконец Барисова произнесла:

— Радько Люба!

Люба медленно поднялась, пробормотав про себя «старая бегемотиха». Естественно, этим эпитетом она угостила свою учительницу истории.

— Ты параграф читала? — сурово спросила Тамара Ивановна.

— Читала! — пискнула Люба

— Это роман или книгу можно читать, а историю нужно учить! — изрекла историчка.

Вера задумчиво наблюдала за отвечающей подругой. Вроде, у неё получалось неплохо. Сидящая рядом с Любой Надя шептала подсказки. Иногда, когда Люба останавливалась, Барисова вызывала других учеников, и они дополняли Любин ответ. Наконец девочка плюхнулась на место и, заметив, что Вера на неё смотрит, показала оттопыренный большой палец. Барисова начала рассказывать об очередной французской революции, тщательно продиктовывая фразы, которые надо было записать в конспект.

Однако Верины мысли были далеки от истории. «Что же было в том синем чехле?» — вертелось в мозгу. И в самом деле, что же там было? Это люди шли на третий этаж... А что находится на третьем этаже? Хранилище, библиотека, изостудия, несколько кабинетов музыки... Куда же ЭТО могли нести? И что, что ЭТО было?

Вера на секунду подивилась своему внезапно возникшему любопытству, но тут ход её мыслей очень грубо прервали.

— Вера!!! Матвеевская! — прогремел над ухом до боли знакомый голос. — Ты почему не пишешь?!

Девочка испуганно подняла глаза. Перед ней, закрывая обзор своими массивными телёсами, стояла Барисова.

— Я для кого диктую?! Ты же ведь не одного слова не записала!

Вера молчала.

— Где, скажи мне, твои конспекты? Ну-ка, сейчас проверим, внимательно ли ты меня слушала. В каком году и по каким причинам произошла Варфоломеевская ночь?

От расправы похлеще той, что была учинена в Варфоломеевскую ночь, девочку спас звонок. Вера быстро сгребла в охапку лежавшее на парте имущество, другой рукой схватила портфель и выскользнула из класса — благо, дверь была совсем рядом.

За ней выбежали Надя и Люба.

— Ну ты даешь! — хмыкнула последняя, помогая подруге запихивать в сумку прихваченный в спешке скарб. Упрямая книга всемирной истории никак не хотела лезть внутрь. Вера в отчаянии пнула портфель и затащила его за угол: из кабинета выходила Барисова.

— Фу-у-ух, — выдохнула Вера, выглядывая из-за спин друзей, когда учительница скрылась на лестнице. — Ну, как ответила? Что поставили? — обратилась она к Любе.

— Восьмерку! Жирная гадина! — моментально вскипела Люба. — Я ей на все вопрось ответила, даже дополнительное задание сделала (правда, наугад), а она...

— Стоп! Вон идёт Максим, — шепнула Надя.

— Ага! — обрадовалась Люба. — Ну, Вера, удачи тебе!

— Угу.

— Не забудь, ты должна сказать...

— Я знаю, знаю! — нетерпеливо отмахнулась Вера. — Слушай, Максим, можно задать тебе один вопрос? — спросила она, подбежав к отличнику.

— Да, Вера, конечно, я слушаю, — с самым серьезным видом ответил тот.

— Раньше, где-то во времена Возрождения, в церквях всякие там иконы и остальные изображения святых в больших таких овальных рамах делали?

— Какие церкви?

— В смысле — какие? Ну, часовни там...

— Нет, я имею в виду ответвление христианства. Именно церковь, или, может, костёл?

— Православные.

— Иконы в православных церквях разных периодов, а так же периода Возрождения в основном делали в прямоугольных формах. Случаи, когда изображения святых делали в округлых рамах очень редки, но они упоминаются в...

— Очень, очень большое, просто огромное тебе спасибо, Максим! — прервала его Вера, испугавшись, что тот начнет читать ей длинную лекцию о православии, православных церквях, иконах в православных церквях, и иконах периода Возрождения в православных церквях.

Девочка нагнала подруг по пути в столовую.

— Ну что? — друзья чуть не сбили её с ног.

— Потом расскажу, — отмахнулась Вера. — Я жутко хочу есть. Однако, похоже, придется поголодать — пахнет не очень аппетитно, — добавила она, потянув носом. Пахло чем-то тошнотворно-кислым.

— Да уж, чем наша гимназия не может похвастаться, так это хорошей едой, — вздохнула Люба.

Подойдя к столу 7 «А», возле которого столпился уже почти весь класс, девчонки смогли узреть стоящие на липких клеенках две дюжины тарелок с выщербленными краями, на которых покоились отвратительно воняющие котлеты вперемежку с солёными огурцами.

Со вздохом, полным обреченности, Вера взяла в руки тарелку с вилкой и принялась ковырять огурцы.

— Ты же говорила, что лучше немного поголодаешь, чем будешь есть эту гадость? — усмехнулась Люба, беря свою порцию.

— Ну, если я съем это, то получу только расстройство желудка, а если нет — умру с голода. Из двух зол выбирают меньшее, — философски заметила девочка.

Люба хмыкнула, а Надя покачала головой:

— Это не смешно, прошлый раз у меня два дня болел живот, после того как нам по ошибке дали просроченные глазированные сырки.

Тут к ним подошли Наташа и Полина Корней[4].

— Эй, девчонки, вы не забыли, что на этом уроке собрание? — тихо спросила Ната.

— Нет, не забыли, — так же тихо ответила Люба, покосившись на стоящую неподалеку Марго — невысокую, хрупкую худенькую девочку с волосами, заплетенными в две косички с большими бантами. У девочки были огромные, красивые, очень светлые глаза.

— А ты уверена, что Гарпии нету? Может, нам дадут замену? — обеспокоено спросила

Надя. — Ох, не нравится мне всё это...

— Нет... Нет, всё будет ОК. Я уверена. — Наташа задумчиво глядела на Шуйского Андрея и Игната со смешной фамилией Кочан — эти двое были известными лоботрясами, и в данный момент развлекались тем, что засовывали котлеты в стаканы с чаем.

— Кстати, — хмыкнула Полина, ткнув Наташу локтём в бок. — Вы знаете, что какие-то работяги пили на кухне водку, и бутылка случайно (а может и не случайно, кто их знает?) упала в суп, который должны были дать восьмому-штрих классу?

— Пустая бутылка? — удивилась Надя.

— Да нет, почти полная.

— Ну, штрихам от этого хуже не будет. Они и так там все законченные дебилы. Не зря у них даже буквы нету — не 8 «А» или «Б», а 8-штрих! У них вместо мозгов — прочерк, поэтому и «штрих», — фыркнула Люба.

— А ты-то как об этом узнала? — поинтересовалась Надя, дёрнув Полину за рукав.

— О, сие великая тайна есть... — начала было Полина, но взглянула на скептическую Надину физиономию и фыркнула. — Сейчас 9 «Б» дежурит. А у меня там знакомая есть, Таня, она сегодня в столовке, так она нам с Натой сейчас всё и рассказала.

— И когда это было? — оживилась Вера при упоминании о рабочих.

— Что?

— Ну, когда эти рабочие водку в суп уронили?

— А, так на этом уроке. Повариха ещё орала, что продукты на суп потрачены, а детям давать его нельзя, так что деньги придется вернуть.

— А ты не знаешь, что эти рабочие здесь делали? Ну, кроме выливания водки в суп?

— Да нет, спроси у Таньки, если интересно, может, она знает.

— А Таня, это которая? — спросила Вера, глядя на двух девчонок в фартуках, которые сидели за столом в углу и, пока ещё все едят, пытались настроить старый магнитофон.

— В красном. А зачем тебе?

— Да так, просто. Я сейчас, — обратилась она к подругам.

— И охота тебе была... — поморщилась Люба, но девочка уже начала протискиваться сквозь недовольно ворчащую толпу старшеклассников.

— Привет, ты Таня? — обратилась она к девушке в красном фартуке.

— Ну, я, — кивнула девица.

— Слушай, а что там с этой водкой, я что-то не поняла?

— Ну, слушай... — и девчонка, явно гордясь тем, что стала свидетелем такого знаменательного события, как бутылка с водкой в супе, радостно повторила рассказ Полины.

— А что эти рабочие у нас вообще делали?

— Кажется, какую-то фигню на третий этаж перетаскивали.

— А какую? В смысле, чего они перетаскивали?

— Ой, а я-то откуда знаю? Знаю только, что эту штуку на машине привезли.

— А откуда знаешь, что на машине?

— Так я ведь сегодня в столовке дежурю, на уроки ходить не надо, мы тут приберём за всеми, и всё — делать нечего. Ну, пацаны-то в шахматы режутся, а мы с Катькой от скуки в окно пялимся. Ну, а там эта машина...

Ничего не выяснив, Вера какое-то время рассеянно кивала, не особо прислушиваясь, а потом поняла, что Тане, в принципе, всё равно, слушают её, или нет, и оставила беззаботно болтавшую девчонку, приготовившись к преодолению полосы препятствий: сначала надо



было протолкаться среди мощного вида одиннадцатиклассников, не наступив при этом на разбросанные по полу котлеты, потом миновать Шуйского, который пытался облить чаем любого, кто проходил мимо, и, наконец, придумать, как оправдаться перед Надей и Любой, которые стояли у дверей и явно были не очень довольны тем, что приходится ждать занимающуюся ерундой третью подружку — то бишь, Веру.

— Где ты так долго?! — накинулась на неё Люба, но тут мимо пронесся Кочан и на ходу шлепнул её пониже спины.

— Придурок озабоченный! — возмущенно крикнула ему в след девочка, хотя было заметно, что в глубине души Любе всё же приятно мужское внимание, даже если оно исходит от мелкого белобрысого Кочана, который ниже её на голову. — Послушай, — повернулась она к Вере, — почему тебе так интересно, что припёрли эти мужики?

— Ну... — промямлила девочка.

— Так, ладно, забыли, — раздраженно отмахнулась Люба. — Пойдёмте, нас ждут великие дела! А по дороге расскажешь про Максима.

\* \* \*

В замену 7 «А» дали молоденькую учительницу, которая с очаровательной улыбкой сообщила классу, что они могут просто тихо посидеть и заняться своими делами, а сама занялась своими.

— Интересно, как это у неё получается одновременно красить ногти, болтать по сотовому и читать роман? — удивлённо прошептала Люба.

— Тренировка, — с уважением отозвалась Вера, глядя как Полина и Наташа составляют вместе две парты, чтобы получился один большой стол, и приставляют к нему стулья.

Из «доклада» Максима девочки поняли, что на стене висела не икона, а так как за исключением формы им об этом предмете ничего известно не было, часовню оставили в покое, решив при первом удобном случае заняться Книгой.

Все расселись по местам, и собрание началось.

— Ну, — прошептала Наташа (Марго сидела неподалеку и кидала в сторону собрания хмурые взгляды), — для начала, думаю, следует посчитать, сколько нас здесь собралось.

Каждый оглядел стол, считая присутствующих.

— Восемь... Да, восемь, — сказала Аня, еще раз обводя взглядом стол. — Вера, Люба, Надя, я, Оля, Наташа, Полина...

— И Прохор Коля, — хихикнула Оля, глядя на Надю. Та в ответ недовольно поморщилась

— Чего ты смеешься? — поинтересовалась Ната.

— А он сначала был за Марго, а потом влюбился в Надю и как миленький к нам перебежал. Только его сегодня в школе нету.

— Не нужна мне эта горилла лохматая! — обиженно пробурчала Надя.

— Да ладно вам, — поспешила вмешаться Вера. — Значит, восемь? И, кстати, на гориллу он не похож! Нормальный парень.

— Ой, нет, ведь ещё Шуйский с Кочаном! — спохватилась Аня.

— Как?! Они же были за Марго!

— Были. А теперь они мне сказали, что будут за нас, только что бы мы этого не показывали, а то она им конфеты давать перестанет. Поэтому они с нами и не сели, —

довольно сказала Аня.

— А по-моему, тут сыграло роль то, что ты Кочану нравишься. Он же даже поэму про тебя написал, — хихикнула Люба.

— И полдня гонялся, что бы поцеловать! — развеселилась Олечка.

— Ой, да ему все девчонки в школе нравятся, — Аня жеманно трепыхнула густо накрашенными ресницами. — Поэму он в шутку написал, а поцеловать пытался, потому что Шуйский ему за это пятьсот рублей обещал, — отмахнулась Анюта, хотя губы у неё растянулись в довольной улыбке.

— Выходит, десять, — подвела итог Полина.

— Я думала, что Юра тоже с нами будет, а он... Предатель! — обиженно сказала Люба. Самый крупный и высокий, в общем, по всем параметрам огромный, но очень добродушный с виду мальчик, услышав свое имя, оторвался от журнала с компьютерными играми и оглянулся. Он недавно заявил, что члены собрания занимаются ерундой и что им просто делать нечего. — А ведь я считала его самым нормальным пацаном в нашем классе! Он отличник и знает английский лучше всех в классе, даже лучше Максима, и немецкий тоже знает, и ещё какие-то языки учил, да ещё и программированием занимается, — продолжала причитать девочка.

— Да ладно тебе! Давай лучше думай, какую пакость нам сделать Марго! — посоветовала Оля, методично жуя жвачку.

— Нам надо не пакость ей сделать, а отомстить! — воскликнула Ната, но спохватилась и понизила голос. — Я с ней дольше всех дружила, мне от неё больше всех досталось. Я вечно за неё отдувалась, вину брала на себя, а она со мной дружить перестала после того, как меня к завучу отвели. «Извини, — говорит, — но мне мама с тобой дружить не разрешает. Ты слишком плохо себя ведешь». Представляете?! Правда, это в третьем классе было...

— Да, — поддержала Наташу Вера, — а мне она подсунула сломанную игровую приставку, а потом сказала, что это я её сломала. Пришлось новую покупать. Тоже, правда, давняя история...

— А мы с ней когда в прошлом году дружили, пошли на выставку драгоценных камней — между прочим, красотища такая! — и она случайно на одной витрине стекло поцарапала. Там, наверное, какая-то сигнализация сработала, потому что тут же прибежала тётка и начала нас отчитывать, а Марго завопила, что это я, мол, её толкнула, и эта баба меня из музея выставила, — возмущенно рассказала Аня.

Тут все начали наперебой рассказывать, что и кому сделала Маргарита, воцарилась страшная неразбериха, так что молодая девушка за учительским столом отложила книжечку и крикнула, что если они не успокоятся, то она их рассадит как обычно, по два человека за парту.

Члены собрания понизили голос и стали думать.

Идеи выдвигались самые разные: от предложения запереть её в туалете до послания от её имени любовной записки Кутасу. Кочан с Шуйским прислали бумажку с предложением сначала закидать её снежками, а потом заживо закопать на школьном дворе. Игнат даже готов был пожертвовать большой деревянный крест ей на могилку, который валялся у него на балконе. Полина, которую Маргарита недавно обвинила в потере своего учебника по математике, готова была согласиться, но Наташа её отговорила. Вера начала что-то говорить о том, чтобы напустить на Марго Тара, Любину собаку, но её никто не слушал.

Прошло уже полчаса, а решения всё не было. Наконец Люба выдвинула разумное

предложение: Надя попытается втереться Марго в доверие и в нужный момент уведет её из класса. Несколько человек прикроют Любу и она поставит Марго в классный журнал хорошую оценку, но так, что бы было видно, что её ставил не учитель, который, увидев оценку, решит, что её поставила себе сама Марго, и напишет ей замечание в дневник, или даже позвонит родителям.

— Только ставить не Кутасу, — предупредила Оля, — а то у него такой почерк корявый, первоклашки и то лучше пишут, там всё равно не разберешь, он эту оценку ставил, или не он. Да и не поймет он, что это кто-то другой дописал, хоть ты зелёной ручкой рисуй! Решит, что это он сам ошибся, с него станется! Помните, как он начал журнал оранжевым стержнем заполнять? Да я и сама себе по его предмету сто раз оценки дописывала, хоть бы раз заметил!

Такой план всем понравился и, обсудив детали, все отправились на перемену.

Благополучно проспав биологию, три подруги, как и все их одноклассники, отправились по домам. Собрание и Любин план так увлек девчонок, что часовня отошла на второй план. Провожая Веру до дома, все обсуждали предстоящую операцию, и даже Люба впервые за последний месяц не упомянула о Вовочке...

\* \* \*

На следующий день Вера и Люба опять вместе шли в школу. Едва увидев подругу, Вера поняла, что что-то случилось.

— Ну, колись, что-то не так? — напрямик спросила она.

Крайне смущенная Люба ответила:

— Ну... В общем, я тут подумала и решила, что Юра был прав и что ничего я против Марго делать не буду. В конце концов, она не виновата, что у нее такой характер... Никто не идеален. И я тоже. Я вчера об этом много думала, и мне вдруг стало её так жалко, что я всю ночь проплакала.

Вера была потрясена:

— Ну, я конечно знаю, что ты непостоянная и очень быстро можешь менять свои решения, но не настолько же... Хотя, честно говоря, у меня такие мысли всё время мелькали. Что мы дурью маемся.

— Ну, со временем всё меняется, а у меня была целая ночь, чтобы подумать...

[1] Гарпия, или Гарпик Ирина Николаевна — страшно строгая учительница белорусского языка. Пожилая, высокая, опытная, каменно-непоколебимая. В общем, одна из тех учительниц, от которых любой среднестатистический ученик бежит, сверкая пятками.

[2] Девчонки 7 «А» класса придумали эту очень полезную штуку для того, чтобы никто не мешал им переписываться на уроке. Делать это при помощи записок было неудобно, во-первых, потому что они привлекали внимание учителей, а во-вторых, потому что к концу урока их накапливалось так много, что половина из них просто терялась в процессе передачи с парты на парту. Тетрадь же не вызывала подозрений преподавателей, да и потерять её было куда сложнее, чем бумажку.

[3] Кутас Сергей Владимирович, молодой, невысокий, со стрижкой «под горшок» и страшно рассеянный. Зная о его последней особенности, никто не удивлялся, когда он

приходил через пятнадцать минут после звонка, будучи абсолютно уверенным, что урок начался минуту назад. Из-за маленького роста его часто путали с учеником, и поэтому 7 «А» начал звать его «Кутасёнок — наш ребёнок».

[4] Полина Корней, сочиняет стихи, хорошо рисует и превосходно ездит верхом. Лучшая Наташина подруга.

## Глава 4. Пустая рама

— Так... Ну и что это означает?

— Понятия не имею, — Вера шмыгнула носом и хотела было утереться рукавом, но в последний момент спохватилась и опустила руку.

Люба и Вера стояли в часовне возле книги, шаркая ногами по пыльному полу, и пытались разобрать мелкие буквы на потрёпанных страницах. Люба принесла из дома небольшой складной стул, на котором в данный момент восседала Надя с самым скучающим видом, на который была способна, подперев голову рукой и тупо глядя в пространство.

— По-моему, буквы напоминают английские, — сощурившись, сказала Люба. — Ну, или по крайней мере не русские, это точно.

— Эх, надо было увеличительное стекло принести, — вздохнула Вера. — У меня дома есть.

С того памятного дня, когда Люба объявила, что намерена помириться с Марго, прошло уже пять дней. К её заявлению отнеслись спокойнее, чем можно было ожидать, так как все уже привыкли к изменчивой Любиной натуре. Да в глубине души им уже и самим своё поведение казалось глупым.

В субботу после уроков девочки собрались навестить часовню. Надя сначала не хотела идти, пытаясь всё свалить на то, что ей очень долго ехать до дома, надо делать много уроков, да и вообще лень куда-то тащиться, но у неё ничего не вышло, к тому же завтра был выходной, и не было никакой необходимости делать эти уроки именно сегодня, о чём друзья ей незамедлительно напомнили.

По дороге подружки обсудили план действий: решили, что Люба тайком пронесет Книгу к себе домой и спрячет от родителей. Однако ничего не вышло: задняя обложка тома была намертво прикреплена к пюпитру, а незаметно принести домой и тем более спрятать такую здоровенную железяку не было никакой возможности. К тому же изучать содержание Книги приходилось стоя, от чего Надя категорически отказалась, заявив, что они всё равно не поймут, что там написано, да и вообще ей вся эта затея не очень нравится, после чего села в вышеупомянутую позу и застыла, как каменное изваяние.

Впрочем, доля правды в её словах была: книга явно не была написана ни на одном из хотя бы приблизительно известных девочкам языке. К тому же в тексте не было абзацев и пробелов между словами, бумага посерела от времени, чернила расплылись, а буквы были очень мелкие и с кучей завитушек.

Вера устало протерла глаза. Большая часть книги, включая картинку посередине, была тщательнейшим образом изучена, подруги всматривались в каждую букву, но не одного знакомого слова так и не встретили. Долистав до конца Книги они узнали, что несколько страниц в самом конце книги были пустыми, но понять смысл написанного это не помогало. К тому же Веру очень раздражала безучастно скучающая Надя. Последняя по-прежнему не желала помочь подругам и ограничивалась тем, что лениво глядела с одной на другую.

Вера переступила с ноги на ногу, почувствовала, как сильно они затекли и тоже захотела посидеть. Но из-за злости на Надю не стала тратить время на просьбу встать и отойти, а просто подошла и постаралась спихнуть подругу со стула. Надя, не ожидавшая удара, шлепнулась на грязный пол, но быстро поднялась и сердито глянула на Веру.

— Терпеть не могу, когда меня толкают! Притащили меня сюда, и ещё пихаются! — воскликнула она и толкнула девочку в ответ. Та тоже едва не упала:

— Мы тебя притащили, потому что надеялись, что ты поможешь, а тебе лень пятую точку от стула оторвать! — вся обида, накопившаяся в Вере в течение последнего часа, сейчас выплеснулась наружу, и девочка изо всех сил пихнула Надю в грудь. Та не удержала равновесия и стала падать, по пути ухватившись за Любин портфель, лежавший на подоконнике. Сумка съехала и упала на Надю, вывалив на пол всё своё содержимое.

— Осторожней, там же мой мобильник!!! — заорала Люба, до этого недоуменно наблюдавшая за стычкой, и кинулась к куче тетрадей и учебников. Вытащив оттуда сотовый, она бережно вытерла его об свою куртку и глянула на экран:

— Странно, выключился чего-то. — Девочка попыталась включить сотовый, но ничего не вышло. Она надавила на кнопку ещё раз, и ещё, но экран оставался темным. — Вы мне мобильник сломали. Он не включается, — Люба ошалело глянула на подруг, которые уже забыли о ссоре и испуганно смотрели на подругу. Из всех троих телефон был только у неё и, пусть даже это был только простенький Siemens, разбить его всё равно было бы жалко. И ведь из-за чего? Они подрались. ОНИ ПОДРАЛИСЬ! Две лучшие подруги. Им вдру сделалось очень стыдно и жаль Любу.

— Может, он просто разрядился? — робко предположила Вера.

— Нет, я только вчера его заряжала, — глухо отозвалась Люба. — Ой, а мои часы тоже не работают! — удивленно добавила она.

— И мои, — изумилась Вера.

— А мои работают, — озадаченно возразила Надя.

Однако Любу часы занимали намного меньше, чем телефон. Она рассеянно стала запихивать книги в сумку.

— Ладно, пошли, — вздохнула она. — Надо придумать, что сказать родителям, — девчонки уныло поплелись к выходу. Люба всё ещё держала сотовый в руке. Уже уходя с поляны, она глянула на него ещё раз и обомлела.

— Ой, включился! Сам! — ахнула она.

— И часы тоже заработали, — удивилась Вера.

— Ничего не понимаю, — заявила Люба, а Надя вдруг резко остановилась и повернула обратно к часовне.

— Эй, ты куда? — спросила Вера.

— Надо кое-что проверить, — пробормотала девочка. — И если это так, то, клянусь, буду разглядывать эту книгу, лазить в этот лес хоть ночью, стану двоичницей, но помогу вам разгадать эту тайну!

Изумленные подруги пошли следом. Уже внутри Надя сказала:

— А ну-ка, работают ваши часы и телефон?

— Нет!!! Он опять выключился!!! — завопила Люба.

— Все ясно, здесь ничего не работает, — сказала Вера, глядя на пустой циферблат часов.

— Но твои же часы работают, — Люба поглядела на Надю.

— А они не электронные, а механические, — торжествующе сказала Надя.

Все некоторое время молчали, переваривая информацию. Наконец Вера сказала:

— Но ведь мои часы работали тогда, в первый раз. Я точно помню, было уже темно, я выглянула в окно и посмотрела на часы...

— Вот оно! В окно! Подойди к нему, — велела Надя. Вера послушалась.

— Ну что?

— Ничего.

— А... Высунь руку в окно.

— Заработали! — ахнула девочка.

Шли домой к Любе, пытаясь придумать логичное объяснение упрямому нежеланию электронных предметов работать в деревянном домике в лесу.

— Слушай, а насчет того, что ты теперь будешь нам помогать во всем, это правда? — поинтересовалась Вера.

— Да, — твердо ответила Надя.

\* \* \*

— Сколько нам еще ждать этого Кутаса? — пробурчала Оля, переступая с ноги на ногу и пытаясь согреться.

Вера, Люба и Надя стояли рядом и растирали руки, подпрыгивая на месте. Из рта у всех вырывался пар. 7 «А» класс, или, точнее, большая его часть, стоял перед школой и ждал как всегда опаздывающего Кутаса, который наконец-то собрался вести своих учеников в картинную галерею. Было воскресенье, школа была закрыта, а зима вдруг решила взять реванш за чрезмерно тёплый декабрь. Естественно, у тех нескольких человек, которые пришли в назначенное время к школе, настроение было на нуле.

— Не знаю я, где он. Но если будет таким же пунктуальным, как обычно, то придет где-то так часика через два, — сердито ответила Вера. — Да, слушай, что хотела спросить, а где Аня?

— Она как умный человек осталась дома. Я бы тоже осталась, но когда Кутас позвонил, трубку взяла мама и заставила меня пойти. Какая ему вообще разница, сколько человек идет? Взял бы пару отличников, типа там Юры с Максимом и Веру, забежал на минутку на эту выставку для галочки, что, мол, сходили, и всё!

— Я не отличница! — поправила Вера. — А он считает, что если мучиться, так уж всем!

— Или вообще бы не ходил, мы что, сдали бы его разве, что ли? Да никогда!

В этот момент появился сам Кутас, не подозревавший, какую бурю эмоций он вызвал. Однако когда он вошел в поле зрения своего класса, то невольно попятился. 7 «А» обступил его со всех сторон и стал надвигаться, словно лавина, но молча. Никто не произнес ни слова. Когда наконец Кутаса приперли к стене гимназии, он сделал шаг вперед и нерешительно произнес:

— Ну что, пошли?

В ответ все заорали так дружно, как будто включили звук. Поток проклятий и оскорблений в адрес Кутаса был так силен, что несчастного учителя просто отшвырнуло назад к стенке.

Когда все немного утомонились, Кутас повёл голодных, замерзших и страшно злых учеников к остановке.

Пока шли, все в основном молчали, но в автобусе девчонок прорвало. Главной и, естественно, самой интересной темой были мальчишки:

— А что, Шилин Феденька за тобой до сих пор бегают? — поинтересовалась Ольга у Любы.

— Бегаёт, бегаёт, куда ж он денется! — удовлетворённо фыркнула в ответ девчонка. — Только я его терпеть не могу. Клоун!

Шилин Федя, прикольный парень, худой и высокий, отрастил себе волосы до плеч, покрасил их в, как он выражался, «солнечный» цвет, проколол ухо, ходил в галстук, на котором была нарисована бутылка пива, всё время сыпал шутками и анекдотами, попадал в нелепые и смешные ситуации и умел показывать фокусы, а иногда притаскивал с собой живую мышь в коробочке с надписью «общественный туалет». За Любой он бегал не первый месяц, но та считала его недостойным кандидатом, у неё были на примете парни получше, она наметила себе три штуки, и в них обязательно надо было влюбиться в самое ближайшее время. Именно об этом она рассказывала Оле, а когда та напомнила ей о Вовочке, то девочка на секунду задумалась, а потом радостно сообщила, что любви много не бывает. Надя внимательно слушала, но, как обычно, молчала. Всё равно сказать было нечего, на этом фронте у неё было пусто. Вера же пока на пацанов решительно чихала, к вящему неудовольствию подруги, эти разговоры ей уже приелись, Люба и так каждый день об этом болтает, поэтому она слушала в пол-уха, глядя через стекло на дрожащую бездомную собачку, которая сидела на остановке. Жалко её было. Вера очень любила животных, больше всего — кошек, но и собак тоже. А у этой вид был такой несчастный... К тому же она показалась девочке знакомой.

От мыслей о собаке её отвлекла Оля вопросом о том, кто нравится ей.

— Да никто, — пожалала плечами Вера.

— Серьезно?! Не может быть! — округлила глаза Оля, глядя на девочку как на неземное диво.

Люба хихикнула при виде ошарашенного лица подруги. А Надя покачала головой, считая, что Оля просто придуривается.

Глядя на Ольгу, которая все ещё стояла с открытым ртом, Вера почувствовала себя неловко. Ей действительно никто не нравился, и то, как её одноклассницы бегают за парнями, выучивают наизусть расписания их уроков и подкарауливают у дверей кабинетов, чтобы хоть одним глазком их увидеть, вылавливают их в кафе и вообще по всей школе и перемены напролёт только о них и болтают, казалось ей просто глупостью. Но когда ты об этом говоришь и на тебя вот так вот смотрят... Чувствуешь себя белой вороной.

«Хорошо, что хоть Надя меня понимает», — подумала Вера.

Автобус прибыл на нужную остановку. Оля захлопнула открытый от удивления рот только на улице.

Кутасёнок повёл детей к Дворцу Республики, но внутрь заходить не стал, а подошел к небольшой мраморной лестнице, ведущей вниз.

— Интересно, кому пришла в его дурную голову идея делать картинную галерею в подвале? — поинтересовался Шуйский.

На этот вопрос ему никто не ответил.

Все зашли внутрь. Там было холодно, как в могиле.

Кутас повел ребят в гардеробную, что вызвало новую волну возмущения:

— Ни за что!

— Да тут такой холод, что окочуриться можно!

— Я раздеваться не собираюсь!!!

— Это вообще не картинная галерея, а склеп какой-то!

В порядке компромисса Кутас разрешил взять с собой перчатки и шапки, а куртки



оставить в гардеробной.

Картины в залах были очень необычными. Если честно, картин там вообще не было, в основном в темных залах висели плакаты знаменитых спортсменов в рамках, на что Шуйский не замедлил прокомментировать:

— Великолепно. Мы пришли в картинную галерею, но перед тем, как посмотреть здесь на картины, их надо ещё найти.

— Ну, — неуверенно сказал Кутасёнок, — кажется, сейчас тема «Спорт».

— Что бы посмотреть на спортсменов, не обязательно было тащиться сюда, — не отступал Андрей. — Для этого достаточно включить по телевизору «ЕвроСпорт». Или, в крайнем случае, зайти в ларёк, где продаются плакаты. Да у нашего физрука Кисы на двери висит календарь, на каждый месяц — по спортсменке с длинными ногами!

Вера хихикнула. Смотреть действительно было не на что. Они с Надей молча шли рядом с Любой и Олей, которые в помещении продолжили обсуждение мальчика из 8-го класса, который нравился и Любе, и Ане одновременно: Оля доказывала, что Люба не имеет права забирать его у Анюты. Вере стало интересно почему, но потом вспомнила, что, девчонки установили что-то вроде правила, при котором парень или несколько парней, которые нравятся одной девочке, другой (по крайней мере в открытую) они нравиться не должны, они как бы считаются её собственностью (во избежание войн между соперницами и ради спокойствия предмета их воздыханий и остальных учеников). А для того, чтобы этого мальчика «приватизировать», надо было рассказать о нём как можно большему количеству подружек, что бы те, в свою очередь, сообщили об этом всем остальным.

Стало по-настоящему скучно. К Вере и Наде пристроилась Маша Зеленко — пухленькая, невысокая девочка с такими роскошными густыми пышными вьющимися волосами, что они напоминали каштановый ореол вокруг головы, как у ангела — если, конечно, кто-нибудь видел ангела в красной кофте, джинсах, жёлтом жилете, зелёных перчатках, фиолетовом шарфе, в очках и с чупа-чупсом во рту.

Маша защебетала что-то о своем хомяке, рыбках, собачке и двоюродном брате, причем так быстро, что Верин мозг не успевал переваривать информацию, и до неё доходило примерно следующее:

— Ой, а моя Эни такая хорошенькая, пушистенькая, а плавает в аквариуме между водорослей, там я ещё кормушку поставила, а собачка всё съела, и её потом вырвало, так красиво было...

Вера удивилась — как это собачку красиво вырвало, но потом поняла, что Маша уже говорит о новом костюме её братика Аймана.

Тут мимо пронёсся Андрей, заглянул в очередной проход, виднеющийся впереди, и завопил:

— Ура! Народ! Я нашел картины!

Все поспешили к нему — любоваться на горы мускулов в рамках надоело всем, включая самого Кутаса.

В длинном коридоре и впрямь висели настоящие картины. Все они были настолько красивыми, что даже Оля соизволила подойти поближе, хотя вид сохраняла незаинтересованный и скучающий. В основном это были пейзажи, хотя попадались и картины с элементами фантастики. Кутас, радостно воскликнув: «Ну, вот, я же говорил, что всё тут будет!», так гордо посмотрел на своих учеников, словно сам их рисовал. Под некоторыми произведениями были наклеены бумажки с названием картины и именем

автора.

Вера, Надя и Люба слегка опередили остальных. Впереди, за очередным углом, виднелась красивая серебристая рама — она была больше и ярче блестела в тусклом электрическом свете, чем остальные. Девочки с интересом поспешили к ней, решив, что там, наверное, висит самая важная и красивая картина на этой выставке. А подойдя ближе, застыли от разочарования. Рама была пуста.

— Да ну-у-у... — с досадой протянула Вера и поглядела на бумажку ниже. Но там тоже ничего не было.

— На кой её вообще сюда повесили, — недовольно пробурчала Люба. — Только людей путать.

Тем временем класс окружил их и раму. Потом пошел дальше, а Оля задержалась и прилепила на раму свою жвачку. К несчастью, Кутас это заметил:

— Оля, а ну-ка быстро отлепи и выбрось! — Оля с неохотой смахнула жвачку на пол. — Выбрось!

— Да ну, делать мне больше нечего, с пола подбирать и выбрасывать! Если так хочется, сами поднимайте! — огрызнулась ни в грош не ставящая классного руководителя девочка.

— Оля, ну как не стыдно! Мама — уважаемый человек, а дочь у неё...

— Кто? Ну, кто? — издевательски поинтересовалась девчонка, уперев руки в боки.

— Обезьяна! — выпалил учитель.

— Чего?! Это Прохор обезьяна, нечего на меня гнать!

— Ну-ка, повтори, что ты сказала?! — выступил вперед Надин лохматый поклонник.

Тут Кутас решил, что его долг перед школой и директором выполнен и пора уходить, пока разбушевавшиеся ученики не разгромили всю выставку.

На улице спор продолжился, многие стали поддерживать Олю:

— Ну, и почему это я обезьяна?! — свирепо поинтересовался Коля.

— Потому что твои предки были гориллами... — безмятежно пояснила Вера, давая Оле передышку.

— Чего?! — Колян кинулся на девочку.

— Да ладно, ладно, не кипятись, я пошутила, — мальчик остановился. — Они были шимпанзе! — добавила Вера.

Прохор нагнулся, слепил снежок и кинул в девочку, но та увернулась, и снежный ком угодил прямо в затылок Кутасу.

## Глава 5. Быть или не быть — вот в чем вопрос!

— Эти степени меня скоро в могилу вгонят! — с отчаянием воскликнула Люба, как можно быстрее переписывая с Веринной тетради домашку по математике. До звонка оставалось минуты четыре, а ей предстояло списать ещё два с половиной уравнения со степенями, формулами сокращенного умножения и прочим ужасом.

К подругам вразвалочку подошёл Федя.

— Привет, — настороженно поздоровалась Люба, исподлобья взглянув на почитателя, не поднимая при этом головы от тетради.

— Типа привет, — кивнул тот. — Слушай, Люб, давай, типа, сходим куда-нибудь, в кино типа там, а?

— Типа отвали, типа я занята, типа не видишь, что ли? — передразнила девочка.

Парень вздохнул и отошел. Люба проводила его возмущённым взглядом:

— Не, ну вы видели? Совсем обнаглел! Вы ещё не знаете, что он мне на мобильник прислал, — девочка полезла в портфель. — Я знаю, это он специально, что бы меня достать и остальных посмешить такую типа тут любовь изображает... тьфу ты! Теперь я тоже буду везде это «типа» всовывать! Ну и прилипучая же у него манера разговора! — Люба наконец достала сотовый и протянула подругам:

— Во! Гляньте! Ну, не придурок ли?

Вера и Надя склонились над экраном. Там были изображены кучи лягушек с глазами-сердечками.

— И таких картинок — десять штук! — продолжала возмущаться Люба, хотя в голосе у неё прозвучала едва уловимая нотка гордости.

— Честно говоря, я сомневаюсь, что он прислал тебе столько эсэмэсок просто чтобы побаловаться, это ведь денег стоит! — заметила практичная Надя.

Люба собиралась возразить, но прозвенел звонок, а в класс вместо Терезки — симпатичной математички — вошла грузная баба и окинула взглядом класс.

— Кто дежурный?

— Прохор! — дружно гаркнули Кочан и Шуйский.

— Эй, я вчера был! — хотел было возмутиться Коля, но училка, заменявшая Терезку, сказала ему «давай-давай, иди», и тот неохотно поплёлся мыть доску.

Вера села с Надей, Люба сидела сзади, и на стол девочкам тут же шлепнулась тетрадь по переписке: «Ну и танк!» — было написано Любиным почерком в адрес замены.

— Интересно, а где Терезка? — шепотом поинтересовалась Вера у соседки. Та пожала плечами и что-то зашептала.

Баба за учительским столом тем временем начала перекличку, заодно знакомясь с учениками.

— А как её вообще зовут? Я её иногда вижу в учительской, но ничего о ней не знаю.

В класс проскользнули Ольга с Аней, буркнув, что они «были в кафе».

— Она говорила, но я прослушала, — ответила Надя на Верин вопрос. — Да, и кстати, библиотекарша хотела, чтобы мы на перемене подошли к ней.

— Литвинов Юрий!

— Здесь! — бодрым басом гаркнул возвышающийся над всеми Юрик.

— Матвеевская Вера!

— Я! — лениво махнула рукой вышеназванная и глянула на Юру. — А зачем? Знаешь, я подумала, а он ведь и не толстый совсем, Юрик-то. Просто высокий и широкий. Накачанный.

— А голова маленькая и круглая, — хихикнула Надя, строчившая ответ Любе. — Как он с такой головой умудрился отличником стать, ума не приложу! У Максима-то вон какая башка! А зачем мы в библиотеке понадобились — не знаю... Вот пойдём и спросим. Кстати, а как правильно слово «абстрактный» пишется — через «а» или через «о»? Я! — добавила она в ответ на «Чикунова Надежда».

— А на Максима ты не говори, — укоризненно сказала Вера. — Он молодец. А зачем тебе такое слово мудрёное? — девочка попыталась притянуть к себе тетрадь, заглядывая подруге под локоть.

— Да так, Любу решила к прекрасному приобщить... И конечно молодец, кто ж спорит, — согласилась подруга.

— Шилин Фёдор!

— Ну, типа я, — откликнулся тот.

— А если не типа? — хитро сощурилась математичка.

Федя задумался:

— А если не типа, то не я! — заявил он.

\* \* \*

На перемене Люба встретила Вову, и позже, когда девочка уже присоединилась к подругам у входа в библиотеку, она просто светилась от счастья:

— Он меня пригласил!!! Представляете, пригласил! Нет, вы не понимаете! Не понимаете! ОН МЕНЯ ПРИГЛАСИЛ!!! — девочка подпрыгивала и, казалось, готова была о радости спеть на всю школу гимн Беларуси.

— Да помолчи ты! То есть нет, не молчи, а говори, но внятно и чётко: кто, куда, когда, зачем?

— Не могу молчать! Вова после уроков пригласил меня прогуляться!!! Встречаемся возле 201-ой школы[1].

— А почему возле 201-ой? Почему не возле нашей?

— Откуда я знаю? Да и вообще, какая разница? Главное, что он меня пригласил! — закатив глаза и приложив руки к груди произнесла Люба, наслаждаясь звучанием этих слов.

— Повторишь ещё раз, дам тебе физикой по голове, — предупредила Вера, глядя через Надино плечо в вышеупомянутый учебник. Физика была сегодня шестым уроком, а так как его вела знаменитая Мороз Ольга Игоревна, её учили на каждой перемене.

Девчонки вошли в библиотеку, в которой как всегда было полно народу. Малышня толпилась возле большой клетки с попугаями, несколько человек — у Вериных любимых полок с фантастикой, старшеклассники — возле стеллажей с учебной литературой, пару ребят из параллельного класса стояли возле кафедры, за которой восседала библиотекарша Нина Николаевна и разглядывали недавно подключенные компьютер, принтер и сканер.

Девчонки подошли к библиотекарше, или Нинке, как все её обычно называли между собой:

— Здрасьте, вы нас видеть хотели? — поинтересовалась Вера, плюхаясь локтями на

кафедре.

Полненькая библиотекарша подняла глаза и радостно улыбнулась, поправив крашенные, политые лаком волосы:

— Да, здравствуйте, девочки, я думала, может, вы мне поможете кое в чём?

— Конечно, что надо делать? — немедленно с готовностью откликнулась девочка.

— Завтра после уроков зайдите ко мне. Мы бы разобрались в хранилище, а то скоро будем сдавать списанные учебники, и я хотела бы, чтобы вы вытерли везде пыль, разобрали книги...

— А скоро — это когда? — поинтересовалась Надя. Списывание учебников в школе считалось настоящим праздником — дети со всей гимназии таскали кучи книг с третьего этажа на первый и кидали их в грузовик, который должен был увезти их на перерабатывающую фабрику. Эти книги можно было взять к себе домой, изрисовать, порвать, ими можно было кидаться друг в друга или швырять из окна, что все и делали. Это было не только очень весело, но и полезно, потому что среди учебников иногда попадались и старые и уже сделанные лабораторки по физике и тесты по английскому, с которых можно было списывать, и ещё куча интересных вещей.

— Ну, я думаю, где-то через неделю, — улыбнулась Нина Николаевна при виде радости подружек. Библиотекарша слегка картавила и была знаменита на всю школу своими длиннейшими ногтями. Их можно было рассматривать как картинку — ногти Нинки — длиннющие, украшенные камушками, бисером и разнообразными узорами — походили на настоящие произведения искусства. Сейчас на её покрытых темно-розовым лаком когтях были нарисованы какие-то мелкие цветочки и бабочки.

Прозвенел звонок.

— Ладно, девчата, пошли, сейчас информатика, а после неё физика, — вздохнула Вера.

— Ой, и не напоминай, — испуганно сказала Надя.

— Ну, на информатике можно будет ещё поучить, — попыталась успокоить подругу Вера, подкидывая физику в воздух.

— Только надо сесть на последнюю парту, — добавила Люба.

\* \* \*

Физика неумолимо приближалась. Перед закрытой дверью класса столпился несчастный 7 «А». У всех в руках были книги, каждый перед приходом Мороз старался что-то повторить, зная, что подвергнется строгому допросу.

— Слушай, а по какой формуле вычисляется давление? — прошептала Надя подругам.

— Сила поделить на площадь. Ой, вон она идет!

К 331-ому кабинету приближалась худая, подтянутая женщина лет пятидесяти с очень короткими пепельными волосами и ястребиным взглядом. Анечка, звеня очередными браслетами, на этот раз тонкими, железными, с колокольчиками, поспешила спрятать свою разноцветную гриву, прикрывшись физикой, а Оля проворно юркнула за широкую спину Юры, от всей души надеясь, что Мороз не заметит, что она пришла сегодня в джинсах. Вообще-то в те дни, когда была физика, Оля джинсы не носила, но эти ей купили только вчера, и девочка не смогла побороть желание похвастаться перед подругами обновкой.

Естественно, Ольга Игоревна ни за какие коврижки не позволила бы ученикам сидеть

не по рассадке. Поэтому Вере пришлось сесть с Колей Прохором, Наде с Шуйским, а Люба — с Федей. Девочка всё ещё светилась от счастья, так что, когда садилась рядом со своим поклонником, не скорчила, как обычно, гримасу, а улыбнулась и даже согласилась поделиться учебником. Федя так удивился, что когда говорил «спасибо», забыл прибавить свое «типа».

— Ох, зря этот Вовочка подошел к ней до физики. Пора бы ей спуститься с небес на землю, — недовольно прошептала Надя, озабоченно глядя на сияющее лицо подруги.

— Точно, — поддакнула Вера. — У неё такой видок, что Мороз её обязательно спросит.

— Угу. Слишком счастливый. Не вписывается в общую атмосферу. Ой, мамочки, как я боюсь! — Надя передёрнулась и поспешила на своё место. Бедняжке очень не повезло — она сидела на первой парте перед самым носом грозной учительницы.

Урок начался.

— Дежурный, вытри доску, — велела Ольга Игоревна. — Кто у вас дежурный?

— Прохор! — хором возвестили Игнат, Андрей, Оля и Аня.

— Да нет, я же... — начал было Коля, но под взглядом учительницы вздохнул и покорился судьбе.

Мороз стала объяснять новую тему. 7 «А» в гробовой тишине, какой никогда не бывает и вряд ли когда-нибудь будет на уроках у Кутаса, поспешно записывали слова Ольги Игоревны. Лакизо Оля от души радовалась, что её полностью заслоняет Юрик, а Аня слезла как можно ниже под парту, скрываясь от желтовато-серых глаз Мороз, что при её росте было нетрудно — из-под парты торчала только крашенная макушка.

Люба же то и дело переставала писать и начинала просто глядеть перед собой, а губы непроизвольно расплывались в улыбке. Мороз это, конечно, заметила.

— Радько! Быстро к доске! Решай номер 134. Ну! — учительница с противным свистом взмахнула указкой. Вера подумала, что, наверное, именно такой звук лет двести назад издавали опускающиеся на чью-то спину розги.

Люба побледнела, но послушаться завуча не посмела. Она вышла из-за парты, написала на доске номер и встала рядом.

Мороз смотрела на неё, барабаня ухоженными пальцами по столу. Так прошло несколько минут.

— Не знаешь, как решить?

— Нет.

— Это была очень легкая задача. Чтоб пришла сегодня на дополнительные, — Ольга Игоревна надела очки и отвернулась.

Рот у Любы открылся, глаза подозрительно заблестели.

— Но...

— И только попробуй не явиться!

Люба села, воплощая собой безграничное отчаяние.

— К любой теме в физики можно подобрать пример из жизни, — как ни в чем не бывало продолжила Мороз. — Жизнь и физика тесно связаны. Ну, к примеру, мощность. Кто-нибудь смотрит по телевизору канал «ЕвроСпорт»? Так вот, там вечером показывают чемпионаты по боксу, я все время смотрю, — все удивленно воззрились на учительницу. Да уж, бокс — довольно необычное увлечение для женщины. — Если боксер знает физику, он выиграет. Бить нужно быстро, сильно и в одну точку. А если будешь долго замахиваться, то противник ударит тебя первым. Вот вам, пожалуйста, формула мощности — сила

умноженная но скорость...

— А я смотрел, как Майкл Тайсон всех крушил! — тут же влез Кочан.

— Да... — мечтательно протянула Мороз. — А вот ты видел, Валуев...

Остаток урока провели, обсуждая боксерские приемы и их достоинства, а заодно применяющиеся при этом законы физики, вроде того, что боксеры наклоняются, чтобы сместить центр тяжести и приблизить положение своего тела к параллельному по отношению к земле, что делает их более устойчивыми.

Из кабинета все вышли слегка ошарашенные. Первый раз в жизни Мороз пожертвовала десятью минутами своей драгоценной физики! И впрямь настоящая фанатка бокса. Хотя, как справедливо заметила Надя, с таким жёстким характером, как у неё, вряд ли можно интересоваться бальными танцами или фигурным катанием.

Любу же любовь Мороз к боксу совершенно не волновала. Она тащила рядом с подругами, тоскливо глядя неизвестно куда. Девочки наконец это заметили и решили, что сейчас намного важнее выяснить, что делать с их несчастной влюбленной подругой.

— Что же теперь, а? Что мне делать? — тоскливо спросила она, убедившись, что друзья наконец обратили на неё внимание.

— Иди на физику. Это важнее. А то иначе Мороз тебя в порошок сотрет, — категорично заявила Надя.

— Ну-у да-а, конечно, а если я не пойду к Вове, он меня может больше никогда не пригласит!

— Тоже верно, — вздохнула Вера. Она и сама не знала, что лучше, хотя будь она на месте подруги, пошла бы на физику. Нет, будь она на её месте, она бы этому смазливому Вовану такого шпенделя под зад отвесила!.. Но если учесть моральное состояние Любы...

— Да, вот они, главные трудности жизни — сделать выбор, — глубокомысленно произнесла склонная к философствованиям Надя.

— Ага. Между приятным и правильным, — Вера хмыкнула. — Быть или не быть — вот в чем вопрос!

— Это точно. — Люба шмыгнула носом. — О-ой, что теперь со мной бу-уде-е-ет!.. — тихонечко заскулила она.

— В первую очередь прекрати ныть. А во вторую... Во сколько у тебя с ним встреча? — попыталась логически осмыслить ситуацию Вера.

— В четыре. Через два часа, возле 201-ой.

— А Мороз когда сказала прийти?

— Без пятнадцати. Три.

— Разве за час не освободишься? — удивилась Вера.

— Да ты что?! — Люба от удивления даже перестала хлюпать носом. — С дуба упала? Это что бы Мороз через час отпустила?! До самого вечера продержит. Да и в любом случае, мне же ещё собраться надо. О-ой...

— СТОП!!! — поспешила прервать завывания Надя. — Вот что я тебе скажу: иди домой успокойся, и реши, что тебе важнее — жизнь или любовь. А то воешь не хуже ирландского привидения.

— Нет жизни без любви, — изрекла Люба. — Но ты права. Пойдёмте-ка возьмем куртки, пока раздевалки не закрыли.

Ключи от раздевалок вахтерша (или Церберша) выдавала только учителям и дежурным, так что явно стоило поторопиться.

В последний момент вбежав в раздевалку, девочки схватили свои куртки и вышли. Мороз повернула ключ в замке и пронизывающе глянула на Любу:

— Без пятнадцати три. — И пошла отдавать ключ на вахту. Люба втянув голову в плечи смотрела ей в след.

— Вот что, как насчет того, что бы пойти ко мне домой и помочь мне принять правильное решение? — наконец спросила она.

\* \* \*

— Вот и верь после этого рекламам! «Всего лишь капелька «Фэрри» растворяет жир даже в холодной воде!» Да я уже полбанки вылила на эту сковородку, и хоть бы что отмылось! А ведь ещё и теплой водой мою! — возмущалась Люба.

— А может, «Фэрри» только в холодной воде отмывает?

Люба с сомнением включила холодную воду.

Идея накормить подружек жареной рыбой собственного приготовления с треском провалилась. Причем с треском таким оглушительным, что уши заложило, в самом прямом смысле слова.

Всё началось с того, что когда девчонки разделись, погладили Тара, а потом очистились от его шерсти и слюней и пришли на кухню, оказалось, что в холодильнике лежит только заплесневелый йогурт, подсолнечное масло и свежая рыба в пакетике. После продолжительных поисков в ящике стола была обнаружена халва и четыре конфеты, правда, столетней давности. Халвы было немного, но решили съесть хоть её. Но тут сказалась Любина непредусмотрительность: она забыла закрыть дверь. Тар с ловкостью, которой позавидовала бы пантера, впрыгнул в кухню, выбил носом из рук хозяйки халву, встал на задние лапы и проглотил её. А потом всё с той же необычайной лёгкостью выбежал обратно в коридор. Всё это произошло так быстро, что друзья не успели не то что как-то предотвратить гибель халвы, но и даже хотя бы вообще понять, а что, собственно, произошло.

В конце концов Люба, снедаемая муками совести — как же так, подруги в гости пришли, а дома есть нечего, — и подгоняемая голодным урчанием собственного желудка, решила попробовать пожарить рыбу. Включила плиту, сполоснула сковороду, плюхнула туда несколько небольших рыбешек и заявила:

— Не боюсь я никакой Мороз, любовь для меня важнее!

Девочки воззрились на неё с любопытством:

— Ты уверена?

— Насчёт чего? Что я не боюсь Мороз, или что любовь мне важнее?

— И то, и другое.

— Насчет первого... Нет. Совсем не уверена. Но мне хочется так думать. А второе... Ну, да, конечно.

В это мгновение рыба угрожающе зашипела.

— Знаешь, — неуверенно начала Надя, — по-моему, перед тем, как класть рыбу на сковородку, надо налить туда масла.

— А, ну так это и сейчас не поздно сделать! — воскликнула Люба, схватила из холодильника бутылку с подсолнечным маслом, наклонила... и вылила сразу половину.

Масло зашипело и вдруг взорвалось с тем самым треском, от которого заложило уши.



Бутылка с подсолнечным маслом упала на пол и разлила своё содержимое. Девочки дружно нырнули под стол. Вера случайно задела лежавший на краю стола дуршлаг, и тот упал прямо Наде на голову, которая высывалась из-под стола — не то что бы Надюша вдруг похрабрела и решила выяснить, в чём дело, просто стол был маленький и голова не влезла.

Через пару минут Люба взяла этот самый дуршлаг и, выставив его перед собой, как шпагу, вылезла из-под стола, подозрительно косясь на сковороду, словно та могла на неё наброситься.

Осмелев, так как сковородка больше никаких звуков не издавала, девочка заглянула внутрь. От рыбы остались одни воспоминания плюс горстка обгорелых останков, которые насмерть прилипли к посудине.

До прихода родителей разрушительные последствия рыбного обеда надо было убрать, и сейчас Люба драила сковородку, жалуясь на рекламу и чистящие средства, Надя вытирала масляную лужу на полу, а Вера расставляла кухонную утварь на места.

— Пожалуйста, всё, как Мороз говорила. Жизнь и физика. Вот вам пример: Люба, зрты сполоснула эту сковороду, а то вода осталась, а сверху масла налили. Вода нагревается быстрее, чем масло, она начала кипеть, пузыри появились и лопнули, а вместе с ними и масло, которое сверху было, в разные стороны, — физически объяснила произошедшее Вера, помахивая всё тем же дуршлагом.

Подруги поглядели на неё с изумлением:

— Bravo! Да ты у нас профессор! Не хуже Мороз объясняешь! — хихикнула Надя.

— Н-да. Век живи — век учишь, — протянула Люба.

Вера глянула в окно. Люба жила на восьмом этаже, и Надя, которая смертельно боялась высоты (а так же темноты, животных, насекомых и т. д.) не хотела даже близко подходить к нему, хотя отсюда открывался прекрасный вид на белоснежную церковь и лесок, в котором они когда-то ловили зайцев и нашли часовню... Часовня!

— Эй! — воскликнула девочка, хлопнув себя дуршлагом, который всё ещё держала в руках, по лбу. — Ой! Больно ведь! — добавила она, потирая ушибленную голову.

— Чего? Что случилось?

— Часовня! А про неё-то мы совсем забыли! — Вера помахивая дуршлагом подошла к двери и сложила руки на груди.

— Точно! — подпрыгнула Люба. — Там ведь такое! Такое!..

— Какое такое? — сварливо поинтересовалась Надя.

— Как какое?! Часы! Не работали! А почему? И мобильник тоже! А в лесу — да! А там нет! А почему? Почему, а?!!! — замахала руками Люба. А потом вдруг глянула на часы и замерла. — Мне через двадцать минут выходить. Нужно одеваться! Скорее!

И она кинулась к двери, но по пути споткнулась о табуретку и врезалась носом в торчащий из Вериних рук дуршлаг.

\* \* \*

— Да не переживай ты так... — это Вера сказала. Драчливый дуршлаг оставил на носу у Любы живописную царапину. Правда, Вера щеголяла синяком на лбу, а Надя — шишкой на голове, оставленные всё тем же предметом кухонной утвари, но ведь им же не надо было идти сегодня на свидание!

— Легко тебе говорить! — воскликнула несчастная девочка, глядя в зеркало на свой

нос. — Ну да ладно. Придется совершить налет на мамину косметичку. У нее должен быть какой-нибудь корректирующий карандаш или что-то в этом роде...

Как подружки не старались, сборы продвигались медленно. Люба надела свои новые джинсы с кожаными вставками и стразами, старательно расчесала распущенные волосы, накрашила ресницы синей тушью, губы — блеском с блёстками, а царапину устранила с помощью килограмма дорожного мамино крема-основы под макияж.

— Ну как? — спросила она, вертясь перед зеркалом.

— Неплохо, — Вера оценивающе окинула подругу взглядом.

— А Мороз? Что ты ей скажешь? — безжалостно напомнила Надя.

— Да придумаю что-нибудь, — отмахнулась Люба. — Ну, скажу, что голова болела или что-то в этом роде. Ну что ж, пора?..

[1] Школа № 201 стояла напротив гимназии № 4 и была её вечным соперником.

## Глава 6. Неожиданная разгадка

— Что-то Любы подозрительно долго нет. И не зашла за мной сегодня, — пробормотала Вера.

— Ну, будем надеяться, что этот... как там его фамилия?..

— Жигалов.

— ...Что этот Жигалов Вовочка ничего ей не сделал.

Девочки стояли на лестничной площадке третьего этажа своей гимназии возле кабинета математики и ждали Любу. Через пару минут должен был прозвенеть последний звонок, а её всё не было.

— О, вон она! — воскликнула Надя.

Люба, жутко сердитая и явно очень расстроенная, поднималась по лестнице.

— Привет, что случилось? Чего ты так долго? — поинтересовалась Вера.

Люба зыркнула на неё исподлобья:

— Там была. Ещё. Другая. Такая...

— Кто? Где? Что ещё за другая? — перепугалась Надя.

Люба вздохнула:

— Там на углу этой школы, ну, 201-ой, его дружки собирались. Целая компания. И девчонки тоже. Курили. Я тоже попробовала, но мне не понравилось. И там была одна такая... Она ему нравится, это точно.

— Как она выглядит? — жадно спросила Надя.

— Ну... Волосы длинные, мелированные. Макияж. Фигура. Сапоги высокие, на каблуке юбка длинная, с разрезом, куртка черная, с пряжками... — забормотала девочка.

— Ты всё равно лучше! — заверила её Вера. — Намного.

— Не-е-ет. Он нас сравнивал, я видела... — речь Любы прервал звонок. Девочки поспешили в класс.

— А как зовут, узнала? — спросила Надя.

— Дранько Даша. Она из параллельного класса, из 7 «Б»... — Люба шлепнулась на своё место и достала тетрадь по переписке. — Надо ещё Оле с Аней рассказать, и Полине с Наташей...

Надя и Вера переглянулись. Опять Люба растрезвонит сейчас про свои любовные похождения. Но мешать ей не стали — у неё сейчас и без того подавленное настроение, лучше не усугублять ситуацию.

\* \* \*

Следующим уроком шла физкультура.

— Что будешь делать в спортзале? — поинтересовалась Надя у Любы.

— В футбол играть, наверное. А ты не хочешь попробовать?

— Нет, спасибо, я же не мужик! Да и вообще, ещё попадут мячом по лицу...

— Мужик?! А я кто по-твоему, королевский пингвин? — слегка обиделась Люба.

— Ну, может, и не королевский... — с улыбкой протянула Вера.

— Да, на королевского не тянешь, — хихикнула Надя. — А вот на обычного, но жутко

влюблённого... Мы с Верой будем в теннис играть. Настольный, — добавила она. — Я сегодня ракетки взяла.

— Ладно, я тогда пока что с вами посижу, посмотрю, напишу для Гарпии домашку, а потом пойду...

Теннисный зал, в котором стоял один-единственный стол, был уже занят. Играли Оля и Аня.

— Привет! — весело сказала Вера. — Играете?

— Тихо! — шикнула на неё Анюта. — Мы не просто так играем!

— А на что? На деньги?

— Нет, — хмыкнула Оля. — На пацанов.

— Чего?! — вытаращились на них Вера с Надей.

— Ну да, — невозмутимо сказала Оля.

— И она у меня уже выиграла двоих и руку! — недовольно добавила Аня.

Люба расхохоталась:

— Так вы не только на целых пацанов играете, но и на их части тела?!

— Угу, — довольно сказала Оля. — Пока они Ане «принадлежали», я с ними не могла знакомиться, потому что это против правил, а теперь могу.

— А рука-то тебе зачем? — тоже посмеиваясь спросила Надя.

— Пригодится! — заявила Оля. — А ты, Люба, не хочешь с нами сыграть? На Жигалова твоего, на Вовочку?

— Ну, нет! А вот на семиклассника, такого, кудрявого, из 7 «Г», вполне... — заявила Люба, подходя к столу.

\* \* \*

— Сочинение написали? — хитро улыбаясь, спросила Люба.

— Я — нет, — призналась Вера. — А какая тема?

— Вольная.

— А, ну так я сейчас быстренько накатаю...

Подруги побежали в читальный зал. Туда пускали только после уроков, когда в библиотеке было не так много народу, так как боялись, как бы ученики не порастаскали оттуда журналы, воспользовавшись постоянно царившей в библиотеке суматохой. Но подружек Нина Николаевна знала очень хорошо, и поэтому в «читалку» пускала.

Друзья вошли в зал. Он был уставлен партами и стульями с мягкими сиденьями. У окна в углу на партах стояли три стареньких компьютера и принтер. Возле стены были разложены подшивки разных газет и журналов. Напротив — огромный телевизор, рядом — несколько кресел, диван и журнальный столик. Над диваном висел плакат, призывающий бросить курить:

Мальчик рядом с речкой курил.

И тут его проглотил крокодил.

Крокодила потом неделю тошнило...

Так брось же курить -

**ПОЖАЛЕЙ КРОКОДИЛА!**

Вера шлепнулась на ближайший стул, Люба села рядом — правда, не на стул, а на стол, а Надя стала критически разглядывать себя в зеркало:

— Ужас! Какая я уродина! Толстая, веснушки по всему лицу и волосы грязные!

— Так помой голову! — посоветовала Вера. — А насчет толстоты ты мне здесь не заливай, нормальная у тебя фигура!

— А я не могу помыть голову!

— Почему?

Надя вздохнула:

— У наших соседей какие-то проблемы с водопроводом. Точнее, они дом перестраивают, уже перестроили, внутри отделать осталось. Им там надо все трубы менять, а то старые проржавели. Так вот, у них почему-то вода горячая не идет, и всё! Ну, а заодно и у нас тоже. И у тех, кто за нами. Уже неделю где-то. А я вчера поздно домой пришла, пока поела, пока уроки сделала, то да сё, уже лень было воду греть, в ванну таскать...

— А ты на какую тему сочинение писала? И вообще, дай почитать! — обратилась к Любе Вера.

— Не-а. Не дам, — заявила Люба.

Подруги удивленно на неё воззрились.

— А почему? В чём дело?

Люба опять расплылась в хитрящей улыбке:

— А-а-а, сюрприз! Я его всему классу прочитаю, — девочка слезла со стола, подошла к зеркалу и стала разглядывать свои голубые джинсы. Потом шлепнулась в кресло, откинулась на спинку и прикрыла глаза с видом человека, предвкушающего нечто приятное.

Девочки глядели на неё с подозрением.

— Опять ты что-то задумала! — заявила Надя.

— Да нет, правда! Лучше поглядите, что мне папа вчера распечатал...

Люба поджала ногу и порылась в сумке, достав оттуда несколько листов с японскими иероглифами. Люба обожала всё, что связано с Японией. У неё под кроватью валялось множество журналов про эту страну. У неё над столом висело несколько фигурок-оригами. У неё были кофты, сарафан и кроссовки с иероглифами и драконами. На ночь она всегда читала книгу с хайку — японскими стихами из трёх строк...

В данный момент она продемонстрировала друзьям около двухсот японских иероглифов с переводом.

— Вот, — с жаром начала объяснять она, — это, видите, вот, вот тут, красота, правда? Папа мне выбирал самые красивые. Вот этот означает «мир», этот — «ссора», этот — «любовь», а этот — «предательство»... Я их все хочу выучить, и как пишутся, и как переводятся...

Прозвенел звонок.

Вера дописала несколько слов и сунула тетрадь в портфель. Девочки неторопливо поплелись к кабинету русского. А зачем спешить? Ведь Кутасёнок всё равно опоздает.

И правда — когда девчонки вошли в класс, Кутаса ещё не было, а Аня громко требовала, чтобы Марго принесла ей диски, которые должна была передать ещё неделю назад.

— Ты же уже давно обещала, мне они нужны очень! Почему слова не держишь? Ну никак на тебя нельзя положиться! — возмущалась Аня, не обращая внимания на Маргаритино «забыла».

— А ты как будто держишь! — встрял Шуйский.

— Почему это я не держу? — удивилась Аня.

— А вот ты мне говорила, что если я ещё хоть раз затащу твою сумку в мужской туалет, то ты меня убьёшь, а ведь не убила до сих пор, значит, слово не сдержала!

Аня оглянулась на стул, где лежала её сумка. Её там не было.

— Ах ты, гад! А ну-ка верни мою сумку!!! — завопила Аня, кидаясь не Андрея.

Все с улюлюканьем и хохотом наблюдали, как дерущаяся парочка выкатилась из класса. Маленькая, хрупкая Анечка орала, пинала парня, в припрыжку несущегося к мужскому туалету, в котором он спрятал Анину сумочку, и пытавшегося хоть как-то защититься от острых носов Анютиных сапожек. Однако, пока он не вбежал в помещение, ему это так и не удалось.

Вынув из-за угла сумку, Андрей кинул её подальше, что бы дать себе фору и успеть добежать до кабинета, пока Исрафилова её поднимает.

Когда наконец и Аня оказалась в классе, Шуйский подошел к ней и сказал с самым серьезным видом:

— Знаешь, я ошибся. Свои обещания ты действительно выполняешь.

\* \* \*

Кутас пришёл как всегда с опозданием в пятнадцать минут.

— Кто дежурный? Сходите за мелом!

— Прохор! — хором возвестил класс.

— Эй, совесть есть тут хоть у кого-нибудь?!!! — заорал мальчик. — Я и вчера был, и позавчера...

Естественно, совести ни у кого не оказалось.

Учитель сразу взялся за домашнее задание:

— Кто желает прочитать своё сочинение?

К всеобщему изумлению руку подняла Оля. Кутас кивнул ей.

Олечка вышла к доске:

— Мое сочинение называется «Несостоявшаяся встреча»! — возвестила она и стала читать: — «Как-то ко мне должна была приехать подруга. Я ждала её возле школы. И вот, когда до её прихода оставалось несколько минут, в поле моего зрения появилась моя любимая учительница истории Барисова Тамара Ивановна. Она загородила мне обзор дороги, на которой должна была появиться моя подруга, своей массивной тушей и утащила на дополнительный по истории. Встреча не состоялась», — продекламировала Оля и поклонилась классу в ответ на аплодисменты и смех.

— Садись, Лакизо, — вздохнул Кутас.

— Почему сразу «Лакизо»?! — тут же возмутилась Оля.

— Ну, а кто ты?

— Олечка! Можно Оленька. А то чуть что — сразу «Лакизо»!..

— Это твоя фамилия, хватит кривляться. Кто ещё?..

Люба подняла руку.

— Радько Люба, пожалуйста!

Люба, хитро улыбаясь, принялась за чтение:

— «Как я хожу в школу»

Утром я встала в семь часов. Я еле разлепила глаза, встала и поглядела на неубранную

постель. Огромным усилием воли я заставила себя её застелить, но тут в дверь протиснулась моя собака, прыгнула на уже убранную постель и снова её смяла. Я не обратила на это внимания и пошла в ванную. Там я обнаружила ужасную вещь. Вчера я забыла вынуть свои штаны из стиральной машины и они лежали там мокрые. А это значит, что придется идти в школу в джинсах, прятаться от дежурных и Мороз. Ну да ладно, не в первый раз. Страшнее было то, что когда я поела, было уже 7.40, а я всё ещё дома, ведь до школы мне ехать 30 минут. Надо было срочно искать короткий путь. И я его нашла. Правда, пока я его искала, прошло ещё 15 минут. Возле моего дома была стройка и мне пришлось идти через неё. Там я вся вымазалась, но у меня не было времени чиститься. Тут на моё счастье я увидела, что к остановке подъезжает 29-ый автобус, который идет к школе. Я понеслась к нему изо всех сил, которые у меня были, но когда я уже готова была сесть внутрь, очень милый и добрый водитель закрыл дверь прямо у меня перед носом. Слава богу, почти сразу подъехал ещё один автобус, и я доехала на нём до школы. На урок я пришла с опозданием в пятнадцать минут.

Вот так я каждый день хожу в школу».

Конец сочинения потонул в хохоте одноклассников, который ещё усилился, когда Вера заметила, что пятнадцатиминутное опоздание Любы на урок русской литературы значения не имело — сам Кутас опоздал на двадцать.

\* \* \*

На музыку весь класс шёл как всегда в приподнятом настроении. У всех на лицах застыли непонятные улыбки.

Дело в том, что музыку вела педагог-организатор гимназии Былина Валентина Васильевна. Личность это была настолько яркая, что едва ли во всей школе — или, если уж на то пошло, во всех школах Фрунзенского района — найдется хоть один человек, который её не знал. Толстая (ну, не такая, как Барисова, но все-таки), рыжая и абсолютно сумасшедшая на вид. Все знали, что она помешалась на культуре Беларуси, ходила в национальном белорусском костюме, организовала белорусский хор, основала в гимназии этнографический музей, концертный зал «Сялянская хатка» и, за неимением лаптей, расхаживала по школе в зелёных домашних тапочках.

Итак, 7 «А» направлялся к этнографическому музею, в котором проходили уроки музыки. Юра во всё горло басом распевал какую-то песню, Кочан приставал к Исфафиловой Ане, Оля шла рядом с Шуйским и на ходу красила губы, Полина Корней, Наташа Калоша, Чикунова Надя, Матвеевская Вера и Радько Люба шли в шеренгу, растянувшись от стены до стены, полностью загораживая коридор, и весело переговаривались, смеясь над Шилиным Федькой, который в присядку прыгал прямо перед ними, и его длинные крашенные волосы подпрыгивали вместе с ним. Горлач Максим устремил свой взор в учебник по физике, из-за чего всё время натякался на стены, бормоча что-то себе под нос. Самым последним плёлся Прохор Коля, сердито зыркая исподлобья на всех проходящих мимо, кипя праведным гневом — он всё ещё не мог прийти в себя после того, как его заставили дежурить третий день подряд.

Скуратова Марго шла рядом с Зеленко Машей, чьи непослушные густые кудри, как всегда торчавшие в разные стороны, сильно контрастировали с прямыми, аккуратно собранными в хвост русыми волосами Марго. Маргарита несла в руках большой пакет с

конфетами и угощала всех пацанов, которые шли рядом с ними.

Вот таким вот макаром 7 «А» двигался по направлению к музею.

Внутри он был полностью подделан под белорусскую хату и двор. Вдоль одной из стен протянулся плетень с насаженными на вертикальные шесты глиняными горшками, рядом стояли деревянные столы со скамьями, раковина была замаскирована под колодец, стены разрисованы берёзками и ещё какой-то растительностью. С потолка на цепях свисали люстры, похожие на колёса от телег, к которым были прикреплены свечи-лампочки. Напротив двери стоял настоящий деревянный домик с печью, столом и гордостью Былины — ткацким станком, или кроснами, как она его называла. Единственное, что не вписывалось в старобелорусский интерьер — это стоящее на низенькой полукруглой сцене современное дорожущее электронное фортепиано с панелью настроек, с помощью которой можно было записывать звуки на диктофон, переписывать музыку с диска и потом прослушивать, регулировать громкость или изменять тембр звучания инструмента, что бы, например, вместо звуков фортепиано слышались звуки скрипки, виолончели или любого другого из полусотни инструментов.

Ребята расселись за длинные столы. На низких скамьях было не очень удобно сидеть, но зато легче было передавать тетрадь по переписке.

Вера села в угол, достала учебник математики и стала делать домашнее задание. Надя рядом списывала с Юриной тетрадки английский, который шёл следующим уроком. Равным в знании иностранных языков Юрику не было. Люба, всё еще погруженная в мрачные мысли о красивой сопернице, безучастно листала каталог косметики. И в этот момент в класс ввалилась Былина. В прямом смысле слова «ввалилась», так как по дороге длинная юбка с орнаментом зацепилась за торчавший из двери гвоздь:

— Добры дзень, мае сябры! — улыбаясь до ушей прокричала она на белорусском с напевным подвыванием.

Выглядело это очень смешно, поэтому все, весело переглянувшись, отложили посторонние дела и уселись поудобнее в ожидании последующих действий Валентины Васильевны, которые наверняка опять всех развлекут.

— А-а ну-ка быстро все отодвиньтесь от стены! Не дотрагивайтесь до моих обоев! Я их сама, вот этими вот руками клеила! Мальчики, не трогайте шторы, я их лично вешала! Так устала, я же просто на ногах стоять не могла, всё о-о-ой как болело, это просто уму не постижимо! Эй-эй, не отковыривайте краску с окон! Я их сама красила! А ноги вытерли, перед тем как сюда входить? Ведь это же дубовый паркет! Очень дорогой!

— А его вы тоже сами клали? — не выдержав спросила Вера. Кто-то хихикнул.

— Нет, но я смотрела, как его кладут! О-ой, долго это было, а потом я его оттирала ещё, целую ночь драила... Отодвиньтесь от стены, ну кому я говорю! — Былина прямо подпрыгивала, от чего её дубовый паркет начал сотрясаться, а один тапочек слетел с учительской ноги. Все снова покатались от смеха.

Валентина Васильевна поспешно надела тапочек, пригладила торчащие дыбом рыжие волосы и продолжила рассказывать о том, как тяжело было чистить новый дубовый паркет:

— Я сама чистящие средства заказывала, вот по этому телефону, — тут она подняла свой новый мобильник, что бы все его видели. — Вот, видите, у меня новый телефон, это я неделю назад ездила его покупать, ой, как я тогда устала... Но мне очень нужно было, что бы он у меня бы-ыл, мне же приходится то в РОНО ездить, то в ЖЭС, я устаю, а с моим новым, таким замечательным телефоном мне легче стало, но всё равно очень тяжело...



Волна веселья схлынула, и все вернулись к своим делам, лишь изредка прислушиваясь к Былине, что бы не пропустить, если она опять скажет что-нибудь смешное.

— ...А вот ручки на столе, это я из деревни привезла, орнамент вручную вышивался... А-А-А, НЕ ТРОГАЙ ИХ!!! ЭТО ЖЕ РУЧНАЯ РАБОТА! Я же их сама из свс деревни привезла, это же произведение искусства...

Так проходила музыка каждую неделю. Можно догадаться, как много о знаменитых композиторах и их произведениях узнавали дети на уроках Былины. То есть узнавали-то много, только не о композиторах, а о том, какая Былина молодец, и о том, как трудно ей живется.

К концу урока Вера успела доделать математику, Люба успела её у Веры списать, а Надя переписала у Юры английский. В общем, музыка не пропала даром, и время было использовано с максимальной продуктивностью.

Выходя из музея, Оля с Аней по очереди прилепили свои жвачки на обои, которые Былина клеила сама.

\* \* \*

— Калоша Наталья, подойди, пожалуйста! — попросил Кутасёнок, открывая раздевалку.

— Калоша! Калоша! Калоша старая! Тапочек! — запрыгал вокруг Наташи Кочан Игнат.

— Заткнись, Кочерыжка! — крикнула обидевшаяся за подругу Полина.

Уроки закончились, Вера и Надя шли после английского и пытались найти Любу, которая была в другой группе. Они заметили её в другом конце коридора, пошатывающуюся под тяжестью трёх толстых курток. К ней подскочил Федя с предложением помочь, и, когда девушка согласилась, вместо того, чтобы забрать у неё куртки, услужливо поднял кончик волочившегося за ней по земле шарфа и таким образом сопровождал до Веры и Нади, которые никак не могли пробиться к подруге сквозь толпу. Люба язвительно поблагодарила Федю за помощь (тот расплылся в счастливой улыбке и раскланялся) и сунула куртки в руки друзьям. Надя, пытаясь заглушить вопли Кочана и Наташи с Полиной «Кочерыжка! Валенок!», крикнула:

— Пойдемте в кафе! А то с голодухи помру, у меня уже живот к спине прилип!

Девочки протолкались через семиклассников и побежали в школьное кафе — в отличие от столовой, еда там было вполне приличная.

В кафе как обычно толпилась целая куча учеников. Мальчишки жевали булки, девчонки следили за мальчишками, всё время хихикая, на дальних столах старшеклассники списывали друг у друга химию.

Надя купила булку с сосиской и выбралась из очереди. Она откусила от булки кусок и стала недовольно искать взглядом друзей, которые всё ещё стояли где-то у прилавка, и тут... Её глаза наткнулись на НЕГО. Какой-то парень, старше её года на три, стоял в очереди и разговаривал с приятелем. Чёрный костюм, модный жёлтый галстук, мелированные волосы, теплые серые глаза... А Надя всё стояла и стояла, не в силах отвести от него взгляд, во рту — недожёванный кусок булки, голубые глаза широко распахнуты...

Внезапно он тоже посмотрел на неё, серые глаза усмехнулись, а Надя вдруг очнулась, проглотила наконец эту идиотскую булку, схватила за рукав подошедшую Веру и потащила её к выходу из кафе. Люба, недоумевая, поспешила за ними. Вера начала упираться:

— Эй, куда ты меня тащишь? Пойдёмте сядем, поедим. Нам же сейчас в библиотеку,

Нинке помогать, ты что, забыла? А с едой нельзя, не пустят.

Надя остановилась. Она и вправду забыла про библиотеку. Встреча с красивым сероглазым парнем всё вытеснила у неё из головы. Подумав, она согласилась пойти посидеть и дать подругам выпить сок и съесть пирожок со сгущёнкой. Но, к их вящему удивлению, настояла на том, что бы сесть в самый дальний угол кафе, возле окна. Люба хотела было возразить — возле прилавка стояли два парня, которые ей нравились, но Надя упёрлась, и девочке пришлось уступить. Ещё больше их изумило то, что проходя мимо каких-то старшекласников, она почему-то пригнулась и почти бегом кинулась к столику.

Усевшись возле окна, Вера и Люба с аппетитом принялись за еду, а Надя отрешённо глядела в окно, за которым медленно падал снег. «Как я могла быть такой дурой? — с отчаянием думала она. — Встретила парня своей мечты и выставила себя перед ним умственно отсталой. А всё из-за этой булки. В жизни больше их есть не буду. И вообще, почему он посмотрел на меня именно тогда, когда я её жевала?» Надя представила себя с выпученными глазами и ртом, набитым сосиской, и ей стало плохо. Она с отвращением поглядела на надкусанную булку, как будто та была во всём виновата. И тяжело вздохнула.

Вера подозрительно поглядела на подругу. Она уже начала догадываться о причине её неадекватного поведения. Люба же в это время пыталась разглядеть кого-то в толпе и ничего не заметила.

Наконец всё было съедено. Точнее, Вера с Любой всё съели, а вот Надина булка так и осталась лежать на столе. Девочки уже хотели идти, но Надя опять заупрямилась и предложила посидеть ещё немного.

— Послушай, — не выдержала Вера. — Что с тобой такое? Через три минуты перемена заканчивается, нам надо к Нинке идти, а ты упёрлась как осёл, и ни в какую!

Хотя Надя, в общем-то, по натуре была человеком неконфликтным, если уж она что-нибудь вобьёт себе в голову, то переубедить её невозможно.

Но как только Вера и Люба поудобнее устроились, Надя увидела, что молодой человек с жёлтым галстуком выходит из кафе, поэтому вскочила и воскликнула:

— Хотя нет, я передумала, пошли скорее!

— Слушай, милая, ты уж как-нибудь определись, чего ты хочешь! — раздраженно рявкнула Люба.

Вера же скорее схватила пальто и портфель и побыстрее вытолкала подруг из кафе, пока Надя опять не передумала.

Тут Люба по очереди пихнула в бок Веру и Надю и кивнула в сторону какой-то девчонки:

— Вон, гляньте, это она, Дранько Даша, — и Люба болезненно поморщилась.

— А она и вправду красивая, — оценивающе поглядев на Дашу сказала Надя, на секунду выныривая из своих печальных дум, но тут же получила ещё один тычок локтем в бок, на этот раз от Веры. Сейчас явно было не время расхваливать Любину соперницу.

Но Даша и в самом деле была красива: длинные распущенные волосы, милое личико с курносым носиком, точёная фигурка, да и вообще выглядит старше своих лет, никак не скажешь, что она в седьмом классе, скорее, в девятом.

— Одевается, как испанская крестьянка раннего периода Возрождения, — заметила Вера, разглядывая длинную юбку с оборками, высокие сапоги и что-то наподобие корсажа поверх блузки.

— Иконы периода Возрождения, крестьянки периода Возрождения... Что-то последнее

время мне это Возрождение проходить не даёт, — с отвращением проговорила Люба.

— И не холодно же ей, — удивленно заметила Надя. Последнее время становилось все холоднее и холоднее, столбик термометра опускался порой до двадцати пяти градусов ниже нуля, и все в школе надевали на себя по три свитера, даже Анюта, обычно расхаживающая в топике и зимой, и летом, надела теплую вязаную кофту, поэтому Даша в блузке выглядела странно.

Девочки направились на третий этаж, в библиотеку, критикуя Дранько Дарью, но Вера заметила, что Надя то и дело замолкает, лицо с веснушками приобретает какое-то отрешенное выражение... И Вера прекрасно знала, что это значит — все эти признаки были ей знакомы по Любе. Хотелось бы только знать, кто этот субъект, ведь Надя довольно скрытная, может и ничего не сказать...

\* \* \*

Нина Николаевна встретила друзей с расплывшимися объятиями. Ногти у неё на этот раз были золотистые, с тонкими черными зигзагами.

— Ой, девочки, как хорошо, что вы пришли! Подождите, сейчас закрою библиотеку и читальный зал, а вы пока идите, подождите у хранилища.

Девчонки пошли по коридору, в середине завернули в проход, издали не заметный, и остановились у широких деревянных дверей с огромным висячим замком.

Люба, лениво попиная портфель, начала рассказывать о распрекрасном Вовочке, ляля-тополя... Вера всё это терпеливо выслушивала (уже в триста сорок девятый раз), стараясь выглядеть заинтересованной, чтобы не обидеть подругу. А Надя опять с отсутствующим видом начала пялиться на стенку, думая о чём-то своем. В глазах застыло странное выражение — Вера ещё ни разу такого у подруги не видела и не знала, что оно означает.

Тут появилась Нина Николаевна, сунула Любе в руки ведро с тряпкой и швабру и велела набрать в туалете воды и вымыть полы, потом, когда Люба, недовольно, глядя на швабру, скрылась в направлении вышеупомянутого помещения, открыла ключом замок, дала двум оставшимся подругам по марлевой тряпке и отправила вытирать пыль с полок и книг. А сама пошла обедать.

Вера с Надей пошли вдоль рядов, то и дело останавливаясь и листая ту или иную приглянувшуюся книгу, заодно смахивая с полок пыль. У входа раздалось бречание, возвещающее о возвращении Любы, стук дерева о дерево (похоже, Люба зацепилась шваброй за дверь), потом глухой удар (девочка не удержала равновесия и плюхнулась на пол), довольно громкое ругательство, опять звон, плеск воды (Люба случайно пнула ведро), вскрик и ещё более громкая ругань.

Вера с Надей подбежали к подруге. Она сидела на полу в луже, мокрая, и злющая, как чёрт. Рядом валялось опрокинутое ведро, швабра неустойчиво стояла, прислонившись к двери.

— Ненавижу мыть полы! — сердито заявила Люба. Тут швабра съехала по стене и упала Любе на голову.

Девочка издала протяжный вопль. Вера испугалась, что швабра проломила подруге череп и подбежала к Любе. А Надя согнулась от хохота и просто не могла ничего сделать. Она стояла, держась за полку с книгами, и сотрясалась от смеха.

Вера склонилась над Любой, которая лежала на полу с закрытыми глазами:

— Эй, Любаша, с тобой всё в порядке?

Люба продолжала лежать неподвижно. И тут...

— Бу! — крикнула она, резко открывая глаза, явно рассчитывая напугать подругу. Эффект получился потрясающий: от неожиданности Вера отпрянула назад, но поскользнулась на луже и упала, пнув ведро, которое отлетело в сторону едва живой от смеха Нади и подсекло её под ноги. Ослабевшая от хохота, Надя не удержалась на ногах и упала, по дороге задев полку. Та покачнулась и упала на другую, стоявшую за ней, та на следующую... Полки со страшным грохотом падали, как домино. Подруги ошалело пялились на учиненный разгром. Некоторое время все молчали.

— Вот тебе и «бу!», — бесцветным голосом произнесла Вера.

Надя сидела на полу с дёргающимися от страха руками. Вера растерянно огляделась по сторонам. Было абсолютно тихо, если не считать негромкого позвякивания покачивающегося с боку на бок ведра. Люба, делая вид, что она здесь совершенно не при чем, встала и отряхнулась.

— Ну, для начала надо бы это всё убрать, — невинно заметила она.

— Гениально. Ну, я, в общем-то, настроена оптимистично, поэтому могу сказать кое-что хорошее, — Вера встряхнулась и поставила ногу на ведро, которое тут же прекратило брэнчать.

— Ну и? — недоверчиво спросила Люба.

— Пыль нам теперь точно вытирать не понадобится.

— Очень смешно! — истерически всхлипнула Надя, сделав рукой такой жест, словно хотела опереться на в данный момент отсутствующую на нужном месте полку. — Я чуть от этого грохота на месте не окочурилась! Никогда в жизни так не пугалась!

— То же самое ты говорила, когда Гарпия чуть не застучала тебя, когда ты списывала у Юры домашнее задание, — возразила Вера.

— И когда Барисова внезапно вызвала тебя к доске, — добавила Люба.

— И когда твой старший брат пообещал убить тебя за то, что ты случайно стёрла с компьютера его доклад...

— И когда Кочан неожиданно начал обстреливать тебя снежками...

Надя обиженно замолчала.

Девочки начали уборку. С огромным трудом ставили полки на место.

— Слушай, Надя, как ты такую тяжесть смогла свалить? — кряхтя, поинтересовалась Вера. — Эту полку невозможно сдвинуть по всем законам физики.

— В таком случае, мы с тобой только что эти законы физики преодолели! — радостно сообщила Люба, когда очередной стеллаж со стуком, покачиваясь, встал на место. — Давай последний ставь сама, а мы с Надей пойдем книги на место ставить.

Поднатужившись, Вера поставила полку на место. Она уже хотела было уходить, но тут что-то привлекло её внимание. Между полками у стены виднелось что-то синее. Когда полки падали, последняя врезалась в стеллажи у стены, слегка отодвинув их. За ними оказалась ниша.

— Эй, девчонки, идите-ка сюда, я кое-что нашла! — крикнула Вера.

Девочки примчались на зов:

— Что случилось? Что ты нашла?

— Вон, гляньте! — ткнула Вера в дырку между полками.

— Ну и что? Какая-то тряпка синяя.

— Какая тряпка?! Это чехол! Помните, сразу после каникул те рабочие, ну, которые водку в суп восьмому-штрих классу уронили, тащили что-то на третий этаж?

— А-а-а, точно, эта штуковина была в синем чехле. Тебе ещё до дрожи в коленках понадобилось узнать, что там находится, — припомнила Люба.

— Угу. Ну так что, посмотрим?

— А как? Я в эту дырку не пролезу, — возразила Надя. — И вы тоже.

— Ну так отодвинем, и все дела! — воскликнула Вера, потрянув чёлкой.

— Ну спасибо, я уже и так этих полок надвигалась, — открестилась Надя.

— Да ну тебя, давай посмотрим! Неужели не интересно, что там? — Люба толкнула подругу плечом.

— Не очень, — вздохнула Надя. Лень, конечно, но помочь надо.

Друзья снова засопели, заскрежетали железные полки. Наконец стеллаж слегка отодвинулся, и Вера первая просунулась в образовавшуюся щель к чехлу, окутывавший какой-то предмет. Девочка протянула руку к замку-молнии и потянула вниз. Подруги дружно ахнули. В чехле оказалось необыкновенной красоты зеркало в массивной позолоченной раме, украшенной извилистым узором. В неверном свете помигивающих электрических лампочек эта рама как будто переливалась разными оттенками, волны рисунка менялись, кружились в неземном танце... Похожее происходило с поверхностью самого зеркала: оно отражало всё нечётко, как будто было слегка затуманено, и если долго вглядываться в него, оно начинало едва заметно мерцать, матовое отражение начинало завихряться... Почти незаметно, слегка, и стоило только моргнуть или хотя бы чуть-чуть отвести взгляд, иллюзия исчезала, но всё же...

Надя прерывисто вздохнула. Никогда ничего подобного ей видеть не приходилось. Как и остальным.

— Ну, девочки, как успехи? — раздался голос Нинки, мгновенно выведший друзей из транса. — Что, уже и зеркало успели раскопать? — добавила она, заглядывая в нишу и увидев, перед чем они стоят.

— Мы... Мы только хотели... — залепетала Вера.

— Там было что-то синее, и мы решили посмотреть... — поддержала подругу Люба.

— Да ладно, всё в порядке, пусть так остается, — отмахнулась библиотекаряша. — Почистить бы надо, а то плохо видно, — произнесла она, потерев рукавом угол зеркала. Это чуть не вызвало у девчонок вопль протеста. Им казалось кощунством даже дотрагиваться до него. — А, ладно, это потом. Давайте доделывайте, а я пока список учебной литературы за одиннадцатый класс посмотрю... — и Нинка в задумчивости удалилась.

Подруги полностью отодвинули стеллаж, закрывающий зеркало, и принялись за работу.

Люба хотела было снова взять швабру, но Вера решительно вырвала её у неё из рук. Не хватало ещё, что бы полки снова упали, теперь уже на зеркало. Ну, Люба особо не возражала.

Зато, едва Вера вернулась с полным воды ведром, Люба сразу воскликнула:

— А зеркало — просто потрясное! И ничего оно не запачкалось, а то, что нечётко видно — так по-моему это так и надо.

— Скажите, это я только сейчас начала замечать, сколько вокруг необычного, или это просто недавно происходить начало? — поинтересовалась Вера.

— Недавно начало. А точнее — с тех пор, как мы нашли часовню. Вот видите, как здорово, что я вас уговорила идти искать зайцев, а то так бы ничего и не происходило! — порадовалась Люба

— Тоже мне, большая утрата, — пробурчала Надя.

— А ведь и вправду, смотрите: часовня. Книга эта с картинкой. Электронные предметы не работают — я про такое во многих книгах читала, да хотя бы в том же «Гарри Поттере» — в «Хогвартсе» ничего такого не работает. Рама на той выставке... Зачем её туда повесили? А теперь вот ещё и это...

— Точно! Вспомнила! — хлопнула себя по лбу Люба. — Я всё думала, что же мне это зеркало напоминает? А теперь поняла — рама, та, пустая, с очень похожим рисунком была.

— Ну и что? Эй, да и вообще, спуститесь вы с небес на землю! — не выдержала Надя. — Нашли часовню. Ну и что? Там раньше деревня была, а потом снесли, а часовня в лесу стояла, про неё и забыли. Что такого? Ну, книга. И что? Книга как книга, на иностранном языке. А картинку талантливый художник рисовал. То, что предметы не работают — может, там просто место такое, низина, лес, вот и отключаются. Рама без картины? Ну, может, была картина, а потом кто-то вроде нашей Оли налепил на неё жвачку, или ещё чего, её и сняли... А зеркало... Ну, красивое зеркало, и всё. Может, и вправду грязное, а может слой серебра с другой стороны стёрся, вот и отражает плохо. А у вас уже воображение разыгралось!

Некоторое время все подавленно молчали.

— Ты и в самом деле так думаешь? — тихо спросила Вера.

Выдержав паузу, Надя вздохнула:

— Нет. Я понимаю, что всё было не так... Не совсем так. Но тогда как?..

Опять помолчали.

— Слушайте, мы сегодня вообще убираться будем? — спохватилась Люба. — А то сейчас прибежит Нинка и даст нам по шее.

Все тут же согласились, радуясь перемене темы.

Вера уже пять раз успела пожалеть, что взялась мыть полы за Любу. Но что поделаешь. Сама Люба в это время обмахивала тряпкой полки в самом первом ряду.

Вера поискала глазами вторую подругу. Прошла пару рядов и увидела Надю с тряпкой в руке, с нежностью взиравшую на учебник по истории Беларуси за десятый класс. Тогда Вера решила, что пора всё выяснить. Она плюхнула тряпку в ведро с водой, отставила швабру в сторону, подошла к подруге и тихо спросила:

— Ну, и кто этот человек?

Надя вздрогнула и залилась краской:

— Какой?

— О котором ты всё время думаешь.

Надя, потоптавшись, вздохнула:

— Ладно, ты права. Это человек.

— Ну, я так и поняла, что не насекомое, — хмыкнула Вера.

Надя обиженно глянула на девочку.

— Ладно-ладно, не обижайся. Так кто же он?

— Не знаю. Но у него офигенный желтый галстук, красивый чёрный костюм и потрясающие серые глаза, и кажется, я влюбилась. Ах, как сердце сильно бьется! — вздохнула Надя сложив руки на груди и добавила: — Только ты Любе не говори. Она не поймёт.

— Да ты что?! Наоборот! Если тебя кто и поймет, так это она!

— Думаешь? — с сомнением произнесла девочка.

— Конечно! Да и вообще, вы же подруги, какие тут могут быть секреты?

Закончили уборку. Вышли на улицу. И Надя всё рассказала.

— Старшеклассник, говоришь? В желтом галстуке? Я его видела, но кто такой — не знаю. Надо у Оли спросить, она всех старшеклассников знает, потому что в каждого из них когда-то была влюблена. Симпатичный, кстати, хороший у тебя вкус! — одобрила Люба.

— Он такой красивый! — закатила глаза Надя.

— Вот здорово, что ты влюбилась! Вот узнаем класс, можно будет на него хоть каждую перемену бегать смотреть — по расписанию посмотрим, в каком он кабинете.

— Ух! — восхитилась девочка. — А ещё неплохо было бы его сфотографировать...

И только тут Вера с ужасом поняла, что она наделала.

## Глава 7. Между двух огней

Январь подходил к концу, на улице свирепствовала метель, жуткий холод заставлял всех надевать на себя по пять свитеров и с головой укутываться шарфом, но Надин пыл всё это нисколько не охладило. Каждый день она исправно бегала вместе с Любой от кабинета к кабинету в поисках парня с жёлтым галстуком. Его класс и имя они узнать так и не смогли, так как Оля умотала в санаторий и должна была вернуться только через неделю.

Как-то, выходя с урока физики, где Мороз Ольга Игоревна чуть не сделала всему классу «секир-башка», Надя вздохнула:

— Быстрее бы Оля возвращалась из своего санатория. Я так хочу видеть Пашу как можно чаще!

— Как! — завопила Люба. — Ты уже узнала, как его зовут?! И мне ничего не сказала?!!!

Ответить Наде помешали Андрей с Игнатом, которые от радости, что физика кончилась и Мороз сегодня они больше не увидят, затаили песню, которую посвятили учительнице физики:

Ой, Мороз, Мороз,

Не морозь меня,

Не морозь меня,

Моего коня...

Обогнав их, Надя ответила:

— Нет, но у меня предчувствие, что его будут звать именно так. Ах, как сердце сильно бьется!

Вере стало смешно. Ей довольно долго было смешно глядеть на подруг и их поиски. Потом её это начало раздражать. А потом ей стало грустно. Не так давно Вера удивлялась, как такие разные люди как Люба и Надя могли подружиться, несмотря на их бесконечные перепалки. А вот теперь Надя всё больше становится похожей на подругу. Единственная разница заключалась в том, что Люба бегала за кучей парней, а Надя — за одним. Но сил она на него тратила не меньше, чем Люба на всех вместе взятых, а то и больше, и то и дело начинала рассуждать о возвышенных чувствах и философствовать — это дело она очень любила, — доводя Веру до тихого бешенства.

И вот сейчас, сидя одна на перемене за партой и тупо глядя в учебник по биологии, пока подруги отправились на поиски возлюбленных — Любе купили серебряный кулон в форме японского дракона, и она хотела показать его Вовочке, — она думала о том, как резко всё может измениться. Сзади сидел Прохор Коля и обиженно сопел. Вот уже вторую неделю его заставляли дежурить за весь класс, а учителям, кажется, не было до этого дела.

И Любе с Надей, похоже, тоже не было дела до того, что Вера сидит здесь одна.

\* \* \*

В пятницу утром настроение у Веры не улучшилось. Она вышла раньше обычного, поэтому оставила Любе на снегу знак — два перекрещенных следа правой ноги, — чтобы та её не ждала, и побрела в гимназию.

Тут Вера заметила, что из-за угла выходит девочка, года на два младше её. Это была Рамина, Верина знакомая. Они жили в одном доме. У Рамины не было отца, но её мать



владела салоном красоты «У Рамины». Рамина им очень гордилась, но всегда была веселой и дружелюбной. А сейчас она, похоже, чувствовала себя немногим лучше Веры.

— Привет! — радостно воскликнула Вера, подходя к Рамине.

Девочка вздрогнула и остановилась:

— А-а-а, привет.

— Что-то случилось? Как жизнь? Давно тебя не видела.

Рамина вздохнула:

— А это потому, что я здесь больше не живу.

— Как?! А... А где же тогда?

— Моя мама вышла замуж, и мы теперь живём в Москве. А сюда приехали, что бы мама все дела с салоном уладила.

— Вышла замуж?! Здорово! И в Москве теперь живешь? И отец теперь у тебя есть. Ты рада?

— Да... — Не очень уверенно произнесла Рамина.

Вера подумала, что, может, Рамина совсем не рада маминому замужеству, и нерешительно спросила:

— А твой отец, он тебя любит?

— Да, — на этот раз уже более уверенно сказала Рамина.

— Тогда чего ты такая... грустная?

— Ну... Просто всё так изменилось. Я же здесь всю жизнь прожила, всех с детства знаю... А тут вдруг раз — и в Москве. Это тяжело... Для меня. Но жизнь, она такая... изменчивая. Вот и в моей жизни всё поменялось. Но сдаваться нельзя — это только сначала трудно, а потом всё будет в порядке. Надо только иметь терпение — и всё утрясется. Ну ладно, пока, мне пора... — Рамина улыбнулась напоследок и пошла.

— Пока... — тихо сказала Вера. К глазам ни с того ни с сего подступили слезы.

И всё же разговор с Раминой помог ей. «Да, — подумала Вера, — в жизни многое меняется, но потом все будет ОК. Главное — не бросать всё на произвол судьбы, не ложиться в позу «лапки кверху», а продолжать бороться... За всё».

\* \* \*

На следующий день, в субботу, пришла Оля. На трудах, где, по идее, все должны были шить себе топики или майки, шёл увлечённый разговор. Естественно, Оля не носила на труды ни ткань, ни нитки, и вовсе не собиралась заниматься такой ерундой, как шитьё, поэтому, усевшись на парту, с интересом слушала Надю, которая от волнения чуть не удушилась перекинутым через шею сантиметром.

Вера Надин рассказ пропустила, так как сообразила, что взяла ткани раз в пять больше, чем надо было, и в данный момент пыталась из неё выпутаться.

— В жёлтом галстуке, говоришь? — Оля задумалась. — Знаю такого. Он в 10 «Б» классе. А вот как зовут — не помню.

— Я знаю, как можно выяснить, — задумчиво произнесла Люба.

— Как? — с надеждой взглянула на неё Надя.

Вера наконец выбралась из ткани и, кинув её на стул Скуратовой Марго, с интересом посмотрела на Любу.

— Мы в этой четверти дежури́м. В марте. В столовой, на входе, на цветах и в

учительской. А в учительской все журналы. И журнал его класса тоже есть.

— На кой чёрт нам журнал его класса, если мы не знаем, как его зовут?

Люба улыбнулась:

— Вчера мы с Надюшей слышали, как он говорил, что ему поставили десятку по химии.

Вот и посмотрим, у кого из 10 «Б» стоит десятка за двадцать восьмое число.

— А если у нескольких?

— Ну... По крайней мере будем знать, из чего выбирать. Девчонки сразу отметаются, а я сомневаюсь, что несколько парней умудрились в один день получить десятки по одному и тому же предмету!

На физкультуру не пошли. Сидя в раздевалке, Оля, Аня и Люба ожесточенно играли в карты на... ну конечно же, на парней. Хотя послушай их со стороны, это было трудно понять:

— Да ну, кому такая рухлядь нужна...

— А мне нравится, глаза у него голубые...

— УРА!!! Я светленького выиграла!

— Хм... А что я теперь буду делать с его ногами?

В качестве зрителей выступали Полина, Наташа, Вера и Надя. Последняя фраза принадлежавшая Любе, вызвала у девчонок истерический взрыв хохота, такой громкий, что учитель физкультуры по фамилии Котиков (и по кличке Котик или Киса) их услышал и выгнал из раздевалки.

\* \* \*

На музыке опять было весело. Былина Валентина Васильевна вопила на Скуратову Марго — та, передавая Юрику кусок шоколадки, чуть не задела ей за ненаглядные Былинины ручки.

А потом Былина нарядила свою излюбленную жертву — Зеленко Машку — в народный белорусский костюм, поставила посреди этнографического музея и заставила распевать «Во поли берёза стояла». Пухленькая Маша приобрела прямо-таки сверхъестественное сходство со спелым помидором с ножками — и по форме, и по цвету, так как во время пения несчастная девочка покраснела до корней волос. И как раз в тот момент, когда она закончила голосить (голос у неё, кстати, был чистый и сильный, как раз народные песни петь), кокошник, который с таким трудом надели на кудрявую Машкину голову слетел и, подпрыгнув, упал на пол. Короткие кудряшки, высвободившись из плена, распушились в разные стороны и встали дыбом. Глядя на всё это, класс просто рыдал от хохота.

Вере жить стало гораздо легче. Надин ажиотаж по отношению к Паше постепенно снизился и теперь появлялся вспышками, и всё стало как раньше, хотя бегать за парнями вместе с подругами Вере приходилось довольно часто — чаще, чем до Надиной «вечной любви».

На улице выглянуло холодное зимнее солнце, и девчонки единодушно решили не идти домой, а прошвырнуться по рынку.

Проехали три остановки на троллейбусе и, хрустя чипсами, отправились ходить вдоль рядов.

Паша вновь завладел всеми мыслями и чувствами Нади. Она не переставала говорить с ним ни на остановке, ни в троллейбусе, ни даже придиричиво оглядывая красивую длинную

юбку:

— А вы видели, как он одевается? Шелковый галстук, жёлтый, это же сейчас просто последний писк моды! А костюм? А рубашка? Идеальное сочетание, а если ещё учесть его бесподобную внешность...

И тут Вера не выдержала:

— А по-моему, урод уродом! Тощий, волосы торчком во все стороны, и нос у него длинный!

Надя остановилась как вкопанная и стала судорожно хватать ртом воздух. Вера решила, что немного переборщила:

— Да ладно тебе, шучу я. Но нос у него все равно длинный!

— Вера, — серьезно произнесла Надя. — Пашу не трогай! Он — самый замечательный человек на земле! Самый красивый, самый умный, самый...

Люба сочла нужным вмешаться:

— Эй, Надя, ты будешь эту юбку примерять, или нет?

Надя немного расстроилась, что ей не дали в полном объеме перечислить все достоинства Паши, но всё же ответила:

— Нет. Состав плохой, и скорее всего красить будет при машинной стирке, края плохо обработаны... И тебе этот свитер брать не советую, стопроцентная шерсть — это тоже не очень хорошо...

Пусть существовало огромное количество тем, в которых Надя совершенно не разбиралась, в одежде, её качестве, покрое и различных косметических средствах она была для подруг просто неоспоримым авторитетом (хотя сама всегда одевалась очень неброско, хотя и стильно, и почти никогда не красилась), поэтому Люба отложила свитер.

— ...И вообще, поехали лучше в магазин, там качество вещей намного выше, — закончила Надя.

— Ладно, только сначала зайдем здесь в обувной отдел, мне родители новые сапоги обещали купить, хочу посмотреть, из чего выбирать можно будет.

— В магазине тоже обувь есть. А здесь жутко холодно.

— Надя, ну что ты такая неженка! Сегодня намного теплее, чем вчера, всего лишь пятнадцать градусов ниже нуля. И вообще, на рынке, конечно, качество не такое, как в магазине, но зато цены ниже и выбор больше, — возразила Вера.

— Действительно. И вообще, не всегда имеешь возможность одеваться в универмагах.

Девочки завернули в обувной ряд.

— Вера, — внезапно сказала Люба. — А почему бы тебе в кого-нибудь не влюбиться?

— И вправду! Вон сколько симпатичных пацанов вокруг ходит!

— Нет, я так не могу. Как я могу влюбиться в человека, если я с ним даже не знакома? По одной только внешности? Ну уж нет, извините.

— А ты что, ни с одним пацаном не знакома? Все ждешь какого-то принца на белом коне!

— Вот именно!

— Слушайте, какое... Зачем вам, что бы я влюбилась?

— Ну, тогда мы бы все вместе ходили за парнями, и тебе с нами было бы не скучно...

— Вот именно! Не скучно! Для вас любовь — это развлечение, игра... — обозлилась Вера. — Я за парнем бегать НЕ БУДУ! Ни за каким!

— Это ты сейчас так думаешь, — с видом умудренного жизнью человека произнесла

Надя. — Вот влюбишься, тогда поймешь. Я ведь раньше тоже как ты считала...

— Да, а теперь носишься за этим... Как его... Пашей, Люба — за Жигаловым, а я между вами, как меж двух огней мечусь... Вон, Люба, глянь, очень даже ничего сапожки!

Люба поглядела на очень красивые высокие сапоги.

— Ни за что! — внезапно заявила она.

— Почему? — удивилась Надя.

— Они на шпильке. Больше всего на свете я ненавижу шпильки! Не переносу просто! Ходить на них совершенно не умею... Обычные каблуки — ещё терпимо, но это...

— Ну хорошо, — слегка удивленно сказала Вера. — Вон ещё, смотри...

Люба подошла к подругам:

— Это не сапоги, а тапочки, это уродство, на это смотреть противно, тут опять эти шпильки... Ух ты, а вот это... Просто супер!

Девочка жадно уткнулась взглядом в высокие сапоги из черной кожи, на платформе, с красивой шнуровкой спереди.

— Вот это да! — но тут Любин взгляд упал на цену, и она отпрыгнула от сапог, как от учебника по физике. — Пятьсот тысяч! С ума сойти! Да мне родители такие разве что за четыре десятки по математике купят! Пошли в магазин, а то опять становится зверски холодно.

— В этом году зима вообще очень холодная. Такой уже давно не было, — задумчиво согласилась Вера.

Доехав до ГУМа, подруги с наслаждением зашли в теплое помещение, совершили налёт на маленькое кафе на втором этаже и, слопав по четыре булочки с двумя чашками горячего чая, отправились в отдел косметики и парфюмерии. Вера с Любой похватали подходящие по карманным средствам блески и тушь по две тысячи рублей, а Надя после тщательных раздумий купила блеск для губ с ароматом черники за восемь долларов. В ответ на недоуменные взгляды подруг с полными руками косметики, Надя, наставительно помахивая одним-единственным тюбиком, ответила:

— Зато я точно знаю, что это высококачественная вещь, а не подделка!

— От обычных блесков еще никто не умирал, — парировала Вера. — Мы с Любой купили раз в пять больше, чем ты, а денег потратили меньше!

Надя пожалала плечами, решив не ссориться.

Далее их путь лежал в отдел женской одежды (отдел детской показался им несерьёзным). Оставив полки полупустыми, девочки потопали к примерочным, пошатываясь из-за обилия вещей. Покупать их, естественно, никто не собирался — у друзей таких денег не было, — но примерить все равно хотелось.

Подошли к примерочной. Там кто-то был — занавеска шевелилась. Девочки остановились рядом и стали ждать. Надя начала жаловаться на соседский водопровод — горячей воды до сих пор не было:

— Третью неделю уже, — возмущалась она. — И водопроводчиков вызывали, а они только руками разводят — вроде всё в порядке.

Потом разговор опять плавно перешел на мальчишек (Надя опять жаловалась, теперь уже на приставучего Прохора). Но в конце концов девочки, нагруженные одеждой, начали проявлять нетерпение. Занавеска в примерочную всё ещё шевелилась, никто оттуда не выходил. Прошло уже довольно много времени, и Вера, под завязку нагруженная вещами, сердито спросила, обращаясь к примерочной:

— Простите, вы скоро? А то здесь очередь.

Ответа не последовало. Надя, решив, что дама глуховата, ткнула рукой в то место, где штора только что шевельнулась.

Там ничего не было. Тогда девочка приоткрыла штору. Примерочная была пуста. Надя испуганно попятилась и отпустила занавеску. Та опять шевельнулась.

— Привидение! — пискнула Надя, отступая к подругам. Она была на грани обморока. Вера и Люба в недоумении уставились на девочку.

— Надька, у тебя крыша поехала? — осведомилась Люба. — Какое привидение?

Надя ткнула пальцем в штору на примерочной.

— Ну и что? Ты что, отодвинула эту тряпку висячую, а там на тебя привидение посмотрело?

— Нет, там вообще никого не было! — истерически всхлипнула девочка. — А шторка шевелится!

Вера с любопытством заглянула в примерочную. Приведений она еще ни разу не видела и хотела посмотреть, что они из себя представляют. Внимательно оглядев кабинку, девочка вдруг села на пол и расхохоталась. Подруги недоуменно смотрели на неё.

— Так, теперь и у тебя крыша поехала, — прокомментировала Люба.

— Ой, Надя, ну ты трусиха! — помирала от смеха Вера. — Подите сюда.

Девочки подошли к подруге. Та впихнула их в кабинку и зашторила примерочную. Занавеска не двигалась. Вера велела друзьям отойти к стене. Девчонки послушались. И тут штора заколыхалась.

— Вот, смотри на свое привидение, — давясь от смеха сказала Вера, указав рукой на вентиляционное отверстие напротив занавески. Из него немилосердно дуло. От порывов воздуха штора двигалась.

Люба тоже скрючилась от смеха. Надя без сил опустилась на гору не примеренной одежды на полу.

## Глава 8. Невероятное совпадение

В понедельник, последний день января, погода разозлилась не на шутку. Метель выла не хуже Былины, когда опасности подвергались её драгоценные ручники, ветер с силой бил в стёкла, а на дорогу до школы времени тратилось гораздо больше обычного из-за непроходимых сугробов. Особенно тяжело было Наде — электрички по утрам часто опаздывали, и ей приходилось на крейсерской скорости ковылять по снегу от остановки до школы, чтобы не опоздать.

Поговаривали, что из-за морозов отменяют уроки, и эта мысль грела школьников лучше, чем самый толстый свитер. Марго в этом была и вовсе уверена, а ей в вопросах выпытывания у учителей информации можно было доверять.

Подруги сидели на математике. Надя жаловалась на то, что теперь приходится вставать в пять утра. Она красочно описывала, в тетради по переписке все муки, которые она при этом испытывала, полностью игнорируя Терезку, объясняющую основы геометрии:

— Угол меньше ста восьмидесяти градусов называется выпуклым, а угол больше ста восьмидесяти — ...

— Впуклым! — радостно предположил Кочан.

На двадцатой минуте урока в класс ввалилась Зеленко Машка. Девочка пробормотала извинение и плюхнулась на стул рядом с Марго.

Надя была возмущена до глубины души, поэтому случайно высказалась вслух: она, чтобы не опоздать, поднимается на час раньше, а Маша, которая живет в трех шагах от школы, опоздала чуть ли не на пол-урока!

Терезка слышала слова Нади и, улыбнувшись, сказала:

— Это называется «закон физики № 5»: тот, кто живет ближе, чаще опаздывает.

— А ведь она права, — прошептала Вера Любе, с которой сидела. — Тот, кто далеко живет, боится опоздать, потому что знает, что ему долго идти, поэтому выходит раньше, рассчитывает время... А тому, кто живет близко, всё время кажется, что время ещё много, и что ещё успеет прийти вовремя...

Люба согласно кивнула. Маша исправно опаздывала на каждый первый урок, как и Оля с Аней. Хотя нет, Оля с Аней опаздывали на все уроки без исключения. А на некоторые вообще не приходили.

Следующий урок русского языка начался с объявления на этот раз почти не опоздавшего Кутасёнка:

— Сегодня после шестого урока прибудет грузовик за списанными учебниками. Нина Николаевна просила помочь всех желающих носить книги из хранилища на первый этаж.

— У-у-у-у-р-р-р-р-а-а-а!!!! — таков был ответ 7 «А».

— Вот здорово! — прошептала Вера Наде и Любе, сидящим на парте сразу за ней, пока несчастный Прохор Коля стараниями одноклассников в очередной раз мыл доску за других. — Можно будет ещё раз взглянуть на то зеркало!

— Если его ещё оттуда не увезли, — сухо заметила пессимистичная Надя.

Кутас тем временем закончил объяснение нового правила:

— Вопросы есть?

Калоша Наташа подняла руку. Кутасенок вопросительно посмотрел на неё.

— Сергей Владимирович, слово «чудесный» пишется через букву «у», а не через «ю» — правило «чу», «щу» пиши с буквой «у», и без буквы «т» в середине — проверочное слово «чудеса», а не «чудеста», — сообщила она ему, глядя на красующееся на доске Кутасовское «чюдестный».

Кутас Сергей Владимирович с глупым видом посмотрел сначала на Наташу, потом на доску, где он писал правило, потом снова на Наташу, чей вид ясно говорил, что она думает о своём классном руководителе.

\* \* \*

— Исафилова, выкинь жвачку в мусорку! — громыхнула Барисова. — И кто уронил мел на пол?

— Прохор! — по привычке гаркнул 7 «А».

— Быстро собери!!! — загремела учительница, и добавила, увидев, что мальчик хочет возразить: — А то замечание в дневник запишу! Параграф читали?

— Читали...

— Это роман или книгу можно читать, а историю нужно учить!

Шёл урок истории. Класс со скучающим видом царапал что-то в тетрадях под диктовку. Некоторые на автомате кроме исторических фактов записывали за Барисовой и фразы типа «Сядь, как подобает ученику», «Ты чего каблуками цокоешь? Цокать надо умом!» и «Рыба гниёт с головы, а класс со старосты». Последние слова адресовывались Наташе, которая была виновата абсолютно во всех смертных грехах: Кочан уроки не сделал (не позанималась!), Кутас про родительское собрание забыл сообщить (не проследила, ты же знаешь, какой он у вас пустоголовый!), лампочка в коридоре перегорела (чуть ногу в темноте не сломала, видишь же, что людям неудобно, нет бы электрика вызвать!) и т. д.

Тут тишину нарушил робкий стук в дверь. Барисова угрожающе нахмурилась:

— Кто там ещё мешает учебному процессу?!

Класс с вялым интересом глянул на дверь. Прерывать урок Барисовой не осмеливался даже директор. Только Мороз, недолголюбивающая Барисову (взаимно), иногда шла к ней с какими-то бумагами специально на уроке.

В дверь просунулось хорошенькое личико... Даши Дранько. С улыбкой она подошла к Барисовой и что-то ей зашептала. Люба вдруг шумно вздохнула и дернула Веру за косу, а Наде наступила на ногу. Когда подружки вопросительно посмотрели на неё, Люба кивком головы указала на Дашины ноги.

На них красовались сапоги из черной кожи на платформе. Спереди их украшала симпатичная шнуровка.

\* \* \*

— Нет, ну вы видели?! — Люба чуть не плакала. — Она, наверное, была на рынке тогда, и услышала, что мне нравятся эти сапоги, но купить я их не могу! Прикройте меня, — добавила она, когда девочки проходили мимо дежурных, и Вера поспешно встала перед подругой, скрывая от ненужных глаз голубые джинсы. — И как ей только не холодно? — продолжила Люба, останавливаясь у зеркальных колонн в холле.

— Ну, не знаю, но одевается она действительно здорово. Со вкусом, — покачала

головой Надя. Люба совсем приуныла. Если Надя говорит со вкусом — значит, со вкусом. Девочка печально оглядела себя в зеркале. Джинсы, потоптанные сапоги, три тёплых свитера, из-за которых она кажется в два раза толще, чем на самом деле. Правда, сейчас все так ходили — в такой холод не особо вырядишься, — но Даша по-прежнему носила легкую вязаную жилетку без рукавов поверх блузки. И те самые сапоги.

Из раздумий девочку вывело Верино напоминание о том, что они шли в столовую, и что если не поторопиться, им ничего не достанется.

И тут мимо прошел Паша. В своем обычном чёрном костюме... Но БЕЗ рубашки и БЕЖЁЛТОГО ГАЛСТУКА! В серой водолазке!

На секунду Вера показалось, что Надю хватит удар.

— Как, КАК он мог так поступить?! — завопила она на весь коридор.

— Ну, Надюша, на улице минус двадцать семь. Не лето, понимаешь.

Надя молчала.

**Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)**

В столовой давали странного вида запеканку. Зеленоватую немного, и какую-то мокрую и холодную на ощупь.

В столовку вошёл отсутствующий на первых трёх уроках Юра.

— Ой, Юрась, привет! — радостно воскликнула Вера. — Ты где был?

— Привет, привет, привет, — весело поздоровался Юрик, по очереди пожимая своей огромной ручищей руки подругам. — Я на олимпиаде по английскому был, первое место занял.

— Круто! — улыбнулась Вера.

— А у этих двоих чего такие постные лица? — поинтересовался пацан, кивком головы указав на Надю и Любу.

— Из-за жёлтого галстука, — буркнула Надя, сжимая свою запеканку в лепешку.

— И из-за чёрных сапог, — сверкнув глазами добавила Люба, превращая свою порцию в блин нажатием руки.

— А-а-а... Понятно, — с озадаченным видом сказал Юра.

Тут к нему подбежала Марго:

— Ой, Юрочка, так ты первое место занял? Вот здорово! Хочешь шоколадку? — Юрик, конечно, не отказался.

Тут его заметили закадычные друзья Кочан и Шуйский, или КиШ, как они сами себя называли.

— О, Юрась-карась припёрся! — завопили они, кинув в Юру запеканкой. И оба куса достигли цели. С угрожающим видом мальчик стол пододвигать к себе чужие тарелки, явно намереваясь дать сдачи.

А дальше Вера, Люба и Надя решили ради собственной безопасности не смотреть, и искренне пожелав столовой выстоять (какую бы гадость там не подавали, это всё же лучше, чем ничего), отправились на урок к Гарпии.

\* \* \*

— Как я хочу сходить на какую-нибудь выставку... — протянула Надя.

— С чего это вдруг? — поинтересовалась Люба, выискивая в толпе школьников Вовочку.



— Ну, не знаю... Захотелось. Особенно на ту, про которую Аня на собрании против Марго упомянула.

— А что за выставка? Я не помню, — спросила Вера, так как Люба наконец увидела Жигалова и окружающий мир, как всегда в такие минуты, перестал её интересовать.

— Выставка драгоценных камней, — важно сообщила Надя. — Я люблю камни.

— Да, ты у нас вообще любишь всё дорогое, качественное и красивое, — согласилась Вера.

Почти все старшие классы стояли в коридоре и ждали прихода Нинки. К девочкам протиснулась Маша и начала заваливать информацией о всевозможных животных. Кудрявая любительница питомцев сегодня облачилась в ярко-розовый свитер, зелёные штаны, красный в белый горошек платок на голову, едва не лопавшийся от натуги, и оранжевые сапоги. Ни Надя, ни Люба, ни Вера даже не пытались её понять. Слова лились сплошным потоком, и все три подруги были весьма благодарны Нине Николаевне, когда она наконец появилась на горизонте с ключами, зажатыми в ярко-красных когтях.

— Значит, так, — прокричала она, открывая хранилище. — Берёте [книги](#), которые лежат возле этой стены, и несёте их к запасному выходу на первом этаже. Там будет стоять грузовик, но сейчас на улице очень холодно, поэтому просто кладите книги в кучу у двери, в машину их без вас перенесут. Ну, всё понятно? Тогда давайте!

Началось светопреставление. Содом и Гоморра. Радостно вопя, дети накинулись на книги. Хватали учебники, и, весело болтая, неслись на первый этаж. Довольно часто раздавались звучные удары — это незадачливые шутники получали по затылку историей древнего мира или математикой за девятый класс от предмета своих насмешек. Надя тащила в руках огромную стопку книг по физике. Сия ноша явно внушала ей опасения, так как физика твёрдо ассоциировалась у неё с Мороз Ольгой Игоревной. Люба, пыхтя, несла не менее огромную стопку географии, что было особенно трудно при наличии у неё под мышкой географического журнала, на обложке которого красовались два самурая со свирепыми рожами и жутким оскалом. Вера ещё толкалась в очереди, Юра с лёгкостью нёс в каждой руке по стопке, превышающей в размерах Надину и Любину вместе взятые, да ещё в зубах держал словарь французского языка. КиШ дружно кудахтали над готовыми лабораторными работами по химии за следующий год, Машка радостно помахивала книгой про хомяков, держа в другой руке какие-то старые энциклопедии, а шедшая рядом Марго несла три тоненьких задачника с таким выражением лица, словно хотела показать (и показывала), что все ей по гроб обязаны.

Где-то часа через полтора движение начало затихать. Почти все ушли, остались только человек десять, среди них и Вера с друзьями, которым очень хотелось посмотреть на зеркало. Если его ещё не унесли куда-нибудь.

Идя за очередной порцией книг, подруги прошли в конец хранилища. Мягкое свечение оповестило их, что зеркало на месте.

Девочки подошли ближе. Книг осталось совсем мало, они лежали как раз вокруг зеркала, от которого на них падали блики.

— Ну что, надо заканчивать? — постояв, тихо сказала Вера. Девочки согласно кивнули и потянулись к книгам. Люба и Вера взяли свои порции и стали ждать Надю, что бы пойти вниз вместе. Но Надина стопка оказалась прижата тяжёлой рамой зеркала. Девочка отчаянно пыхтела, дергая русскую литературу, которая начала медленно поддаваться. Надя в последний раз сердито дёрнула, книги выскочили из-под зеркала... А само зеркало начало

медленно заваливаться в тот бок, откуда Надя только что выдернула учебники.

Подруги дружно завопили. Вера отбросила книги в сторону и кинулась на пол, пытаясь придержать зеркало. Люба уронила свои книги ей на голову и бросилась помогать. Зеркало качнулось и стало падать теперь уже не в бок, а прямо, как раз на перепуганную Надю.

— Чего стоишь?! — рывкнула на неё из последних сил сдерживающая кренящееся зеркало Люба.

Надя наконец опомнилась и помогла подругам оттащить зеркало к другой стене и прислонить к стеллажам.

— Ну оно и тяжеленное! — проворчала Вера, утирая пот. — Как будто из чистого золота.

— А откуда ты знаешь? Что, каждую неделю золотые зеркала таскаешь?

— Да нет, я...

— Да вы что?! Какое ещё золотое? Вы хоть себе представляете, сколько бы оно стоило?! — сердито воскликнула Надя.

— Нет, не представляю. А вот ты чего стояла, когда оно падало? Ждала, пока тебе особое приглашение по почте придёт?

— Да нет, я просто испугалась...

— Господи, да сколько можно пугаться, в конце-то концов!!!

— Думаешь, не пугаться — это так легко? И вообще, сколько хочу, столько и пугаюсь! И нечего... Эй, Верка, ты чего?

Вера, не участвовавшая в дискуссии, стояла и молча пялилась на стену, возле которой раньше стояло зеркало. Это Любе кое-что напомнило... Точно так же её подруга стояла в часовне, когда увидела на стене овальный отпечаток... Люба медленно подняла глаза на пыльную стену. Надя, похоже, подумала так же, как и подруга, потому что тоже поглядела на стену и ахнула. На пыльной поверхности выделялся точно такой же овальный след, как на стене в часовне.

## Глава 9. Путешествие в Жданы

— Нет, ну ты посмотри, какой красавчик, — умилялась Надя, глядя на Пашину фотографию. На самом деле понять, кто там был изображен, было трудновато, так как девочка фотографировала своего возлюбленного тайком, и, соответственно, впопыхах, так что качество оставляло желать лучшего. Впрочем, на фотографии виднелись только вытянутая вперед рука, часть ботинка и длинный Пашин нос, выглядывающий из-за колонны. Сначала Надя хотела всучить одолженный у Полины фотоаппарат Вере («А то вдруг он меня заметит и поймет, что я влюбилась?!»), но она решительно воспротивилась: интересно, то, что он подумает, что Надя в него влюбилась (что правда), — это катастрофа, а если он решит, что в него влюбилась Вера — это в порядке вещей?! Три дня Надя выслеживала парня, а когда фотография наконец была добыта, никак не могла отвлечься от её созерцания.

Три подруги вышли из Вериного подъезда. Они только что были у Веры в гостях и обсуждали наболевшую тему, подкинутую им и всему 7 А Мороз Ольгой Игоревной: контрольная по физике в следующий вторник, и чтобы отвлечься, Вера предложила сходить в ближайший книжный магазин за срочно понадобившемся ей журналом.

Надя прижимала к груди заветную фотокарточку и оживленно болтала с Любой на банальную тему Как сделать так, что бы он меня заметил? не обращая внимания на Верины предложения вроде сделай стойку на голове или получи десять десятков по физике и войди в историю.

— Сначала можно сделать так, — вдохновенно вещала Надя. — Я возьму в руки несколько книг, и когда буду проходить мимо Пашечки, кто-нибудь из вас толкнет меня на него, и я эти книги выроню...

— Ему на ногу, — тихо подсказала Вера. Люба весело стрельнула в неё глазами, а Надя как ни в чем ни бывало продолжала:

— ...а он остановится, поможет мне их собрать, улыбнется...

— Надя, мечтать, конечно, не вредно, но это когда только мечтаешь, а вот когда пытаешься воплотить мечты в жизнь, а у тебя ничего не получается, это уже довольно болезненно — в моральном плане, — Вера кинула на подругу сочувственный взгляд. — Ведь вполне вероятно, что он просто отпихнёт тебя и пойдет своей дорогой.

— ...А во второй раз я уроню тетрадки, и он мне опять поможет, и спросит, как меня зовут, — упрямо гнула своё Надя, — а в третий раз я уроню какие-нибудь листы, и он...

— Решит, что ты контуженная, — теперь уже не выдержала Люба. — Извини, Надюх, но тут тебя занесло.

Подруги дошли до магазина. Надя, обиженная на весь мир, зашла последняя. Вера быстро отыскала нужный журнал, открыла кошелек... и он оказался пустым.

— Чёрт!

— Что такое? — удивилась Люба. — А где деньги? Исчезли?

— Да нет, — вздохнула Вера. — Просто у меня два кошелька одинаковых, один пустой, а в другом деньги. Ну вот я и перепутала. Вернемся ко мне? Я их поменяю и опять сходим сюда.

— Да, конечно, — кивнула Люба.

И они повернули обратно.

Дома Вера быстро отыскала другой кошелёк, вынула оттуда две тысячи и вернулась к подругам:

— А что будем делать с контрольной по физике?

— А что тут можно сделать? — пожала плечами Надя. — Зубрить придется.

— Да, — подтвердила Люба. — Мороз — это вам не Кутасёнок какой-нибудь, у неё не спишешь. Как коршун следить будет, чтоб шпаргалок не было. Я удивляюсь, как это она ещё камеры слежения возле каждой парты не поставила.

Дошли до магазина. Вера открыла дверь, взяла журнал, открыла кошелек и...

— Что такое? Опять что-то перепутала? Или у тебя три одинаковых кошелька? — поинтересовалась Люба.

— Да нет, — сердито буркнула девочка, ставя журнал на место. — Просто я вместо двух тысяч взяла тысячу сто. Спутала тысячу и сотню. Вернемся ещё раз?

— Ну ладно, — пожала плечами Надя, и подруги двинулись в обратный путь.

Когда девочки снова выходили из подъезда, Вера вдруг спросила:

— Слушайте, а кто-нибудь из вас знает, на сколько золото тяжелее железа?

— Понятия не имею, — откликнулась Люба. — Знаю, что тяжелее, и всё.

— А чем, интересно, вызван такой вопрос? — поинтересовалась Надя.

— Да вот, понимаете, — начала девочка, открывая дверь в магазин и доставая кошелек, — у меня какие-то странные подозрения...

Тут она открыла кошелёк, и все трое выругались. В кошельке лежала только одна тысяча.

— Ну, а на этот раз что произошло? — сердито поинтересовалась Люба.

— Ну... — крайне смущенно начала Вера. — Похоже, что я сотку на тысячу поменяла и положила в кошелек, а вторую тысячу дома оставила.

— Ладно, вернемся, но в последний раз, а то уже поздно, а мне ещё домой ехать. Да и вообще, нечего по такому холоду таскаться, — предупредила Надя.

Выходя в очередной раз из Вериного подъезда, Люба спросила:

— Ну, так что там у тебя за подозрения? — и глянула на Веру.

Вера ответила не сразу:

— Ну... Это насчет зеркала. — Все сразу поняли, про какое зеркало идет речь. — Просто... Помните, как мы его нашли? Тогда все полки попадали, а мы их поднимали. И я одна, если поднапрячься, вполне могла поднять один стеллаж. А когда падало зеркало... Ну, оно вроде меньше полка по объему, ну, может, такое же. А мы втроем его еле смогли в сторону оттащить, — закончив, девочка вопросительно посмотрела на подруг, ожидая ответа.

— То есть ты хочешь сказать, — медленно проговорила Люба и остановилась, — что рама у этого зеркала на железо с позолотой, а чистое золото?..

— Ну, может, не чистое...

— Чушь! — фыркнула Надя. — Я уже говорила. Вы понимаете, какая это куча золота? Какие огромные деньги... Какие невероятные деньги такая штука может стоить? И что бы эта невероятно ценная вещь хранилась в нашей школе? Где все носятся как ненормальные, дерутся книгами и кидаются булками? Где каждый может разбить это зеркало и разрисовать раму маркерами просто потому, что ему так захотелось?

— Ну, оно же не посреди коридора стояло... — заикнулась Вера. — А в хранилище...

— Да какая разница?! Да вот хотя бы вчера, такое столпотворение было, его же в любой момент могли разбить! И разбили бы, разбили бы мы, если бы вовремя не подхватили! А могли бы и не подхватить, а отбежать подальше, что бы оно на нас не упало! И всё, кранты!

— Ну, зеркалу кранты, конечно, — осторожно согласилась Люба. — Но ведь золотая-то рама, а не само зеркало, с рамой-то ничего такого не случилось бы.

— Ну и что? — фыркнула Надя. — Таковую вещь в школе не хранят. Да и с какой стати?! Более подходящего места, что ли, нету?

— А ведь это мысль, — задумчиво проговорила Вера, двигаясь с места. Подруги поспешили за ней. — Я имею в виду, что раз вещь это дорогая, то её могут хотеть украсть. Опытные воры. И хозяева решили просто перевезти её в место, где никто не стал бы её искать, которое вне подозрений. Ни одному нормальному человеку не придет в голову хранить у нас что-нибудь ценное, что можно хоть как-нибудь испортить, потому что наши тут же найдут как, и испортят. Впрочем, то, что нельзя испортить, наши тоже испортят, — они наконец подошли к магазину. — Ну, всё, покупаем мой журнал, и по домам, — сказала Вера и дернула ручку. Дверь не поддавалась.

— Время работы: 8.00 — 20.00, - прочитала Люба вывеску над дверью.

— Сейчас 20.05, - бесстрастно добавила Надя. — Магазин уже закрыт.

Ругаться сил уже ни у кого не было.

\* \* \*

Вера задумчиво теребила страницу книги. Подруги смотрели на неё.

— Так ты и самом деле думаешь, что это просто совпадение? — наконец произнесла Вера, отодвигая русский язык.

Надя приложила руку ко лбу, как будто у неё внезапно заболела голова:

— Не-ет, Вера, ну только не про это. Как только ты начинаешь говорить об этих двух отпечатках, мне сразу становится плохо. Мы же уже решили, что это было просто совпадение, давай и дальше так думать. Чего ты вдруг опять эту тему подняла?

Вера пожала плечами:

— У меня предчувствие, что что-то не так. Ну, давайте просто представим на минутку, что в часовне и в самом деле висело это зеркало.

— Ну, давай представим, — согласилась Люба, сидящая на парте перед ними.

— И что? С какой стати в часовне будет висеть зеркало?

— Надя, не будь душой. Тебе никто не говорит, что оно там всегда висело. Вера про то, что кто-то его туда повесил, а потом забрал.

— И привез в нашу школу, — подхватила Вера.

Надя задумалась:

— Ну... Это только в том случае, если принять за правду нашу теорию о том, что зеркало золотое, очень ценное, и его прячут. Сначала прятали в часовне, а теперь у нас в школе... И, знаете что, надо бы ещё проверить, действительно ли это абсолютно одинаковые отпечатки.

— И как ты себе это представляешь? Взять зеркало, принести его в часовню и сравнить? — съязвила Люба.

— Нет, — спокойно отозвалась Надя. — Взять и померить линейкой зеркало и тот отпечаток...

— Точно! — загорелась Вера.

— ...Только вот зачем нам это нужно, я не пойму, — закончила фразу девочка. — Какое нам дело до всего этого?

— Да тебе ни до чего нет дела! — возмутилась Люба. — Интересно узнать, вот и всё! Мы же с самого начала знали, что у этой часовни много тайн, и вот одну мы почти разгадали! А есть ещё и другие, с этой книгой, и с тем, что там электронные вещи не работают... Пусть эти тайны не мистические, но разгадать-то их все равно было бы здорово!

Прозвенел звонок. Надя задумалась над словами подруги. Потом кивнула. А вот Вера грустила. «Что делать, — думала она, — пора бы уже перестать мечтать. Скорее всего, у всех тайн будет вполне обычное объяснение. Никакой мистики. Но все же я должна в этом убедиться! В конце концов, и это уже что-то».

Вошел Кутас:

— Так, сегодня у нас повторение. Правописание приставок «пре-» и «при-». Если имеется в виду приближение чего-нибудь, например, «прибить» — пишем «при-». А если приставку можно заменить словом «очень», то «пре-». Теперь скажите, как пишется словосочетание «престарелый возраст»? Кочан! «При-» или «пре-»?

— «При-»! — не задумываясь вякнул Игнат.

— Почему? — удивился Кутасенок. — Разве здесь имеется в виду приближение чего-нибудь?

Кочан задумался, а потом его осенило:

— Ну да! Здесь имеется в виду приближение смерти!

Класс засмеялся. Кутас вздохнул:

— Садись, Кочан. А кто дежурный?

— Прохор! — как и следовало ожидать, гаркнул класс.

На этот раз Коля уже безропотно поплелся мыть доску. Вере даже стало его жалко. Под прикрытием Колиных возмущённых стенаний в класс просочились опоздавшие Аня и Оля, шёпотом оповестив, что были в кафе.

На перемене 7 «А» повалил в столовую. На улице стоял жуткий холод, а столовая — самое тёплое место в школе, так что возле неё теперь постоянно толпилась куча народу, особенно после того, как пару дней назад особенно могучий порыв ветра так хлопнул входной дверью, что в ней появилась трещина.

Надя с подругами тоже не стала задерживаться, а поспешила к теплу и свету.

— Бли-ин, как же я есть хочу, — вздохнула она.

— А я как вспомню, что завтра контрольная по физике, так сразу весь аппетит пропадает, — буркнула Вера.

— Хоть бы уже быстрее уроки отменили, — мечтательно вздохнула Люба. — Заставлять учиться в такую погоду — это просто бесчеловечно! Никакой гуманности!

— Ну да, так тебе Мороз и разрешит отменить уроки, когда завтра контрольная, — хмыкнула Вера. — Да она лично министру образования морду начистит за такое дело! Небось научилась, пока бокс смотрела, как это делается.

— А я ему, если отменит, любые лекарства пришлю. Лично! — с жаром воскликнула Люба.

Друзья наконец вошли в столовую.

— Так, — протянула Надя, пододвигая к себе тарелку с творогом. — Интересно, почему у всех творог белый, а у меня какой-то желтоватый? — сердито добавила она, оглядывая

соседние тарелки.

— Несвежий, может. Ты бы лучше не ела, — предупредила Люба.

— Да ладно, — отмахнулась девочка. — Не умру небось. А если живот заболит, так это только к лучшему: контрольную пропущу.

— Н-да, — вздохнула Вера, отправляя в рот ложку. — И вправду. Тогда, может, поделишься?

Вера с Любой принялись уничтожать творог, запивая потрясающе горячим чаем. Рядом стоял Максим, помешивая в стакане ложкой, и спрашивал у Юры, может ли тот определить диаметр получившейся в чае воронки, зная плотность этого самого чая и скорость движения ложки.

— О, вон, кстати, твой жёлтогалстучный принц, правда, опять без галстука, — заметила Люба, даже во время еды не забывая оглядывать проходящих мимо парней бдительным взором.

Надя не ответила.

— На-адя, ты меня слышишь? — с набитым ртом повторила Люба. Опять молчание.

Девчонки обернулись и вскрикнули. Надя стояла с выпученными глазами, скрючившись и схватившись рукой за живот.

— Надя, Надька, что с тобой?! — завопила Люба, кидаясь к подруге.

Надя без слов рухнула на пол.

\* \* \*

Люба и Вера сидели дома у последней и молча пялились в окно, за которым медленно кружили снежинки. Из соседней комнаты доносились приглушённые звуки телевизора: младшая Верина сестра Настя в отсутствие родителей дорвалась до категорически запрещённых американских боевиков.

Уроки всё-таки отменили, и контрольная по физике переносилась на неопределенный срок — так что можно себе представить, какую бурную радость выказал 7 «А». Правда, эту радость слегка омрачало то, что в этот же день Надю увезли на «скорой» с диагнозом «пищевое отравление». С того дня прошла уже почти неделя, Вера и Люба несколько раз звонили подруге, и её родители и старший брат говорили, что она быстро идет на поправку. «А сегодня, седьмого февраля, у Нади день рождения» — подумала Вера и озвучила эту мысль перед подругой.

— Ну, и что мне сделать?

— Да ничего, жалко просто. А ты подарок купила?

— Нет, да и зачем, если она в больнице?

— А вот и нет, я ей вчера звонила, и она уже дома, спит!

— Да? — оживилась Люба. — Слушай... а ведь мы могли бы её навестить. А по дороге купим подарок, заодно и поздравим. Будет сюрприз на день рождения, а то представляешь, как ей в свой праздник одной лежать!

— Одним? В Ждановичи? И как ты себе это представляешь? Ты хоть дорогу знаешь? Лично я была там только один раз.

— И я тоже, — кивнула Люба. — Но думаю, что ничего страшного тут нет. Адрес знаешь?

— Урожайная, 13.

— Вот и отлично! А там уже разберемся. Примерно я знаю как туда ехать, а уже там спросим, как до Урожайной дойти.

— Меня родители ни за что не отпустят!

— Меня тоже. Но ведь не обязательно их просвещать, правда? — хитро улыбнулась Люба. Вера, подумав, улыбнулась в ответ. Получив это молчаливое согласие, Люба тут же взялась за разработку плана:

— Значит, так. В первую очередь позвонишь родителям и скажешь, что идешь ко мне домой на весь день, вернёшься... Сколько сейчас?

— Два часа.

— Вернёшься к семи.

— Думаю, отпустят. А с твоими что?

— А мои в гостях, раньше девяти вечера не вернутся.

— А если мои позвонят тебе домой?

— Ну... Скажем, что у меня телефон отключили.

— Ладно. Настюху одну оставляю, только бы визг не подняла. А то знаешь, как она это дело любит, да ещё и голос какой громкий! Надеюсь, сейчас она нас не слышит, а то как пить дать наябедничает! А дорогу помнишь?

— Кажется, так — а ты поправляй, если ошибусь: сначала на ту дальнюю остановку за школой. Там одна или две остановки до конечной, потом идем мимо рынка и вдоль путей до станции «Лебяжье». Едем одну остановку на электричке. Там выходим возле... такого коричневого здания.

— Жёлтого, — поправила Вера. — Амбулатории.

— Ну, пусть жёлтого. Снова идем вдоль путей...

— И сворачиваем у каменного забора, — подхватила Вера.

— Угу. Ну, а дальше там разберемся.

— И ещё надо подарок купить.

— Ладно, дел хватает, нечего тут сидеть, звони и пошли одеваться. На улице холод дикий, надо натянуть на себя что-нибудь потеплее.

Прежде всего девочки зашли в магазин и купили Наде подарок. Вера — ежедневник в кожаном переплете и ручку, а Люба — красивый круглый подсвечник. Потом пошли вдоль дороги к остановке.

— По-моему, опять становится холоднее, — зябко поежившись, заметила Вера.

— Угу. Ну, не зря же уроки отменили.

— Да, что бы все дома сидели. Только такие умные, как мы, могли потащиться куда-нибудь в такую погоду, — согласилась Вера.

Тут мимо проехал автобус.

— Ой, Люба, бежим скорей! — завопила девочка, кидаясь вперед.

Подруги понеслись за автобусом. Ну, понеслись — это сильно сказано, так как из-за сугробов можно было только ковылять на повышенной скорости, периодически падая.

— Быстрее! Еще немного! — торопилась Вера, подбегая к остановке. Люба за ней. Автобус остановился. Девочки, все в снегу, мокрые, запыхавшиеся, но очень довольные собой, уже собирались сесть внутрь, как вдруг Люба воскликнула:

— Стой! Это не наш!

— Что? Черт... За каким тогда мы...

— Не знаю, за каким! Это ты всё: «Ой, автобус, бежим быстрее!..» А я за тобой



побежала.

— Могла бы сказать, что номер не тот!

— Я-то думала, что ты сама посмотрела!

— У меня зрение плохое! А у Надя ещё хуже! Только у тебя хорошее, вот и надо было смотреть!

К счастью, в этот момент подъехал нужный автобус, и ссору пришлось прервать.

Проехав до конечной, подруги высадились возле рынка.

— Ну, и что дальше? — поинтересовалась Вера.

— Кажется, нам туда, — махнула рукой Люба. — Пойдем вон по той аллейке, а потом направо.

Вера кивнула. Девчонки пошли по заледенелой дороге. Тут налетел ветер, и Вера впечатляюще грохнулась на землю. Попыталась встать, но ноги опять разъехались в разные стороны.

— Ну, что ты, как корова на льду, — рассмеялась Люба, помогая подруге обрести равновесие. Дошли до железнодорожных путей, стали переходить их, Вера опять поскользнулась и шлепнулась на рельсы. Люба побыстрее перетащила подругу на другую сторону:

— Фу-ты, напугала! Тоже мне, Анна Каренина, блин! А если бы поезд поехал?

— Успокойся, я бы его давно увидела и успела бы отойти! Пошли билеты покупать.

Купив два билета девочки стали бесцельно прохаживаться вдоль станции.

— Скоро День Святого Валентина, — мечтательно протянула Люба.

— Угу. Будешь Вове валентинку посылать?

— Конечно! И он мне, надеюсь, пришлет.

— Я знаю, кто тебе точно пришлет, — хмыкнула Вера.

— Кто?

— Шилин Федя!

— Да ну тебя!

— Кстати, что-то электричка опаздывает!

— Ну да, уже на десять минут.

— Девочки, а вы какую электричку-то ждёте? — поинтересовалась какая-то пожилая дама.

— Ну... Ту, которая до Жданов. То есть до Ждановичей.

Дама сочувственно улыбнулась:

— Девочки, её сегодня отменили.

Вера Люба похолодели... Ещё больше, если это было возможно на таком морозе.

— А... а её сегодня больше не будет? Другой?

— Почему? Будет. Через три часа. Вон расписание висит.

Вера закатила глаза и с нажимом провела руками по лицу, словно собиралась сдирать с него кожу.

— Великолепно! — злилась Люба. — Ну просто блеск! И что теперь делать?

— У нас три варианта: вернуться домой, ждать тут следующую электричку, или идти до Ждановичей пешком.

Люба крайне тщательно проанализировала ситуацию и выдала ответ:

— Мы пойдем пешком!

— С ума сошла! Туда же несколько километров... Это же...

— Ничего, за час-полтора дойдем!

— «За час-полтора»! — передразнила Вера. — И что, придем, уставшие голодные, замерзшие, вручим Наде подарок, дружески пожмем руку и попрёмся назад?

— Да ладно тебе! Всё лучше, чем тут ждать. Ой, собачка! — Люба прямо-таки с нездоровым восхищением ринулась к билетной кассе, возле которой сидела почему-то очень знакомого вида собака (как Вере показалось, просто что бы от неё отвязались с претензиями).

— Ой, это же та же самая, которую я хотела погладить там, на остановке у твоего дома! Помнишь, на каникулах, мы ещё собирались в кино ехать, и залезли в совсем пустой троллейбус, а потом этот придурок водитель нас там чуть не закрыл, но мы убежали, пошли обратно к остановке, а там эта собака. Я её погладить хотела, но наш автобус приехал.

— Точно! А я её ещё раз видела, когда мы в картинную галерею с Кутасом ездили! Тоже на остановке.

— Интересно, как она здесь оказалась? Это же за милю от твоего дома. Да и от той остановки, где ты её во второй раз видела, тоже...

Люба задумчиво подошла к собаке, но та тут же убежала.

— Ладно, пошли. Страна зовет, — потянула Вера за руку Любу. — Пойдем по рельсам, они должны нас к станции вывести.

— Ага, как в мультике про крокодила Гену и Чебурашку: «Если идти по шпалам, то никогда не заблудишься»...

Подруги пошагали по снегу. Первые десять минут прошли неплохо, но потом погода начала портиться, стало холоднее, время от времени начинал падать снег. Налетел ледяной ветер и подруги стали постукивать зубами от холода.

— З-з-знаешь, я нач-чинаю д-д-думать, что нам н-надо было вернуться д-д-домой, а е-ещё лучше, с-с-совсем не в-выходить, т-то есть не надо было т-тащиться н-никуда, — прокляцала Вера.

— С-соглас-с-сна, это была г-г-глупая идея, — ответила Люба, пытаясь заглушить вой ветра.

Теперь друзьям приходилось бороться с ледяными воздушными потоками, мелкие колючие снежинки били в лицо и ухудшали видимость. Подруги то и дело оскальзывались и спотыкались, съезжали по насыпи и цеплялись за голые кусты, качающиеся на ветру.

— А как дома-то хорошо, — мечтательно протянула Вера, когда девчонки остановились под мостом, что бы укрыться от ветра и перевести дух.

— Точно, — согласилась её подруга, разминая онемевшие пальцы. — В следующий раз, когда я предложу подобный идиотский поход, напомни мне про это, — она помахала перед подругой покрывшимися ледяной коркой перчатками.

— Да уж, видели бы меня сейчас мои родичи! — протянула Вера. — Они бы меня точно прибили. Помнишь, они меня даже с Надей в ноябре не отпустили, сказали, что темно будет. А тут — зимой, в метель, дороги толком не знаем...

— Ну, на твой День Рождения отпустили же!

— Это было первого октября, темнело ещё не так рано, и погода была хорошая...

— Ух ты, глянь! — крикнула Люба, махнув рукой в сторону рельс. По ним ехало что-то вроде странного укороченного сзади и уменьшенного паровоза. В большом окне виднелись люди.

— Что это? — очумело спросила Вера, ни к кому в особенности не обращаясь.

— Слушай, а давай попросим их, что бы они нас подвезли? Хотя бы немного, а? — схватила Люба за руку подругу.

Вера сначала хотела спросить, не ударялась ли Люба в последнее время обо что-нибудь головой, но очередной порыв ветра заставил её пересмотреть своё мнение относительно умственных способностей подруги и серьёзно обдумать её предложение.

А та уже выбежала из укрытия и, подпрыгивая и махая руками, издавала какие-то нечленораздельные вопли, способные отбить желание у кого угодно подвозить девицу с подобным вокалом.

Вера присоединилась к ней, крича:

— Эй! Стойте! Пожалуйста, подвезите нас!

Люди на псевдопаровозе в недоумении таращились на двух девчонок, прыгающих, махающих руками так, как будто их блохи заели, и что-то истошно орущих...

— Ну вот, — обреченно вздохнула Люба, переставая махать, когда паровозоподобная штука завернула вместе с рельсами.

— Ничего не попишешь, — развела руками Вера. — Придется идти пешком. Хоть согрелись немножко, пока бегали.

И начался новый раунд борьбы двух девчонок с природой. Снег пошёл крупными хлопьями, ветер сбивал с ног, пальцы окончательно окоченели, ушей подруги больше не чувствовали, ноги скользили по заледенелой земле.

Впереди показался очередной мост, к которому подруги кинулись как к спасению.

Уже добежав до мостика, Люба споткнулась о шпалы и смачно шлепнулась на рельсы.

— С тобой все в порядке? — кинулась к ней Вера. — Не больно?

— Не-а. На мне столько свитеров, что я даже не почувствовала.

— Анна Каренина номер два! — хихикнула Вера. — Под ноги смотреть надо!

— А я смотрела! Я просто такое увидела, что ты себе и представить не можешь!

— Что же?

— Зайца! Рыжего! Такого же, как тот, что мы в лесу видели на каникулах! Ну, в тот день, когда часовню нашли!

Вера, недоверчиво озираясь, вышла из-под моста.

— Нету здесь никого! Наверное, тебе показалось!

— Там просто метель и ничего не видно! — упрямо возразила Люба. — Он там был, я чётко видела! И вообще, сама же говоришь, что у тебя зрение не очень хорошее!

Вера пожала плечами: был так был, что теперь?

— Но уж точно не тот же самый, — добавила она.

— Почему это? Рыжий, точно как тот, которого мы видели...

— Ну, сама посуди, как он мог тут оказаться? И вообще, не слишком ли много старых знакомых — и собака, и заяц... Надеюсь, белых медведей, которых ты три года назад видела в зоопарке, ты здесь ещё не повстречала?

— При чем тут медведи? Хотя если бы они сюда забрели, перепутав с Арктикой, я бы не удивилась... И вообще, не веришь — не надо, но это был тот самый заяц. Я же над тобой не смеялась, когда ты сказала, что зеркало у нас в хранилище золотое, хотя это и казалось глупостью!

Вера промолчала.

Когда они наконец добрались до Жданов, метель кончилась, ветер утих, но стало ещё холоднее.

— Если у меня отвалится пару пальцев и ухо, виновата в этом будешь ты! — прошипела Вера, сворачивая у каменного забора.

— Буду, буду, не переживай, — отмахнулась Люба, внимательно оглядываясь по сторонам. — Давай лучше вспоминай, как нам дальше идти.

— Кажется, она мне говорила, что надо все время идти в сторону во-он той высокой трубы или что это там такое торчит.

— Ага, и мне тоже!

— А ты к ней давно ходила?

— Э-э-э... Да нет, в декабре, кажется.

— Вот ты и вспоминай, куда дальше, потому что я почти ничего не запомнила.

— Ладно, — наморщила нос Люба. — Пошли пока к той трубе.

Минут через двадцать девочки окончательно заблудились.

— Слушай, — устало спросила Люба, — а ты уверена, что нам нужна Урожайная улица? А то вон Огородная...

— Ага, а вон Садовая... И ещё какая-то Помидорная... Да нет, я точно помню, что Урожайная.

Поплутав еще минут десять, жутко устав и под жалобное завывание желудков, подружки с радостными воплями кинулись к дому, на котором было написано «Урожайная, 41».

— Ну всё, осталось совсем немного, — удовлетворённо вздохнула Люба.

Девочки забегали от дома к дому, выискивая номер тринадцать.

Пробежав половину улицы, Люба завопила:

— Вон!!! Вон он, этот дом, посмотри, я точно помню!

Вера подошла к ней и с сомнением посмотрела на двухэтажный коттедж.

— А по-моему нет. Глянь, там, за забором, всё перерыто, здесь какой-то ремонт идет. Но если хочешь, можем пойти посмотреть. Кстати, а какой это номер?

— А его тут нету. Вообще таблички нет. Ну, пошли проверим?

Друзья толкнули калитку.

— Только стучи сама. А то мне неудобно, — предупредила подругу Вера.

Люба кивнула и, осторожно взойдя на крыльцо, постучала. Спустя пару минут она пожалала плечами и спустилась к Вере:

— Похоже, никого нет дома.

— Я же говорила, это не тот дом! Наверное, это те самые соседи, про которых Надя рассказывала, у которых водопровод неисправен.

— Может быть. Но все-таки, давай на всякий случай вокруг дома обойдем. Если там кто-то будет, то хотя бы спросим, где здесь тринадцатый дом.

Вера согласилась. Но не успели они сделать несколько шагов, как Люба споткнулась обо что-то и величественно грохнулась на землю, прокатившись по снегу.

— Уй! — пискнула она, схватившись за ногу.

— Обо что ты так? — удивленно спросила Вера, присаживаясь в сугроб рядом с подругой.

— А, там, в снегу, какая-то штука торчит!

Вера подползла к тому месту и осторожно разгребла перчатками снег.

— А вот и этот самый водопровод. Тут все проржавело.

— Ну так, ясное дело, раз даже у Нади воды не было. Менять будут, — всё ещё морщась от боли буркнула Люба.

— Посто́й, — воскликнула Вера. — До меня только что дошло! Раз это её соседи, то её дом...

— Следующий! — радостно выбегая из чужого двора на улицу закончила Люба, сразу забыв о больной ноге и счастливым взором окидывая табличку на соседнем доме с надписью «Урожайная, 13».

— Ну, всё! Сейчас отдохнем! — облегченно вздохнула Вера, с умилением оглядывая дом Нади.

Но на этом трудности не закончились. К примеру, защелка калитки намертво примерзла и ни за что не хотела поддаваться. Пришлось Любе лезть через забор, а Вере — в дырку под ним.

Подружки подбежали к двери и позвонили. А Вера для надежности ещё и постучала. Ногой. Открывать никто не спешил.

— Если там никого не будет, я тебя убью, — пообещала Вера подруге.

— Если там никого не будет, я сама умру, — тоже пообещала Люба.

К счастью, никому умирать не пришлось, так как в этот момент за дверью раздались шаги и на пороге появился Надин старший брат.

— Здравсьте, а мы к Наде, — не очень уверенно произнесла Вера.

— Надя!!! — завопил парень, повернувшись куда-то в глубину дома.

В дверном проеме показалась Надя. Выглядела она ещё неважно: бледная, с тенями под глазами. Даже веснушек было почти не видно.

Увидев, кто к ней пожаловал, Надя завопила и, отпихнув брата так, что тот треснулся головой о дверной косяк, кинулась обнимать подруг.

— Кому же пришла в голову такая замечательная мысль? — подпрыгивая и чуть не плача от радости спросила уже затащившая подруг в свою комнату и прижимающая подарки к груди Надя.

— Любе, — призналась Вера. — Правда, пока мы сюда добирались, это идея нам такой замечательной не показалась.

— Да? А что, долго шли? И холодно?

— Холод — собачий, а долго — не то слово, — начала Вера и поведала подруге об их путешествии.

— Да, тяжёл и долог был этот путь, — хмыкнула Надя. — Честно говоря, я бы вряд ли решилась на что-то подобное. Ну да ладно. Раз вы так замерзли, сейчас принесу чай и булки с маком. Свежие. А вы пока съешьте по пирожку с капустой.

И Надя вышла из комнаты.

А девочки сидели и молча наслаждались теплом и пирожками с капустой. Настроение было превосходное, к тому же их весьма насмешил Надин распорядок дня, висевший над кроватью:

Режим дня

6.30 - подъем (спихивание себя с кровати); 7.00 - завтрак (поедание того, что не успела съесть вчера); 7.30 - 8.05 - утренняя пробежка до школы (опять на первый урок опоздала!); 8.05 - в школе (придумывание для учителей ответов на вопрос «Где домашняя работа?»); 13.00 - 20.00 - свободное время (беситься можно всегда!); между 13.00 и 20.00 - обед (очередной пожар на кухне); 20.00 - 22.00 - уроки (так, это я делать не буду... это тоже... это завтра спишу у кого-нибудь...); 22.05 - ужин (сколько лет этим консервам?); 22.30 - сон

(доползла до кровати - и то хорошо).

— Так кому ты будешь посылать валентинку? — поинтересовалась Вера. — Неужели одному Вове? А может, Феде тоже пошлешь?

— Щас! Знаю, кому ты пошлешь! Максиму!

— Совсем сдурела! — возмутилась Вера и запустила в Любу обгрызенным пирожком. Люба отклонилась, и пирожок полетел дальше, на дверь. Но тут она открылась, и в ней показалась Надя с подносом в руках, на котором стоял большой заварочный чайник, чашки, сахарница и пакет с булками. Увидев летящий снаряд, она, продемонстрировав чудеса акробатики, резко пригнулась, выставляя на вытянутых руках тяжелую ношу, и пирожок пролетел дальше в дверной проем, где, описав красивую дугу и перелетев через перилла лестницы, достиг цели: судя по возмущенным воплям, головы Надиного брата.

— Так, это еще что такое? — деланно возмутилась Надя, прислушиваясь к ругательствам, хотя её душил смех. — В моем доме кидаются моими пирожками в моего брата?

— Это она, — тут же сдала Люба подругу, ткнув в неё пальцем.

— Только я не в твоего брата кидалась, а вот в неё, — добавила Вера.

Надя аккуратно поставила поднос на стол и повернулась к обвиняемой.

— За такие дела надо уши отрывать! — заявила она и со смехом кинулась на подругу, пытаясь воплотить сказанное в жизнь. Пока девчонки бегали по комнате, Люба, с интересом за ними наблюдавшая, под шумок слопала две булки и выпила потрясающе горячего чая.

Вера попыталась обороняться и стала в отместку дергать Надю за нос, но та тут же возмутилась:

— Эй, нос нельзя трогать!

— Это почему это нос нельзя, а уши можно?!

— Нос один, а уха два, одно из них не жалко!

— Ну вот раз тебе не жалко, себе и отрывай! А вообще предлагаю объявить перемирие, а то Люба весь чай вылакает. И кстати, расскажи-ка лучше, что с твоим животом и что с тобой в столовой приключилось.

— У меня был этот... как его... Сальмонеллез. Ну, болезнь такая. Что-то вроде гастрита. Только когда гастрит — это только желудок воспаляется, а здесь ещё и узкий кишечник.

— Тонкий, — поправила Вера.

— Ну, тонкий кишечник. В общем, дикая боль и всё остальное: рвота и так далее. Естественно, сразу в больницу. Говорят, мне ещё повезло, обычно на несколько недель ложатся. А я даже в школу пойду.

— Ты что?! После гастрита — в школу?!

Надя пожала плечами:

— А что? Чувствую себя превосходно, да и контрольная по физике... Хотя вот из-за контрольной может лучше и не идти...

— Ну так не иди!

— Сделай вид, что у тебя температура! — предложила Вера. — Положи градусник на батарею. Сейчас же топят.

— Только смотри, аккуратней, — предостерегла Люба. — А то я один раз так сделала, а в это время отопление отключили по техническим причинам, но батарея еще не совсем

остыла, и получилось, что у меня температура — тридцать четыре с половиной, почти как у трупа.

Девочки рассмеялись.

— А ты валентинку Паше пошлешь? — поинтересовалась Вера.

— Я?

— Ну не я же!

— Э-э... Нет... Да. Не знаю. Нет. А то еще догадается от кого! И ведь я же не знаю, как его зовут! Ну, по настоящему, в смысле. Пойдемте телик посмотрим. Вам же ещё домой не надо?..

Включили телевизор. Там шел какой-то ужастик: правила оказания первой помощи, как правильно забинтовывать раны, останавливать кровотечение...

А в комнате было так уютно, на улице уже темно и сыплет снег, в комнате — полумрак, свет дает только включенный телевизор, ноги греет обогреватель, руки — кружка с чаем, рядом болтают Вера с Любой... Надя почувствовала себя так хорошо...

— Надя, нам пора. Мы и так задержались, — тихо произнес рядом Верин голос, вырывая Надю из приятного состояния полудремы.

Именинница поднялась с дивана, объяснила на бумажке, как быстрее пройти к станции, ещё раз крепко обняла подруг, так, что все трое стукнулись лбами, проводила их до двери и, вернувшись на второй этаж, подошла к окну. На улице всё так же сыпал мягкий снег. На глаза Наде попались подарки.

Она смотрела в окно на удаляющихся девчонок, которые, отмахиваясь от снежных бабочек, вырывали друг у друга «карту», вертели её в разные стороны и возмущенно тыкали пальцами в противоположные концы улицы, и думала о том, как хорошо, что на свете существуют настоящие друзья.

## Глава 10. День Св. Валентина

А через день, в среду, когда всем снова дали сигнал идти в школу, 7 «А» собрался вокруг Веры и Любы, которые пространственно описывали свои злоключения в Ждановичах.

— ...А началось всё с того, что Любе взбрела в голову идиотская идея... — начала Вера.

— Удивительно! — округлил глаза Шуйский.

— Что удивительно? То, что идея была идиотская?

— Нет, то, что она вообще туда взбрела!

Люба, возмущенно завопив, кинулась за Андреем, который на огромной скорости улепётывал от её праведного гнева. Вера, немного понаблюдав за ними, продолжила рассказ. Когда она закончила, все единодушно признали, что это был подвиг, достойный подражания, после чего с надеждой покосились на Надю, словно надеялись, что она прямо сейчас опять свалится в обморок, и тогда можно будет всем вместе пойти её навестить.

В этот момент раздался радостный вопль: это Люба, которая уже давно перестала гоняться за Андреем и теперь обстреливала его всем, что попадалось под руку, наконец залепила ему в лицо тряпкой для мытья доски.

Вошёл Кутасёнок, 7 «А» расселся на свои места и только тут все увидели, какой разгром учинили Люба с Андреем: два горшка с цветами в разбитом виде валялись на полу; учительский стол был перевернут — Шуйский использовал его как укрытие от Любиных снарядов; по всему полу были разбросаны тряпки и раздавленные куски мела.

— Кто скинул цветы?! — завопил Сергей Владимирович, вцепившись руками в волосы в поисках головы.

— Прохор! — в тон ему по привычке ответил класс.

— Кто раскидал мои вещи??!

— Прохор!!!

— ЧТО ЗДЕСЬ ПРОИЗОШЛО?!!!!!!!!!!!!!

— Прохор! — радостно поставили точку в разговоре ученики.

\* \* \*

— Целых четыре штуки?! — в унисон изумились Вера с Надей, глядя на Любины валентинки.

— Ну да, Вове одна, а остальные тем трём девятиклассникам... — Люба оправила свитер крупной вязки, подошла к коробке с прорезью, в которую складывали валентинки, и запахнула туда свои открытки.

— Привет, девчонки! — поздоровалась Олечка.

— Оля! — радостно воскликнула Вера. — Привет! Валентинки будешь кому-нибудь посылать?

— А то! — Оля поправила чёрные бриджи с пряжкой в форме руки скелета и уселась на батарею возле окна, раскрывая сумку.

— Одна, две, три, четыре, пять... восемь... — потрясенно считала Надя. — Десять, одиннадцать! Ну, даёшь!

— Очень любвеобильная! Прямо как Люба! Даже больше!



Оля довольно улыбнулась и стала пропихивать открытки сквозь дырку в коробке.

— Кстати, а вы знаете, что Кочан и Шуйский ради прикола решили послать Кутасу 200 валентинок? всю предыдущую неделю из «Азбуки» вырезали! Ну ладно, покедова!

— Так, сейчас русский, а я книгу не брала, — проинформировала Вера подруг. — Вы мне не дадите? Вы же на этом уроке вместе сидите?

— У нас одна книга на парту. Попроси у Шуйского!

— А он даст? — с сомнением произнесла Вера.

— А смотря как попросишь! — улыбнулась Люба.

— Да, кстати, что рассказать хотела! — спохватилась Надя.

— Ну?

— Былина на пару с Мороз ищет класс, чтобы к последнему дню четверти поставить в актовом зале на сцене «Ромео и Джульетту» Шекспира.

— Зачем?

— А кто их знает. По плану идёт. Бедный класс, как я ему не завидую... Ну, в общем, они ищут, но все, ясное дело, отнекиваются как могут: кому ж охота...

В классе как всегда было шумно. К Любе подошёл Шилин:

— Люб, если Кутасёнок на уроке типа попробует забрать у тебя мобильник, то ты ему дай!

— Зачем это?

— Типа надо! — очень гордо провозгласил Федя. — Есть у меня одна идеяка.

Люба пожала плечами, но согласилась.

А Вера подошла к Шуйскому Андрею:

— Андрюш, одолжи мне книжку по русскому!

— Не-а!

— Ну пожалуйста!

— Ну... Купишь мне ящик пива, тогда одолжу!

— Хочешь, я тебе конфетку дам?

— А, ну, тоже сойдет! — Андрей, вполне довольный заключённой сделкой, засунул конфету в рот. — Кстати, а чего ты именно у меня книгу попросила, а? — невнятно поинтересовался он. — Влюбилась?

— Ты перегрелся! — безапелляционно заявила девушка. — Хотя нет, учитывая погоду за окном, скорее переохладился... — Почему она подошла к Шуйскому? Люба посоветовала, вот и подошла...

— Да? Ой не ври мне! Я тебя насквозь вижу!

— И что же ты там увидел? — подозрительно спросила Вера.

— А, ничего особенного. Сердце, лёгкие, желудок, кишки там всякие...

Срустя пять минут после звонка в кабинет вошёл Кутас. Урок начался. И сразу то из одного портфеля, то из другого начали трезвонить мобильники.

— Выключите телефоны! — надрывался Сергей Владимирович. — Шуйский, а ну быстро отдай мне сотовый! Получишь после урока!

Кутас думал, что парень будет сопротивляться, но тот на удивление легко согласился расстаться с телефоном...

— О, и мой тогда возьмите! — воскликнула Аня.

— И мой!

— И мой!

— Мой тоже!

Кутасенок прошел по классу, собирая мобильники с очень удивленным видом. Скоро они уже перестали помещаться у него в руках. Пошатываясь и стараясь ничего не уронить, Сергей Владимирович подошёл к своему столу, распахнул телефоны по шufflingкам, и собрался объяснять тему. Но не успел он открыть рот, как из ящика стола понеслась мелодия похоронного марша. Кутас кинулся к своему рабочему месту, но к тому времени, как он, по очереди открывая шufflingки и роясь среди телефонов, схватил трезвонящий сотовый, музыка прекратилась. Классный руководитель с досадой швырнул телефон обратно и встал. Тут же зазвонил другой мобильный...

Спустя пятнадцать минут Кутасёнок, обложенный мобильниками и взмыленный, как после трёхкилометровой пробежки, уже сидел на полу, под оглушительный хохот своих учеников. Телефоны безостановочно трещали, Кутас хватал то один, то другой, но тут он поднял глаза и увидел... Увидел Федю, который под партой поочередно набирал номера. Кутас с воинственным криком подскочил к Федору и вырвал телефон у него из рук.

— Шилин! Ты! Ты! Ты!

— Ну, я, я, я, — пожал плечами Федя.

— Ты! Кто ещё не сдал телефон?!

Все промолчали.

Кутас успел произнести целых тридцать четыре слова, как сотовые снова зазвонили. Один. Другой. Третий...

— Кто?! — дико завопил Кутас. — КТО?!!!

7 «А» дружно поднял пустые руки вверх. Мы, мол, здесь не при чём...

На перемене три подруги подошли к Шилину:

— Федь, как ты это сделал?

— А, сговорился почти со всеми в классе, чтоб будильники с интервалом в одну минуту поставили... Я просто, типа, понимаешь, домашку не сделал...

\* \* \*

— Исрафилова и Лакизо! Почему опять опаздали? И немедленно выкиньте жвачки в мусорку! А то на плечи налеплю! Радько! Почему глаза покрасила? Красить надо мозги, а не лицо! — Барисова Тамара Ивановна сурово уставилась на девочку своими пороссячьими глазками.

— Когда стану патологоанатомом, тогда буду раскрашивать. Мозги. Кисточкой и гуашью, — пробормотала Люба так, чтобы историчка не слышала. А та продолжала разливаться соловьем:

— Шуйский, сядь, как подобает ученику! Прохор, дневник на стол! Скуратова! К доске!

— С Днём Святого Валентина вас! — радостно сказал Кочан.

— Ты будешь следующим! — пригрозила Барисова.

— Ну вот, — расстроился Игнат. — Хочешь сделать человеку приятное, а этого никто не ценит, — он картинно махнул рукой, как бы посылая всех куда подальше, и уселся в классическую позу философа, углубившись в учебник по всемирной истории.

— Сейчас вообще вон пойдешь! — обиделась Тамара Ивановна.

В дверь постучали.

— Кто мешает проводить урок?!!! — возмутилась учительница.

Из-за двери показался Шилин Федя.

— С Днём Святого Валентина! — сияя улыбкой провозгласил он.

— Ты почему на урок опаздываешь?!?! И ещё: я тебе уже сто раз говорила, что пользоваться корректором нельзя! Все тетради им извазюканы! Ладно, садись.

— Федя прямо камикадзе какой-то — на урок к Барисовой опаздывать! — прошептала Надя.

Вера согласно кивнула:

— Да у него это на лбу написано, что он камикадзе! Корректором!

У каждого учителя скопилась целая коллекция отобранных у Феди карандашей-замазок, но Федя исправно приносил новые. Корректоры из учительских столов можно оптом в канцтовары продавать! — шутил директор. А в учительской Федя назывался не иначе, как Властелин корректора.

В дверь снова постучали.

— Ну, кто там ещё?!?! — заорала Барисова.

Дверь приоткрылась и из-за неё показалась голова старшеклассницы:

— С Днём Святого Валентина! — улыбнулась она, хотя улыбка получилась улыбкой смертицы, которая только теперь поняла, на что она согласилась. — А мы тут валентинки раздаем... — девушка продемонстрировала полные руки открыток.

— ВОН!!! Все вон отсюда! — взорвалась учительница. — Маленькие они ещё с этим днём Валентина! Об учёбе думать надо, а не о любовях всяких!

«Ну конечно, — возмущенно подумала Люба, первый раз влюбившаяся в четыре года, — влюбляться надо на пенсии, самый подходящий возраст! А еще лучше — в гробу!»

У старшеклассницы от громового рыка Барисовой затряслись руки, и несколько валентинок упали на пол. Они все были разных цветов: красные, розовые, бардовые, изредка попадались зелёные, жёлтые... Но одна из них, светло-коричневая, с голубовато-серыми разводами, внезапно привлекла внимание Нади. Скорее всего тем, что не отвечала стандартам средней валентинки, хотя ничего особо примечательного в ней не было. Но тем не менее взгляд, вскользь брошенный на открытки, сразу зацепился именно за неё. Надю как будто кольнуло что-то изнутри, заставив присмотреться к ней получше. К несчастью, у девочки было плохое зрение, и, чтобы как следует рассмотреть открытку, Надя стала перегибаться через парту...

— Эй! — шикнула ей в ухо Вера. — А ну давай назад! Совсем того, что ли? Мозги дома на просушку оставила? — девочка втащила подругу на место. — Да что с тобой? Ты, Надюха-сеструха, видать, сегодня не выспалась!

«Надюха-сеструха» очумело потрясла головой, отгоняя наваждение. Никакой старшеклассницы уже не было, она сразу собрала валентинки и вылетела из класса со скоростью пули, выпущенной из автомата Калашникова: рык Барисовой гарантировал ей заикание в ближайшие полчаса как минимум. Как в банке. Надя ещё раз помотала головой, пытаясь восстановить в хронологической последовательности то, что с ней произошло. Барисова наорала на старшеклассницу. Та выронила валентинки. Потом тут же их подняла и скрылась за дверью. Нет, что-то не сходится. Ведь Надя сначала увидела открытку, потом долго её разглядывала, потом стала вылезать из-за парты... Это всё минуты три заняло, не меньше! И всё это время валентинки лежали не полу! Значит, девушка подняла их не сразу... Или сразу? Что же тогда, получается, что Надя на пустой пол всё это время пялилась, и ничего вокруг себя не замечала? Наверное, так и было. Барисова уже давно забыла про

дежурную старшеклассницу и в данный момент доказывала Кочану, что ложиться спать надо в восемь часов.

«Наверное, я просто запомнила, как выглядит эта открытка, и всё время представляла себе её в своём сознании. Замечталась. А когда очнулась, всё встало на свои места. С Верой такое часто случается: идет себе, думает о чем-то своем, и ничего вокруг себя не видит, всё ей по барабану. Хоть кирпич ей на голову урони — не заметит», — решила Надя. Решила и успокоилась.

\* \* \*

— Ой, блин! Блин, блин, блин! Кто-нибудь из вас читал про эту Евфросинию Полоцкую по белорусской литературе? — простонала Вера, готовясь к уроку у Гарпии.

— Да не волнуйся ты так, — утешила подругу Надя. — Гарпия сначала сама про неё расскажет, а уже потом спрашивать будет. Там ничего сложного.

— И всё-таки, по что там? А то если она меня вдруг вызовет, мне будет просто грандиозный архикирдык в квадрате.

— Да так... В общем, эта Евфросиния была очень умной и красивой, впрочем, в первом я сомневаюсь, так как она вопреки родительской воле не пошла замуж, а стала монашкой. Там, в монастыре, она книги какие-то переписывала, чего-то там строила, а в конце жизни отправилась в Иерусалим. Там на радостях расцеловала всё, до чего дотянулась, а потом вдруг заявила, что ей все и всё надоело и надоело и умерла. Это вкратце.

— Ладно уж, и на том спасибо, — хмыкнула Вера.

Вошла Гарпик Ирина Николаевна. С мрачно-торжественным видом она объявила, что сейчас ещё раз повторит весь материал о Евфросинии Полоцкой, а потом учинит допрос и горе тому, кто ответит неправильно!

Через пару минут в класс просочились Оля с Аней и, хором оповестив, что были в кафе, поспешили на свои места. Гарпик Ирина Николаевна поморщилась, но продолжила.

Вера понимала, что надо бы послушать, так как Надин рассказ полностью вылетел из головы. Но мысли путались, её нещадно клонило в сон. Лампы под потолком усыпляющее гудели. Вроде Евфросиния была монашкой... И кого-то там целовала... И что вроде она было несчастной... Вере стало её жалко. А потом подумала, что надо этой Евфросинии съездить куда-нибудь отдохнуть. В Париж там...

После бесплодных попыток понять, о чём толкует Гарпия, и связать это как-то с Надиными словами, извилины Веры завязались тройным морским узлом, поэтому нет ничего удивительного в том, что когда Гарпия спросила явно засыпающую ученицу, куда к концу жизни отправилась Евфросиния, Вера сонно ответила:

— В Диснейленд!

7 «А» заржал. После столь нудной лекции Верина фраза пришлась как нельзя кстати. Гарпия поджала губы, всем своим видом давая понять, что ничего более умного от ученицы, которая на ее уроках думает не чаще трёх раз в год, она и не ожидала.

В дверь постучали, и на пороге показалась та же дежурная, что заходила в кабинет к Барисовой.

— С-с Д-днем Свят-того В-валентина вас! — испуганно сказал девушка, ещё явно не оправившись после первой попытки вручить 7 «А» их открытки.

— Проходи, — сухо бросила Ирина Николаевна.

Девушка облегчённо вздохнула.

Класс загалдел. Все девчонки с интересом оглядывались на дежурную и нетерпеливо крутились на стульях.

Любе пришло двадцать четыре валентинки от Феди. Правда, девушка столь высокого проявления внимания не оценила, так как открытки были сделаны из туалетной бумаги. И ещё одна, правда, маленькая, пришла от Вовы, так что Люба была на седьмом небе.

Наде пришло пять штук от Прохора, одна из них — около полуметра в диаметре.

У Веры поклонников не было, так что валентинок ей никто не присылал. Впрочем, она не сильно расстроилась, хотя в душе слегка позавидовала Любе, которая ловила легкие туалетнобумажные валентинки, разлетающиеся во все стороны, и запихивала их в сумку, и Наде, которая размышляла, куда ей теперь девать подаренное Прохором сердце и не проще ли будет для удобства сложить его в восемь раз и засунуть в мусорку?

Надя понимала, что это глупо, но тем не менее уже нарисовала себе в воображении, как ей приносят валентинку и букет жёлтых, под цвет галстука, роз от Паши...

Федя возмущенно доказывал, что кто-то спёр одну из его валентинок, так как он посылал Любе двадцать пять, целый час их в почтовую коробку просовывал!..

Дежурная старшеклассница уже собиралась идти к двери, как вдруг остановилась и со вздохом «О, еще три!», спросила:

— Матвеевская Вера, Радько Любовь и Чикунова Надежда есть? Вот, возьмите.

Девочки с интересом подошли к пустой парте, на которую старшеклассница кинула три квадратные, светло-коричневые открытки. В углу каждой из них чёрными чернилами красивыми буквами было написано имя одной из девочек.

Подруги протянули руки к странным валентинкам, и с этого момента окружающий мир перестал для них существовать.

Вера как замороженная взяла свою открытку и сразу же ощутила странное покалывание в пальцах. Открытка была вроде и не бумажная, а как бы из очень твёрдого тонкого картона. Коричневую поверхность покрывали желтые и белые разводы. Вера осторожно провела кончиками пальцев по своему имени, написанному чёрными чернилами, по странным линиям, образующим что-то вроде рисунка. Покалывание усилилось. Вера всмотрелась в лимонные изгибы рисунка, и ей на секунду показалось, будто в светло-жёлтых разводах поблескивают сотни искорок, миниатюрных молний. Покалывание в пальцах ещё усилилось, и Вере даже захотелось отдернуть руку, но она сдержалась. Иллюзия тотчас пропала.

Вера помотала головой и медленно открыла валентинку. Внутри она выглядела точно так же, как и снаружи, за исключением того, что вместо её имени среди желтых разводов такими же чёрными чернилами было выведено слово «tempus». Что оно значит, Вера не знала. Но была уверена, что это не признание в любви неведомого поклонника. В этот миг руку кольнуло особенно сильно. Открытка полетела на пол. Вера очнулась и огляделась по сторонам. КиШ насыпали в Машкину густейшую, не поддающуюся расческе шевелюру каких-то опилок, и Вера поёжилась при мысли о том, что будет, когда Машка это заметит. Федя с увлечением замазывал парту корректором, Оля и Аня пересчитывали полученные валентинки.

Вера оглянулась на подруг. Люба и Надя неподвижно стояли, глядя на свои открытки с отчуждённым выражением лица. Девочка положила руки подругам на плечи. Девчонки вздрогнули и очнулись. Люба ойкнула и тоже выронила свою открытку.

— В чем дело? — тихо спросила Вера.

— Мои... руки, — удивленно пробормотала Люба, глядя на пальцы. Они покраснели и выглядели обожжёнными.

Надя осторожно положила свою открытку на стол и в полнейшем недоумении уставилась на свои руки.

— Девчонки, это что ж такое, а?

Её пальцы были покрыты тонкой корочкой льда, которая растаяла почти сразу после того, как Надя положила открытку на стол.

Вера подняла свою валентинку с пола и положила рядом с открытками подруг. Надина была с серовато-голубыми разводами, Любина — с красно-оранжевыми.

— Красиво, правда? — прошептала Люба, проводя пальцем по своей открытке.

— Ты что-то почувствовала? — спросила Вера.

— Ага. Я её когда в руки взяла, она оказалась теплой. И чем дольше я её держала, тем горячее она становилась. А когда долго в эти узоры смотришь, то там... там... как будто огонь пляшет... — неуверенно высказала свои впечатления Люба.

— А у меня наоборот... Она холодная-холодная была, у меня даже пальцы инеем покрылись. А там, в этих разводах... — Надя в восхищении глянула на подруг. — Так красиво! Снежная буря! Снежинки летят! Интересно, кто это прислал?

— Тупой вопрос, — отметила Люба. — Одно ясно — такие ни в одном магазине не купишь. И как это так получается? Чтоб горячо было? Или холодно? Обогреватель с холодильником они что ли туда засунули?

— Всё может быть. Микрообогреватель...

— А у меня что засунули? — поинтересовалась Вера, поделившись своими ощущениями. — Ток пропустили? А что это за слово там внутри написано? «Темпус» какой-то... Вам это что-нибудь говорит?

— Не больше, чем китайский иероглиф, который писал ногой контуженый индус, — заявила Люба.

— Почему китайский? — удивилась Надя.

— Потому что японские я уже почти все выучила, — с нежностью произнесла Люба.

— А почему индус?

— Ну, я не знаю. Выражение такое. Отстань!

— Слушайте, девочки, по-моему, это уже чересчур! — заявила Вера. — Все эти странности, зеркало с зайцами, а теперь ещё и это...

— Только не говори мне, что считаешь эти валентинки... или как их ещё назвать... волшебными, — поморщилась Надя. — Может, и вправду микрохолодильник внутри и рисунок с голограммой...

— А ты не задумывалась, почему их прислали именно нам троим, а? — поинтересовалась Люба.

— Задумывалась!

— Ну и?

— У меня такое ощущение, что над нами кто-то издевается, — призналась Надежда.

— Ну-ну. Вставлять обогреватель в открытку... Деньги тратить... Писать какую-то ерунду... Да кому это надо?

— Кстати, писать ерунду... У кого можно спросить, что это слово значит? Кто у нас хорошо языки знает? — спросила Вера.

— Как кто? Юра, конечно! — воскликнула Люба, схватила со стола валентинку и

кинулась к школьному лингвисту, но Вера с Надей одновременно схватили её за рукава.

— Стой ты! С ума сошла! Зачем ему открытку-то показывать?

— А... Ну да. Ладно, — не долго думая (долго думать — это вообще не для Любы) девочка схватила ручку и переписала слово на ладонь.

Юра с блаженным выражением на лице ел яблоко, одновременно решая задачку по физике.

— Юрик, а Юрик! Не сможешь, а? — спросила Люба.

— Давай! Чего надо-то? — добродушно откликнулся Юрась. — Мне помочь не трудно.

— За что я тебя и люблю, — умилилась Люба. — Вот, гляди, это что за слово? — она протянула парню ладонь.

— Это... м-м-м... Дай подумать... Ага! Это латинское слово, переводится «время».

— Время? Ладно... — слегка озадаченно сказала девочка. — Спасибо!

— Время? Какое время? — удивлённо спросила Вера. — И при чем здесь время? Это что, намек на то, что мне пора сменить батарейку в часах? — она повернулась к Наде. — Ну что? Это, по-твоему, тоже часть розыгрыша?

Надя лишь хладнокровно пожала плечами:

— Такой возможности исключать нельзя! Я в волшебство не верю. НЕ ВЕРЮ! И всё.

— Я тоже не верю. Но очень хочется верить, — печально сказала Вера.

Прозвенел звонок.

— Знаете что, — неожиданно сказала Люба, — надо узнать побольше про то зеркало у Нинки. Откуда оно взялось, зачем его вообще к нам принесли... И желательно сегодня же сравнить его и тот отпечаток. Кстати, можно?.. — она протянула руку к Вериной открытке и немного подержала её на ладони. — Странно. А я ничего не чувствую. Никакого покалывания, вообще ничего.

Вера схватила Надину валентинку.

— Я тоже! Ну что, по-твоему, они туда не просто холодильник засунули, но и такой холодильник, который только на одного человека реагирует? По отпечаткам пальцев?

— Ну, я не знаю, — совсем растерялась Надя. — Это же было просто предположение, чего ты цепляешься?

— Девочки, я конечно понимаю, что приятно получить открытку в День Святого Валентина, но не стоит задерживаться в классе, ведь их можно рассмотреть и в коридоре, не правда ли? — раздался сзади голос Гарпии.

Девчонки подпрыгнули от неожиданности.

— Да, да, мы уже идем, Ирина Николаевна... — пробормотала испуганная Надя.

— И открытки с собой заберите, нечего у меня в классе склад макулатуры устраивать, — добавила учительница, пододвинув рукой Верину валентинку. Едва она дотронулась до открытки, как тут же отдернула руку.

— Ох, зима, всё наэлектризовано... — пробормотала она, потирая руку, и добавила в ответ на недоуменные взгляды подружек: — Меня ваша открытка током ударила.

— Ну я уже совсем ничего не понимаю! — честно воскликнула Надя, выйдя из класса. — То она, открытка в смысле, бьется током, то не бьется... Ерунда какая-то.

— Вот видишь! — торжествовала Вера. — В шутку нам это никто не мог прислать!

— Да ладно, ладно, понимаю, что глупость сморозила. Слушайте, а может, эта штука через раз бьет? Смотрите, дежурная брала — все было нормально, взяла Вера — её ударило, взяла Люба — ей ничего, взяла Гарпик — её шархнуло...

Вера вытащила открытку. И снова пальцы ощутили ободряющее покалывание.

— Ну вот! Я же сейчас чувствую! Как и в прошлый раз было, и совсем это не удар током, а так... Покалывание, даже приятно...

— Ну, значит, она действительно только на тебя реагирует, а Гарпию просто током ударило...

— Бумажка? Током? Насколько я знаю, током бьют металлические предметы, ну еще шерстяные и синтетические вещи... — возразила Люба.

— Но она же сама сказала...

— Ну и что? Она — учитель белорусского языка и литературы! Вот если бы тебе это Мороз сказала...

— Ладно, проехали. Если так, то я не знаю, что и думать.

— А ты не думай. Тебе вредно. Пошли лучше к Нинке. Прямо сейчас.

— Сейчас... — расстроилась Надя. Ей было лень.

— Сейчас! И кончай тут из себя несчастную беженку-сиротку корчить! Руки в ноги и пошли! — распорядилась Люба.

— Хватит командовать! Я не...

— Боже мой, вы заткнетесь когда-нибудь или нет? Сил больше нету вас слушать! Неужели трудно перестать спорить для разнообразия? Ладно. Если хотим успеть до конца перемены, то надо и вправду брать ноги в руки!

Друзья зашли в библиотеку. Надя с Любой продолжали переругиваться.

— Здравствуйте, Нина Николаевна! Можно с вами поговорить? — поздоровалась Вера.

— Да, конечно, девочки заходите! — улыбнулась Нинка, приглашающе махнув рукой с длинными, с рисунком из осенних листьев ногтями.

— Я... Мы хотели спросить про то зеркало в хранилище. Как оно там оказалось? И зачем?

— Да ничего особенного. Зеркало вроде бы очень старое, довольно ценное. Директор хотел его у себя в кабинете поставить. Привёз откуда-то, а потом выяснилось, что в его кабинете нужен срочный ремонт — батареи прорвало, что ли. Ни с того ни с сего. Ну, не везти же зеркало назад! Поставили в хранилище, чтоб не мешалось. Только знаете что? Оно пропало.

— КАК пропало?! — хором воскликнула девчонки.

— А вот так, — сокрушенно покачала головой Нинка. — Сегодня утром захожу в хранилище, а его нету. Причем ключ есть только у меня, замок не взламывали, а окон в хранилище нету.

Девочки, потрясённые, вышли из библиотеки. Прозвенел звонок на биологию, но этот незначительный факт остался без внимания.

— Значит, зеркало пропало. И, кажется, я знаю, где оно сейчас, — сказала Вера.



## Глава 11. 23 февраля — очень каверзный праздник

— У меня возле дома вечно собака какая-то крутится, — сообщила Надя подругам.

— Ага... А я тройку по контрольной по физике получила, — печально сказала Люба.

— А я пятёрку, — задумчиво добавила Вера.

— Ну и я пятёрку... Только я про собаку говорю!

— Ну, и что с этой собакой? Топчет твои помидоры? — поинтересовалась Люба.

— Во-первых, у меня в саду не растут помидоры, а во-вторых, какие вообще сейчас помидоры, если февраль на дворе?!

— Откуда я знаю какие? Я вообще среди помидоров различаю только нарезанные дольками и целые.

— Слушай, народ, что мне сделать, что бы вы не ссорились? Любе на лбу написать, а Наде — на галстучке Паши?

— Почему это?! — обиделись подруги.

— Потому что! Люба чаще всего смотрит в зеркало, а Надя на Пашу. Кстати, кто будет ставить «Ромео и Джульетту», не нашли ещё?

— Не-а. Мороз с Былиной уже с ног сбились, на кого не свалят — все тут же заболевают, едут в санатории, ломают ноги, руки, объявляют о трауре из-за смерти троюродного племянника сестры подруги тётушки своей матери...

Спустя неделю после пропажи зеркала друга, убедившись, что никто его не нашёл, отправились в часовню, так как Вера предположила, что зеркало окажется там. И не думавший таять снег (у него с мыслительными процессами вообще плохо) весело похрустывал под ногами. Люба не очень любила снег, ей больше нравилась весна, пора любви и солнца, а Надя, напротив, прекрасно чувствовала себя как среди белого спокойного простора, где так и тянет произнести какую-нибудь длинную философскую фразу (Надя такие любила), так и в метель, когда озорные колючие снежинки весело кружатся в танце.

По природе своей Надя была реалисткой, но окружающий мир был далеко не идеален, так что Надя из реалистки с возрастом перетекла в пессимистку. Лето горячее, осень грязная, весна мокрая, зима холодная. Физика страшная, биология скучная, русский бестолковый, а физра — вообще отстой. Такой идеалистке нужно или всё, или ничего. Если есть хоть пару недостатков — значит, плохое. Если любовь — то красивая, как книжный роман, с интересным и необычным знакомством, цветами, июньскими ночами при луне с соловьиным оркестром и т. д. Нету этого всего — забирайте свою любовь обратно, уценённая не нужна. Но в снеге недостатков она не находила. А когда Люба ей сказала, что снег может быть грязным и мокрым, Надя заявила, что мокрый — это уже не снег, а вода. А про воду она ничего не говорила. Вода, она и вправду бывает мокрой и противной, и ещё в ней утонуть можно, а плавать Надя не умеет, боится...

Вера тоже была идеалисткой, но куда более оптимистично настроенной. Вера — человек мечтательный, но целеустремленный. Если ей что-то надо — прёт, как танк. Но случалось это довольно редко: в основном она предпочитала витать в фантастических и исторических книгах, мечтая пережить хоть сотую часть описанных там приключений, веря и надеясь...

Люба также была оптимисткой, но ярче выраженной. Ни одна мысль в её голове не

задерживалась надолго. Всё вокруг играет в красках жизни, нёсет куда-то... Что-то не получилось — ну и чёрт с ним, в следующий раз получится! Энергии — море, вот Люба и суёт её куда только можно, пытается сделать сразу всё... Правда, до конца редко доводит, так как энергии хоть и много, а всё же не бесконечное количество, да и вообще, зачем доделывать это, когда можно начать вон то?!

Девочки прокладывали себе дорогу в снегу. Все молчали, погруженные в свои мысли. Вера ужасно волновалась. Появится там зеркало или нет? А вдруг это вообще не оно там стояло? Они ведь так и не проверили, совпадает зеркало с отпечатком, или нет. Девочка оглянулась на подруг. Надя с задумчивым видом посасывала сосульку. Люба на ходу пыталась отодрать от перчаток ледяную корку. Да уж, они явно не очень сильно волнуются. Хотя... Ну, Надья так точно относится ко всей этой затее со здоровым пофигизмом, а вот Любе, ей интересно, но сейчас важнее перчаток для неё ничего нет.

Вот уже показался проход между деревьями, за которыми скрывается часовня. Сердце забилось быстрее. Вера сняла перчатку и засунула руку в карман, дотрагиваясь до лежащей там валентинки. Вера теперь всё время носила её с собой — сама не знала зачем. Кусочек картона успокаивал, ободрял, подсказывал. Порой девочке казалось, что это плод её воображения, а один раз, когда лежащая в кармане открытка больно кольнула её в бедро, благодаря чему девочка обернулась и успела увернуться от посланных в неё Кочаном и Шуйским снежков, всерьёз задумалась, когда ей отправляться в психушку: сразу после школы или всё-таки лучше сначала пообедать?

Вот и сейчас, откликнувшись на прикосновение, валентинка послала своей хозяйке ободряющий импульс. Вера ощутила приятное покалывание. Она была уверена, что подруги тоже носят открытки с собой: Люба сама как-то обронила, что на контрольных валентинка начинает жечься, едва поблизости оказывается учитель — свойство чрезвычайно полезное, особенно для среднего труженика карандаша и тетради.

Часовня с поломанным крестом наконец соизволила показаться из-за деревьев.

— Наконец-то! — обрадовалась Люба. — Ну что, момент истины? Ставлю свою тройку по физике, что зеркало всё-таки там будет!

Проваливаясь по колено в снегу, девчонки доползли до прогнивших ступеней и, отдуваясь, едва ли не ползком по очереди забрались в часовню.

Вера выпрямилась и огляделась. Обломки скамейки, складной стул из Любиного дома, раскрытая книга на подставке... И...

Вера почувствовала, как её переполняют радость, волнение, торжество! Оно было здесь! Там, где раньше был отпечаток, стояло зеркало. В золотой раме с причудливыми изгибами рисунка и матовым отражением трёх девушек, очумело хлопавших глазами.

— Оно здесь! — громко, чётко и очень весомо произнесла Вера, как будто разговаривала не с подругами, а с умственно отсталыми, скверно владеющими русским языком татарками. — Ну, Надя, ты у нас мастер по объяснению необъяснимых вещей, давай выдвигай нам свою точку зрения.

— Я боюсь, — охотно высказалась Надя.

— Чего? — искренне удивилась Люба.

— Не знаю. Его, — Надя ткнула пальцем в зеркало.

— Глупости, — заявила Вера. — Теперь мы точно знаем, что его сюда никто не перевозил и не прятал. Видите, на полу следов нет! Значит, оно как-то оказалось здесь само! — в её голосе слышалось неприкрытое торжество. «Я знала! — пронеслось у неё в

голове. — Я верила!»

Надя в глубокой задумчивости подошла к книге, закрыла её и осторожно провела рукой по кожаной обложке и заглавию с остатками позолоты. Её пальцы царапнули замки, и девочка поспешно отдернула руку. С подушечки пальца на книгу капнула капелька крови.

— Ой!

— В чем дело? — поспешила к подруге Вера.

— Да ничего, порезалась... — Надя глядела на казавшуюся чёрной на фоне коричневой кожаной обложки каплю крови. С полминуты она поблёскивала в скудном свете, проникавшем сквозь небольшое окно, а потом... без следа втянулась в книгу.

Минута молчания.

— Ла-адно, теперь еще и книга-вампир! Мне это начинает нравиться! — заявила Люба.

— Пашечкин, Пашечкин... — пропела Надя. Видимо она испугалась, что если и дальше будет размышлять над всякими паранормальными явлениями, то в ближайшие два часа у неё по носу начнут маршировать фиолетовые хомячки, а еще через час её упекут в дурдом. Так что, для снятия напряжения, решила подумать о чём-нибудь родном и приятном, например — о Паше.

Люба открыла рот, но Вера воскликнула:

— Люба, предупреждаю, если сейчас ещё и ты начнешь петь «Вовочкин, Вовочкин», я выброшусь в окно!

Люба пожала плечами:

— Да выбрасывайся сколько тебе нравится, здесь не высоко, только не думай, что я буду тебя выкапывать из сугроба!

Вера подошла к окну, оценивающе глянула вниз и, сочтя ситуацию неблагоприятной для самоубийства, со вздохом подошла к Любе, которая стояла возле зеркала. Надя тоже подошла к ним и, смешно наморщив нос, взгляделась в свое отражение, жалобно пробормотав:

— Интересно всё-таки, почему...

Девочка не договорила. Вера, которая до этого стояла, облокотившись на Любу, выпрямилась. У Любы отвисла челюсть.

Им на секунду показалось... Что по поверхности зеркала пробежала туманная волна. И они, их отражения, на секунду стали другими. Это были они и уже не они. Вроде бы лица остались теми же, но что-то изменилось. Непокоримая уверенность отразилась в них. В центре стояла Вера. Длинные волосы развивались на ветру. В широко открытых тёмных глазах плясали искры. Вместо зимнего пальто — светло-жёлтое обтягивающее одеяние, на голове — тонкий золотой обруч с выступом как у шлема, защищавшим центральную часть лба и переносицу, только в виде молнии с мерцающими алмазами.

Слева от девушки в отражении — Люба, не похожая на себя, в каких-то ярких воздушных красных и оранжевых одеждах. В зеленоватых глазах — манящее тепло, блестящие темные волосы колышутся в порывах ветра. Маленькая золотая диадема переливается бегающими по расположенному в центре красному камню искорками.

А вот Надя... была совершенно неузнаваемой. Нет обычной пугливости и настороженности в голубых глазах — только одно железобетонное спокойствие и пуленепробиваемая уверенность. Вместо обычного хвостика густые светлые волосы с царственным величием лежат на плечах. Её единственную ветер не тронул. Голубовато-белая одежда, отороченная мехом, на голове — сеточка с каплеобразными жемчужинами по

краям и вкраплениями из мелких голубых и полупрозрачных камней на пересечениях золотистых нитей, спускавшаяся почти на плечи.

Ещё одна волнообразная вспышка, рябью пробежавшая по зеркалу, и всё исчезло. В мутноватой поверхности зеркала вновь появились Вера, Надя и Люба, в куртках и шарфах.

— Народ, можно вас спросить? — поинтересовалась Вера. — У меня были глюки?

— Были, — согласилась Люба. — И у меня они тоже были. И у Нади, судя по тому, что она явно вознамерилась покинуть сие помещение.

Надя и в самом деле надевала шапку и шла к двери:

— Ну всё, хватит с меня, я иду домой! Надо будет наступать в свои следы, что бы ноги ещё раз не мочить. Да отцепитесь вы от этого идиотского зеркала!

Подруги тоже почувствовали, что на сегодня достаточно, и стали собираться.

Надя первая вышла на улицу и остановилась на лестнице. Остальные пропихнулись следом.

— Эй! — возмутилась Люба.

— Никто не помнит, мы когда сюда шли, точно не по воздуху последние три метра пролетели? — осведомилась Надя.

— Точно. Последние три метра я разгребала снег своими сапогами, — заявила Вера.

Пропаханные в снегу ногами борозды шли из-за деревьев, но в радиусе трёх метров вокруг часовни они обрывались, замётённые снегом.

— Вон, гляньте! — Вера ткнула пальцем в довольно четкую половину чьего-то следа. Вторая половина исчезла.

Надя с отсутствующим видом спустилась с лестницы и принялась заново прокладывать себе дорогу в этой нелёгкой жизни, твёрдо решив не обращать ни на что внимания. Девчонки, то и дело оглядываясь, поспешили за ней.

Возле деревьев они оглянулись. Следы вокруг часовни постепенно исчезали, заматаясь легким ветерком с радиусом действия в несколько метров.

\* \* \*

«Я хочу знать, что написано в этой книге!!!» — настрочила Вера и передала тетрадь по переписке Любе, а сама стала чересчур внимательно смотреть на доску, где Тереза Антоновна (Антеновна), она же Терезка, показывала, как выглядят парабола и гипербола.

«Я тоже. А как?» — написала Люба, передавая тетрадь Наде.

«А я не хочу. Я боюсь!»

«Надо... надо...» — лихорадочно писала Вера, но что именно надо так и не придумала.

«А я говорю, что ничего не надо!» — возмущалась Надя.

«Вер, дай Надьке передышку. Пускай успокоится, а потом уже будем думать!» — предложила Люба.

«Ну ладно. Сегодня 23 февраля. День защитников Отечества. Пацанов будем поздравлять?»

«А как же?! Ната уже подарки купила! Ха! Прикол такой!!! Ни за что не догадаешься!!!» — настрочила Люба, и тихонько захихикала, представив себе, какие рожи будут у парней, когда девочки преподнесут им свои подарки.

— Люба, потише! — попросила Тереза Антеновна... то есть Антоновна. — Потом будете проходить по физике тему, называется «Фокус параболы»...

— Круто! — восхитился Кочан. — Новый мировой бестселлер! «Гарри Поттер и Фокус Параболы!»! Кстати, у меня объявление! — Кочан вскочил на парту, откашлялся и начал: — Граждане и гражданки Республики Беларусь, а так же другие лица неопределенной национальности! Кутасёнок просил передать, что нас, любимых всеми пацанов 7 «А» будем поздравлять на пятом уроке вместо английского языка! Я, — он картинно стукнул себя в грудь, — всё сказал, — и спрыгнул на пол.

Прозвенел звонок.

— Пошли на физру, — вздохнула Вера.

\* \* \*

Люба наконец застегнула ремешок на лыжных ботинках, перекрестилась и съехала с горки. На полпути она ударила сама себя лыжной палкой и картинно рухнула в сугроб, проделав остальной путь на животе.

— Ау, Японопомешаная! — крикнул ей Андрей, лихо проезжая мимо.

Федя, в ярко-фиолетовой куртке, на которой белыми буквами было написано «А мне всё фиолетово», кинулся помогать Любе, которая уже и без него почти встала, но по пути споткнулся и свалился на неё, снова повалив в сугроб.

— Шилин!!! — завопила девушка.

Надя, глядя на всё это, на всякий случай отошла подальше от края горки, на которой 7 «А» катался на лыжах.

— Ужас какой, — пробормотала она.

— Почему ужас? — удивилась Вера.

— Они же сейчас все будут мокрые! — воскликнула девочка, разглядывая Любу, которая наконец спихнула с себя Шилина и сейчас размышляла, каким это чудом ей теперь забраться наверх, чтобы передать лыжи Вере.

— Ну и что? Зато весело. И, кстати, они не «сейчас будут мокрые», они уже мокрые, — пожала плечами Вера. — А ты почему не катаешься?

— Я не умею!

— Ну и я не умею. И Люба не умеет.

— Я боюсь! Я упаду!

— Подумаешь! Снег ведь мягкий!

— Всё равно боюсь! — упорствовала Надя.

— Ну попробуй! Что ты вечно упираешься...

— Шуйский — козёл! — влезла в разговор Люба, которая забралась наверх, сняв лыжи, и теперь протягивала их подругам. — Кто следующий?

— Надя, — решительно произнесла Вера.

Надя посмотрела на облепленного снегом Федю, на Кочана со следом от лыжи на лбу, на Юру, который лежал посреди горки, заметённый снегом до такой степени, что не мог двигаться и которого использовали вместо трамплина...

— Нет! — наотрез отказалась Надя. — Ни за что! Никогда!

Люба и Вера переглянулись.

— Никогда не говори «никогда»! — весело сказала Люба и схватила Надю за ногу, а Вера попыталась надеть на эту самую ногу лыжу.

— Эй, вы что делаете?! — вопила Надя, прыгая на одной ноге. — Я не хочу! Я боюсь! А-

а-а!

Вере не удалось надеть лыжу подруге на ногу, но зато девочка, прыгая, умудрилась наступить на другую лыжу, лежащую на земле, и на ней же и поехала вниз.

Минск огласил дикий крик. Надя ехала на одной лыже, как на сноуборде, с задранной левой ногой, и вопила. Наконец она доехала до конца горки, так и не упав. Крик постепенно сошел на нет. Надя пошаталась немного, а потом, сообразив, что она только что сделала, свалилась в сугроб.

Учитель физкультуры Котиков удивленно и одновременно довольно посмотрел на девочку:

— Ну, Чикунова, не ожидал то тебя такой прыти. Высший пилотаж! Десять баллов, — улыбнулся он и открыл журнал.

Вера с Любой переглянулись, посмотрели на Котика, потом на торчащие из сугроба Надины ноги, на одинокую лыжу... А потом расхохотались.

\* \* \*

— Эта дура ходит на шпильках! — заявила Люба таким тоном, словно объявляла о государственной измене.

— И что?

— И ничего! Шпильки — полный отстой!

Проходящая мимо Даша, на ходу кокетничая с каким-то парнем, слегка повернула голову и по-матерински улыбнулась Любе.

— У-у-у... — со злостью выдавила из себя девочка.

— Спокуха! Не обращай на неё внимания. Лучше скажи, ты знаешь, что на последней олимпиаде 201-ая школа нас опять обошла?

— Чего?! Не может быть! — Люба с ненавистью глянула на виднеющееся в окно жёлтое здание 201-ой школы — вечной соперницы 4-ой гимназии.

— Может. Олимпиада была по физике. Мороз рвёт и мечет. Когда она об этом узнала, с дури швырнула на пол чернильницу, весь пол в своем кабинете замазала. И в этот момент к ней заходит Барисова!

Вера с Любой замерли с открытыми ртами, ожидая продолжения. Мороз и Барисова — они терпеть друг друга не могут. Девчонки часто видели их перепалки — худой, подтянутой Ольги Игоревны в деловой одежде с пепельными прямыми волосами, и необъятно толстой Тамары Ивановны с короткой кучерявой каштановой шевелюрой.

— Заходит, значит, наступает в чернильную лужу, и ка-ак грохнется! Скандал был — ну просто, как говорится, «трымай порты, хавайся у бульбу»! Правда, у Мороз после этого инцидента резко поднялось настроение...

Вера и Люба давились от смеха:

— Слышь, а там вмятины на полу случайно не осталось после падения Барисовой?

— Вроде нет. А жаль. Водили бы первоклашек на экскурсию, показывали бы им «Великую Барисовскую впадину»! Новая форма рельефа на территории нашей гимназии!

— Пол слишком крепкий оказался...

Девчонки снова прыснули.

— Кутас опять опаздывает...

— А когда он вовремя приходил?..

— Все садимся по местам! — велел вошедший в 339-ый кабинет Кутасёнок. Его, естественно, проигнорировали, но Кутаса это мало волновало. — Шуйский! Встань с моего стула!

— Да пожалуйста! — Андрей встал со стула перед учительским столом и отодвинул его в сторону Кутаса, одновременно ставя на его место другой и таким образом по-прежнему оставаясь на учительском месте.

— Шуйский!

— Что!? Я же встал с вашего стула, вон он стоит, можете садиться!

— Уйди с моего рабочего места! За столом должен сидеть я!

Андрей пожал плечами, слез со стула и уселся на стол.

— ШУЙСКИЙ!!!

— Ну что?!?! Я ушел! Сидите теперь за своим столом, а я буду сидеть на столе! Вы же не запрещали!

В конце концов Андрея со стола согнали. Сергей Владимирович сел на свое законное место, но его глазам тут же открылся вид на ботинки Кочана, который положил ноги на первую парту, за которой сидел, и делал вид, что прикуривает от шариковой ручки.

— Кочан!!! Ты кого тут из себя изображаешь?!?!

— Президента, — туманно ответил Игнат.

— Кого?!

— Президента. А что, давайте у нас в классе президента вместо старосты выберем?!

— Кочан! У нас тут не демократия!

— А что? Диктатура пролетариата?

— Нет, урок русского языка!!! Все открыли учебники! Лакизо, я имею в виду учебники русского, а не физики! Убери в сумку! Да не русский убери, а физику! Упражнение триста! Делаем, как показано в примере: «стол из дерева — деревянный стол»... Давайте, по цепочке, каждый по слову!

— Дом для престарелых — престарелый дом... — покорно начал Кочан.

— Больница для психически неуравновешенных — психически неуравновешенная больница... — продолжил Шуйский.

Кутасёнок беспомощно обвел взглядом класс. Оля делает физику, Аня красится, Юра жуёт банан, Марго болтает с девчонками, Маша умудрилась притащить в школу хомяка, Вера, Надя и Люба играют в «точки», и даже Максим держит в руках сборник задач по математике за одиннадцатый класс...

Кутас сдался и сел за с честью отвоеванный стол читать детектив.

\* \* \*

— Ну, Былина у меня своё получит! — клятвенно пообещала Оля, смерив не перестающую кудахтать преподу взглядом дикой кошки и сжав в кулаки руки с чёрными ногтями и металлическими кольцами с черепами. Былина Валентина Васильевна как раз дошла до кульминационной части рассказа о том, как самоотверженно она выбивала из директора новый занавес для актового зала.

— А что она тебе сделала? — удивилась Надя.

— Увидела, как мы с Анечкой пиво на остановке покупаем, а сегодня как нас заметила, так и заорала на всю гимназию: «Лакизо, это что ж ты, такая-растакая, пиво пьёшь?» Я ей:

«Не Лакизо, а Олечка, и вообще, это мы для родителей». Отговорка так себе, но с Былиной может и прокатило бы, она у нас интеллектом не блещет. Но на её вопль — она что, тихо говорить совсем не умеет, что ли? — припёрлась Мороз. С ней-то уж, ясен пень, эта штука не прошла.

— И что теперь тебе будет?

— А, пока не знаю, но сказала подойти в учительскую после этого урока.

Валентина Васильевна тем временем сослалась на подготовку к сегодняшнему концерту в честь 23 февраля, попросила «посидеть трюшки тихусенька» и, шлёпая зелёными тапочками и путаясь в длинной юбке, вышла из музея «Сялянская хатка», чей вход был замаскирован под резной домик и где как обычно проходил очередной урок музыки.

— Эх, сейчас бы чего-нибудь горяченького! — мечтательно протянула Надя, наблюдая за Шилином, Кочаном и Шуйским, которые, обнявшись и раскачиваясь в такт музыке, пели:

Где-то на белом свете,  
Там, где всегда Мороз (Ольга Игоревна),  
Бьются в стенку дети  
Из 7 «А»!..

Стулья вверх ногами,  
Парты кверху дном,  
Надпись на табличке:  
«Сумасшедший дом».  
Ла-а, ла-ла-ла-ла-а, ла-ла,  
Су-умасшедший дом.  
Ла-а, ла-ла-ла-ла-а, ла-ла,  
Все-е-е мы в нём живём...

— Горяченького, говоришь? — спросила Аня. — А вон у Былины под столом банка кофе стоит и электрочайник! Можно и попить.

— А у меня пакетик с пирожными есть, — радостно сообщила Марго. — Правда, Маша на него села...

КиШ вызвались организовать вылазку в столовую за стаканами, Наташа Калоша и Полина Корней пошли набирать в чайник воду, Шилин скрылся под столом в поисках ещё чего-нибудь съедобного, Прохор Коля полез на полку за глиняными расписными тарелками, на которые решили выложить всё съестное, Юрик внёс свой вклад в сервировку стола двумя бананами и яблоком. К столу (точнее, длинной лавке) затащили даже Максима, который сначала отнекивался, но противостоять уговорам Маргариты не смог (Оля с Аней втихаря напялили ему на голову соломенный венок, но он даже не заметил).

В «Сялянскую хатку» ввалились Андрей с Игнатом с подносом стеклянных стаканов в руках. Судя по их лицам, о местонахождении этих стаканов в данный момент никому из работников столовой известно не было.

На ненаглядные, драгоценные Былинины ручки поставили не менее ненаглядные и драгоценные расписные тарелки с пирожными, конфетами, печеньем, булками и фруктами, растворимое кофе насыпали в кипяток, а Федя торжественно продемонстрировал найденную за мусоркой-пеньком железную бутылочку с чем-то явно алкогольным, и накапал всем этого в кофе.

7 «А» удобно расположился на скамьях, с аппетитом жуя провиант, облакачиваясь спинами на обои с пейзажем, которые Былина клеила сама, и под шумок вытирая руки о



занавески. Особенно старались Аня с Олей. О последствиях никто не думал: видимо сказался коньяк в кофе. Шуйский — главный техник в классе — усиленно расковыривал допотопный магнитофон.

— Эй, Андрей, ты что там делаешь? Давай иди сюда! — махнула ему рукой Люба.

— Ща, подождите, музыку нам тут соображу и приду! А то если этот антиквариат плёнку зажуёт, то уже не разжуёт никогда в жизни! И порцию мою от Кочерыжки спрячьте!

Игнат мстительно цапнул конфету с тарелки Андрея, которую по просьбе трудящихся передали на противоположный от Кочана конец стола.

Грянула весёлая белорусская полька, многие повскакивали танцевать. Наташа с Полиной и Марго с Машей обсуждали животрепещущую проблему о постановке «Ромео и Джульетты»: кажется, её собирались спихнуть на штришков (8-штрих класс); а Максим наконец признался, что идёт в конце апреля на олимпиаду по физике, и что Мороз поспорила на бутылку шампанского с директрисой 201-ой школы, что на этот раз первое место возьмет наша 4-ая гимназия. Максиму бурно поаплодировали и, не желая подрывать школьный престиж и бюджет на стоимость бутылки шампанского, предоставили Максиму все условия для занятий физикой: усадили в уголке, сняли наконец венки, сунули в руки задачник, отгородили занавеской и пожертвовали шоколадку (говорят, для мозгов полезно).

Кочан и Шуйский лихо отплясывали впрысядку посреди комнаты на знаменитом дубовом паркете. Люба, блаженно растянувшись на лавке и подложив под голову Олину сумку, с интересом за ними наблюдала.

— Мне бы сегодня на рынок съездить, а заодно тетрадь по переписке новую куплю — старая кончилась... — сказала она в пространство.

— Давай типа я тебя до рынка подброшу! — вызвался Федя, отбрасывая с лица длинные крашенные волосы так гордо, словно собирался везти девочку как минимум на «мерсе».

— На такси? — заинтересовалась Люба. — Или у тебя свой мотоцикл есть?

— Да нет, — отмахнулся Федя. — Типа на автобусе!..

Люба непреклонно фыркнула и, устроившись поудобнее и закинув ноги на стол, стала смотреть на разворачивающееся веселье: Оля, обернув один из ручников вокруг бёдер, лихо отплясывала гопака, Анюта взяла другой и сейчас, расставив руки с зажатými концами накинутаго сзади поверх разноцветной кофты ручника, мелко трясла плечами на манер цыганки; браслетки и бусы звенели, увеличивая это сходство, а разноцветная грива мелкими аккуратными колечками падала на плечи. Полина оседлала скамейку и принялась обучать таким образом верховой езде Нату, Колю и Веру; Юра и Федя изображали барабанщиков, стуча ладонями по скамье; Машка, под бурные аплодисменты, ещё раз исполнила «Купалинку», а остальные девчонки и парни 7 «А», сидя на скамье, аккомпанировали ей бубнами. Потом кто-то из девушек полез танцевать на стол, под улюлюканье парней, а потом...

В «Сялянскую хатку» вошли Былина и Мороз и оглядели комнату. Веселье как ножом отрезало, все миготом протрезвели.

Картина глазам учителей предстала впечатляющая: на столе танцует девица, рядом на этом же столе с ногами сидят остальные ребята с бубнами, Люба лежит на скамье, её ноги покоятся на лавке среди посуды со следами бурной эксплуатации, застывшие в ритме вальса Марго с Юриком как раз наступили ногой на банку из-под кофе... Оля с задранной ногой и повязанным на манер кушака ручником, Аня, на коленях изображающая рок-певицу, Шуйский, бьющий по тарелке деревянной ложкой, как в набат, Полина, которая как раз для

наглядности оседлала Колю, что бы показать, в какую сторону дергать поводья, что бы лошадь повернула направо...

Былина рухнула в обморок.

\* \* \*

— Ну, как вы думаете, что нам будет? — хмуро поинтересовалась Полина, подозрительно глядя на шушукающуюся кучку из Мороз, Былины и Кутаса.

7 «А» сидел в своём кабинете, где должно было состояться публичное оглашение наказания, ну а заодно и поздравление пацанов с 23 февраля.

— На учёт весь класс не поставят, это точно, — заметила Марго, — но, скажем, дежурить две недели подряд, или дополнительно практику отрабатывать — это возможно...

— Ну, дежурства — это фигня, к тому же там всё уже расписано по графику, а вот практика... фе-е... — протянула Оля, поморщившись.

— А по-моему, хуже, — вмешалась Вера. — Гляньте на Кутаса!

7 «А» обернулся. Вид у Сергея Владимировича был донельзя несчастный. Мороз с Былиной, напротив, выглядели полностью умиротворёнными. Данное выражение настолько контрастировало с тем, что было у них в «Сялянской хатке», что 7 «А» вздрогнул, чувствуя, что одной практикой здесь не откупишься.

— Ну, дорогие мои, мы решили... — начала Былина, поправляя рыжие волосы.

Взгляд Кутаса, точнее, пробивающееся из глубины глаз отчаяние, ясно говорило: «Ну вы и влипли».

— Мы решили, что постановкой «Ромео и Джульетты» к последнему дню четверти займетесь вы, 7 «А»! — торжественно объявила Мороз.

— О не-е-ет! — простонали мученики науки.

\* \* \*

На последнем уроке, когда должны были поздравлять, как выразился Кочан, «всеми любимых пацанов 7 «А» класса», ребята собрались за сдвинутыми в один большой стол партами и, обсудив все плюсы и минусы наказания, пришли к выводу, что поставить спектакль — не такая уж большая трагедия, или, по крайней мере, «двойная отработка практики хуже» — сказала Оля. Кутас так не считал, так как, в отличие от практики, где лично ему надо было только контролировать, насколько усердно его подопечные копают грядки, постановка «Ромео и Джульетты» требовала от него не только неусыпного наблюдения, но и горячего участия и всесторонней поддержки, так что его сначала в сторонке отпоили валерианой Марго с добросердечной Машкой, а потом отослали домой, заверив, что громить кабинет, взрывать школу и выпускать из-под контроля Кочана они не будут и с поздравлением парней справятся.

Воспользовавшись ситуацией, к 7 «А» присоединились несколько человек из 6 «А», шпришков и параллели, среди них — шестиклассник Жигалов с пивом.

Марго, Полина и Наташа вышли на середину класса с двумя огромными пакетами. Все замолчали, повисла торжественная тишина. Парни с вожделием косились на мешки, Люба тихо хихикала и поглядывала на Вовочку, Оля с Аней тоже старались вовсю, закидывая парней томными взглядами.

Ната, как староста, произнесла вдохновенную поздравительную речь и вручила Полине и Маргарите по пакету с подарками.

Все пацаны подались вперед.

Полина подошла к Игнату, сунула руку в пакет и достала оттуда... Огромный рулон жутко дорогой, фирменной, ароматизированной туалетной бумаги розового цвета.

Пришельцы из других классов дружно заржали, глядя на обалдевшего Кочана. Впрочем, другие подарки тоже не подкачали: Шуйскому — гигантский, правда, ржавый гаечный ключ и двадцатисантиметровый гвоздь, явно найденные на свалке (Андрей устрасился: настоящие орудия убийства, такими только от воров в темном переулке отмахиваться); Феде досталась целая упаковка новых корректоров («Хорошо, что учителя этого не видят», — подумала Вера) и краска для волос «Баклажан», обещающая окрасить волосы в сочный фиолетовый оттенок (впрочем, Шилин посмотрел на неё с интересом: в «Солнечном блондине» он разочаровался, так что, может...); Коле — огромные семейные трусы с флагом Беларуси... Остальных тоже не обделили, но счастливее всех выглядел Юрик, которому преподнесли пакет с мандаринами.

— Ну, как вам наши подарки? — поинтересовалась Люба у подруг, посмеиваясь и рисуя сердечки вокруг имени Жигалова на обратной стороне обложки закончившейся тетради по переписке.

— Класс! — кивнула Вера, наблюдая за её деятельностью. — Правда, парни теперь грозятся, раз мы такие, нам на Восьмое марта по клизме подарить...

— Обожаю Жигалова! — объявила Люба, увековечив эту фразу в углу странички и украсив её завитушками. — Прелесть! — девушка щёлкнула пальцем по серёжке и сложила руки под подбородком, любуясь своим творчеством. Сам Вова в это время сидел в компании парней и пил пиво. Девчонки в этот «мальчишник» не допускались.

Вера окинула шестиклассника трезвым критическим взглядом, пытаясь понять, что в нем такого особенного. Не поняла и равнодушно пожала плечами.

— Вот ты и закончилась, старая боевая подруга! — вздохнула Люба, переворачивая листы, исписанные разными почерками и разноцветными ручками и пестрящие разнообразными рисунками и наклейками. Потом отложила тетрадь на заднюю парту и повернулась к Наде:

— Слушай, я всё забываю тебя спросить... Я тут подумала... Ты недавно рассказывала, что возле твоего дома собака какая-то вертится? Как она выглядела?

Вера резко повернулась, оторвавшись от созерцания зимнего пейзажа за окном:

— Ты что, думаешь, это та?.. — начала она, изумленно раскрыв темные глаза.

Люба останавливающе подняла руку, выжидательно глядя на Надю, которая недоуменно переводила взгляд с одной подруги на другую.

— Ну... такая рыжая, худая... вообще ничего, симпатичная... А что?

Люба и Вера понимающе переглянулись:

— Она и сейчас там ходит?

— Не знаю... Пару раз видела, но она не всё время там... Да в чём дело-то?

— Помнишь, на зимних каникулах мы ездили в «Аврору», а перед этим ещё залезли в пустой троллейбус?

— Ну? — Надя чуть сморщила носик: ей эти воспоминания удовольствия явно не доставляли.

— Помнишь, там была собака? Рыжая такая? На остановке?

Надя сначала нахмурилась, а потом лицо её просветлело:

— Ну да! Точно такая же!

Люба и Вера опять обменялись многозначительными взглядами.

— Да что случилось???

— Мы на эту собаку уже который раз натыкаемся! Вера её видела, когда мы в картинную галерею ездили, и потом ещё мы вместе, когда к тебе в гости ходили, — сообщила Люба.

— Может, это не та?.. Просто порода одинаковая...

— Надя, ты меня достала!!! Сколько может быть совпадений?! Это просто нереально!

Вера с опасением покосилась на очаг ссоры. Впрочем, даже если бы они подрались, этого всё равно бы никто не заметил: гвалт вокруг стоял оглушительный. Особенно старались мальчишки: она собрались вокруг какого-то предмета, вырывая его друг у друга и оглушительно хохоча, то и дело оглядываясь на девчонок.

Вера вместе со стулом пододвинулась ближе и прищурилась, пытаясь разглядеть, что же это такое.

Тетрадка с розовой веточкой сакуры на голубом фоне.

— ЛЮБА!!! — закричала девочка, в ужасе глядя на парней. — ГДЕ ТЕТРАДКА???

Люба с Надей мигом прекратили спорить и оглянулись на заднюю парту, где лежала тетрадь по переписке... Раньше лежала...

На крик Веры обернулись все девчонки класса. Пацаны только ещё гадостней заушмылялись — правда, подвинувшись ближе к двери, — а Кочан трагически процитировал:

— «Обожаю Жигалова! Моя жизнь без него не имеет смысла! Никогда, никогда я ещё не была так влюблена! Ах, я готова отдать ему своё сердце навеки!»

Парни согнулись пополам от хохота, но Кочан на этом не остановился, обернувшись к Оле с Аней:

— «Тот мальчик такой милый! Просто душа!»; «Да, беленький, просто ЛАПОЧКА!» — потом повернулся к Наташе и Полине, но было поздно. Девчонки, не в силах выдержать такого издевательства, кинулись на Кочана, но тот ловко дал пас Андрею и кинулся к двери.

Наташа повалила Андрея на пол, но он успел перекинуть тетрадку Юре, на котором тут же повисли Аня с Верой. Юра не обратил на них внимания, проталкиваясь к выходу. В дверях ему удалось стряхнуть с себя Веру — та треснулась головой о косяк — и, быстро передав тетрадь Жигалову, кинулся к мужской раздевалке, где уже отсиживалась большая часть парней, надеясь, что туда девчонки к ним не полезут.

Зря надеялись!

Все семнадцать представительниц слабого пола вопящей разъярённой волной кинулись вдогонку, швыряясь в ненавистных противников, покусившихся на святое — их девичьи секреты, — книгами, пеналами, сапогами и расчёсками.

Но они не успели.

Парни, видя, что буква «М» на двери раздевалки девушек не остановит, тут же захлопнули дверь и подперли двумя скамейками.

В неё врезались Оля и Люба, первыми добежавшие до двери. Они колотили дверь кулаками и пинали ногами. Остальные дружно поддерживали их, вопя благим матом. Безрезультатно. Оставалось только сидеть и слушать раздающиеся из-за двери издевательские фразы и смех.

Девушки в бессилии кусали губы и грызли ногти, то и дело в сердцах пиная

ненавистную дверь. Аня сидела на скамье и методично разрывала платочек на всё более и более мелкие кусочки.

— Ау! Кто там Жигалова обожает? — донесся из-за двери ехидный Федин голос и в щель под дверь просунулся краешек голубой тетради.

Люба с рычанием кинулась на него, как дикая лесная кошка, но не успела: тетрадь снова скрылась. Потом снова выглянула. За дверью неудержимо ржали.

Все девчонки столпились у двери, отчаянно шипя и с невообразимым чувством высказываясь в адрес обитателей раздевалки, пытаясь ухватить периодически высовывающийся уголок тетради. Наконец Наташе это удалось и она последним усилием вырвала её из цепких пальцев. Однако веселье за дверью не утихло, а, наоборот, разгорелось ещё сильнее, и тут же выяснилось почему: это была совсем другая, правда, тоже голубая тетрадь. На обложке красовалась гигантская фига.

И это было последней каплей. Такого удара по гордости и самолюбию девушки потерпеть не смогли. Издав синхронный протяжный рык, Оля, Полина, Марго и Люба схватили скамью и, воспользовавшись ей как тараном, выбили дверь. Подпирающие её скамейки упали: кажется, кому-то на головы. Вот такого поворота событий парни явно не ожидали. Девчонки, воодушевлённые взятием первой преграды бастиона, ломанулись внутрь. Все, даже Марго, даже Надя, которая до этого почти всё время пылала праведным гневом в сторонке.

Это была Третья Мировая война. Девчонки безжалостно били врага в носы, в зубы, вырывали волосы, расцарапывали физиономии (особенно в этом преуспела Аня со своими не такими, как у Нинки, конечно, но тоже внушительными когтями) и пытались задушить галстуками. Парни не отставали, хотя, конечно, и ошалели от такого напора.

Линия фронта смещалась то ближе к двери, то дальше, то вообще выходила за её пределы. Вера билась с парнем из параллели, краем глаза замечая, как Надя отважно кусает за руку пытавшегося выпихнуть её Юрика. Люба продвинулась в эпицентр сражения, волосы её сложились в причёски а-ля «кикимора в свободном полёте». Аня активно использовала острые носы и каблуки своих сапожек для пинания и наступания на ноги.

Но вот Оля, Полина и Ната отыскали тетрадку и с криками «Победа! Отступаем!» ринулись к выходу. На этот раз парни пытались их уже задержать, но им надавали по мордам тетрадью с фигой.

Теперь уже девочки забаррикадировались в своем родном классе, и все, встрепанные, тяжело дышащие, расселись вокруг изрядно помятой и кое-где порванной, но в общем и целом невредимой тетрадки и начали осматривать боевые ранения. У Ани порвалась кофта, Наташа потеряла сапог, Марго — очки, которые обычно не носила, но сегодня почему-то надела, у Маши была расцарапана щека, у некоторых шла кровь из носа, у Полины Корней на скуле назревал синяк, Вера, морщась, ощупывала шишку на голове. Остальные, хотя и выглядели неважно, были относительно целы.

— И что нам теперь будет? За выломанную дверь? — тут же озаботилась практичная Марго.

— Да ничё нам не будет, — махнула рукой Оля. — Она и так на соплях держалась, мячом ударишь посильнее — рассыплется...

— А эту дверь пацаны не выбьют? — почему-то шепотом поинтересовалась пораженная и испуганная своим геройством Надя.

— Эту? Не-е... — протянула Аня, устало откидываясь на спинку учительского стула. —

Во-первых, она не такая хлипкая, во-вторых, это же наш класс, а не общая раздевалка, и в-третьих, они же не такие тупые... — тут на её лице на секунду отразилось сомнение, — понимают, что за это никого по головке не погладят...

— Да уж, это нам ещё повезло, что сейчас уже учителей нету, я ещё удивляюсь, как на нашу драку Церберша не прибежала, — поддакнула Ната.

— Ну, Церберша на то и Церберша, что бы никогда свой пост не покидать, — философски рассудила Машка, почесывая свою кучерявую гриву.

Люба со вздохом запихала тетрадку в портфель:

— Нет, ну какие парни всё-таки козлы! Особенно Юра! Вот уж от кого не ожидала... И Шилин тоже! Короче, козлы, одним словом!

— Уроды! — поддакнула Аня.

— Гады, — добавила Оля.

— Свинтусы, — внесла свою лепту Маша.

— Сволочи!

— Дауны!

— Придурки!

— Надо им отомстить! — внесли дельное предложение.

— Как?..

Взгляд Маргариты упал на портфели и сумки 7 «А», «Б», 6 «А» и 8 классов.

— А вот как...

Девчонки разделились на две группы. Часть, под предводительством Наташи, с портфелями Феди, Игната, Андрея, Юры и Вовы вышли на улицу. Остальные, с Олей в первых рядах и цветными маркерами наперевес, осторожно двигались по направлению к мужскому туалету.

— Фу-у-у! — дружно выдохнули они, брезгливо заглядывая в помещение.

— А чё вы хотели? Свиньи они свиньи и есть! — поморщившись, заметила Аня, прикрывая за собой дверь. — Ну, за работу!

И девушки кинулись с маркерами наголо к плиточным стенам...

— А парни о-ой как разозлятся, когда это увидят, — заметила Люба, как зерно на вспаханное поле раскидывая вещи Жигалова по школьному двору.

— Ничего... — протянула Ната, художественно развешивая Юрины тетради на ветках дерева. — Мы ведь ничего не портим, ничего не ломаем. Пройдутся, соберут свои вещи, не развалятся.

— Я больше за туалет волнуюсь. А если учителям расскажут?.. — испуганно поинтересовалась Надя, подышав паром на замерзшие руки.

— Не расскажут, — хмыкнула подошедшая Оля вместе со своей командой, на ходу засовывая маркеры в сумку. — Их же тогда во всей школе уважать перестанут. Они ещё и отмывать сами наши приветики кинутся, как увидят, чтоб никто не заметил, особенно учителя. Иначе как им объяснить, с чего мы на них так ополчились?

— А вы точно всё качественно сделали? — уточнила руководящая процессом Марго.

— А то! Никого не забыли! И ни одного ругательства тоже. Постарались, по крайней мере. Разными цветами. Там сейчас так красиво! Если не читать, что написано — то лучший туалет в школе! Если бы ещё не так воняло... Ладно, пора сматываться! Вон наши парни на

горизонте появились!..

Они и в самом деле стояли на крыльце школы, обалдело оглядывая заснеженный двор.

А потом Оля слышала, какие именно слова на стенах туалета в адрес обидчиков они забыли написать. И даже несколько новых узнала.

Пацаны с разъяренными воплями скатились с лестницы и бросились подбирать своё имущество, параллельно пытаясь дать затрещину бегавшим вокруг девчонкам.

Жигалов кинул последнюю книгу в рюкзак и со злостью затянул шнуровку. Потом нарочито небрежно закинул его на плечо и медленно подошел к Любе:

— Дрянь, ты за это ответишь! Не желаю больше иметь с тобой никакого дела! — срывающимся от злости голосом заявил он, стянул с руки перчатку и ударил девочку по лицу. Сильно. Наотмашь.

Получилось на диво звонко. Все замерли и обернулись к ним. В широко распахнутых глазах у Любы блеснули слезы. Она приложила руку к горячей щеке и с изумлением глядела на Вову. Ветер трепал выбившиеся из-под шапки волосы и украшал их медленно оседающими мелкими снежинками.

Жигалов слегка смутился, отступил на шаг и опустил руку. Потом резко развернулся и пошел прочь, не оглядываясь. Его одноклассники, помедлив и извиняюще глянув на застывшую девочку, пошли следом. 7 «Б» и 8, пробормотав прощание и смущённо опустив глаза, тоже разбрелись в разные стороны.

Парни и девчонки 7 «А» переглянулись и посмотрели на Любу. Она всё так же смотрела в одну точку, держа руку у лица. В горле застрял ком, сердце выдавало резкие, но быстрые и болезненные удары. По щеке, блестя в лучах холодного, клонящегося к горизонту солнца, скатилась слеза.

— Люба, — нарушил прерываемое лишь завыванием ветра липкое и тягучее молчание Федя, — я типа...

Люба развернулась и побежала прочь со двора, в школу.

Девочка сидела в туалете на корточках и плакала. В дверь протиснулись Вера с Надей и сели рядом. Люба уткнулась Вере в плечо, давась рыданиями; Надя успокаивающе поглаживала подругу по спине.

Когда Люба немного успокоилась, Вера сказала:

— Это Жигалов взял тетрадку. Мне Оля сказала, а ей Юра. Я же всегда говорила, что он свинья.

— Хряк! — судорожно всхлипнув, подтвердила Люба. — Самый настоящий!

Потом решительно утерла рукавом мокрые дорожки со щек, встала и сказала:

— Ну, по крайней мере, теперь у нас с ним всё кончено! И вообще, чего я расстраиваюсь? Влюблюсь в кого-нибудь другого!

\* \* \*

На следующее утро пацаны преподнесли девушкам извинение в письменной форме со своими подписями и подарили каждой по новой тетрадке взамен испорченной. Девушки поломались для приличия, но потом простили. Всё равно в одном классе живём, никуда друг от друга не денешься, так чего дуться? Да ещё и дежурство скоро, и «Ромео и Джульетту» ставить всем классом... И Восьмое марта не за горами, вдруг пацаны в порыве раскаяния

хоть раз что дельное подарят?.. А то клизма это как-то не то, не предел мечтаний...

...Туалет парни мыть не стали, хотя про себя всё прочитали. Уборщицы тоже посчитали, что это вне их компетенции, а ни Мороз, ни другие представители «стражей порядка» туда не заходили, так как являлись особами женского пола. А учителям-мужчинам новое оформление даже понравилось: и сидеть не скучно, и слов много интересных можно узнать, грамотности учеников поражаясь, и цвета разные глаз радуют...

Так что остался туалет нетронутым и стал ещё одной школьной достопримечательностью.



## Глава 12. Будни и праздники

Первый день весны в этом году природа встретила как полагается. Из-за светло-пепельных, мягких и пушистых облаков выглядывали лимонного цвета солнышко и яркосиние лоскуты неба. Снег слегка подтаял, хотя прохладный порывистый ветерок — зимний страж — ясно давал понять, что весна получит бразды правления ещё не скоро.

Сквозь незастекленное окошко часовни на большую лужу — всё, что осталось от нападавшего из того же окна за зиму снега — падали косые лучи и, отражаясь от глянцевой поверхности воды, серебристыми бликами оседали на сваленных в кучу сумках и шапках. Три подруги, с расстегнутыми воротами у курток и с развязанными шарфами, вытаскивали из дверей разломанную два месяца назад Любой скамейку, которая с приходом весны стала все ощутимее пахнуть гнилью.

Люба и Вера, держась рукой каждая за свой обломок скамейки и волоча другой его конец по земле, осторожно спустились по поскрипывающим ступеням и побрели к деревьям, где и собирались бросить деревяшки, уже не обращая внимания на тут же принявшиеся за работу неведомые силы, заметающие их следы вокруг здания. Действовали девочки вяло и как на автомате: сегодня Барисова Тамара Ивановна, решив отметить приход весны, закатила 7 «А» гигантскую проверочную, а если она в чем и была согласна с Мороз, так это в том, что детей надо держать в строгости, поэтому весь урок ходила между партами, изымая книги, конспекты, шпаргалки, копии шпаргалок и копии копий шпаргалок, а у самых настойчивых — ещё и копии копий копий шпаргалок. Ни Люба, ни Вера, ни Надя к этому оказались не готовы, и сейчас чувствовали себя так, словно их прокрутили в стиральной машинке.

Чуть-чуть не дойдя до окружающих полянку лип и березок, Вера со слабым, сонным недоумением уставилась в просвет между деревьями:

— Люб, гляди-ка, заяц!

Люба обернулась и уронила скамью себе на ногу:

— Ай! Точно! Рыжий! Ё-моё, а здоровенный-то какой!

Заяц и вправду впечатлял: размером с маленькую собачку, тёмно-рыжий, он с важным видом сидел на снегу, презрительно разглядывая подруг умными темными глазами и изредка подергивая ушами.

— Во даёт! Наглый! — восхитилась Люба и обернулась к часовне:

— Эй, Надька! Поди сюда!

Из двери показалась веснушчатая физиономия третьей подруги.

— Что? — поинтересовалась девушка, махнув пыльной тряпкой, которой сметала паутину со стен: девчонки решили навести порядок. Правда, Надя долго отказывалась, так как панически боялась насекомых — и пауков в том числе, — но удалось убедить её, что за зиму они все передохли.

— Гляди-ка! — Люба посторонилась, что бы из часовни было видно рыжее чудо.

Девочка близоруко сощурилась:

— Я отсюда ничего не вижу! Что там?

— Ну, ты иди, иди сюда!

Надя со вздохом исчезла за дверью, а потом появилась уже без тряпки.

Вера схватила подругу за руку, подтащила к себе и ткнула пальцем во всё так же неподвижно сидящего зайца.

— Очень похож на того, которого мы здесь видели первый раз, правда? — многозначительно приподняв тонкие брови, заметила Люба. Вера выглядела очень довольной. Надя неопределенно пожала плечами, внимательно изучая животное:

— Ладно уж, поддамся вашему сумасшествию и скажу, что он точно такого же цвета, как та собака. Радуйтесь.

Вера стала выглядеть еще довольнее. Люба ухмыльнулась:

— Вот уж не думала, что твои скептически настроенные мозги смогут заметить, переработать и сопоставить эти две вещи именно в этой направленности, — заумно выдала Люба, явно гордясь столь длинной учёной фразой.

— Кстати, ты ту собаку гладила? — спохватилась Вера.

— Ты что?! Фу! Нет, конечно! — возмутилась Надя. — Она же блохастая! И укусит может! Не люблю я животных, боюсь...

Люба тут же возмутилась и принялась яростно спорить, пытаясь сагитировать подругу на защиту животных. Вера, в душе всецело на стороне Любы, в дискуссию не встревала, по личному опыту зная, что разнимающему всегда достается больше.

Вместо этого она присела на корточки и стала осторожно подбираться к зайцу, стараясь его не спугнуть. Заяц смотрел на неё с благожелательным интересом, при этом всё равно умудряясь показывать, что какие-то там человеческие девочки ему не ровня.

Подобравшись на расстояние вытянутой руки, Вера медленно потянулась ладонью к подрагивающим заячьим ушам. Но когда её рука была буквально в миллиметре от цели, зайчишка насмешливо фыркнул и дал деру. Правда, стартовал не сразу, предварительно вхолостую гребанув задними лапами и осыпав девочку хлопьями подтаявшего снега.

— Уй! — возмутилась Вера, отплевываясь. — Не заяц, а свинья какая-то!

— ...В любом случае, сейчас этой собаки возле моего дома нет, надо оно тебе — ты её и ищи! — резко оборвала спор Надя. Любу невозможно было переспорить, упрямую Надю — переубедить, поэтому все их дискуссии заканчивались жирной Надиной точкой, после чего она больше на провокации не поддавалась, и каждый оставался при своем мнении.

Взаимно недовольные друг другом, подруги обернулись на Верино восклицание.

— Эй, Вер, что с тобой? Ты что... с зайцем подралась? — захихикала Люба. — И проиграла в неравной борьбе?

— А ты как думала? Это ж какой заяц! Сразу видно — чемпион! Он меня и так, и так, и правой передней, и левой задней, и ушами!.. — Вера испустила предсмертный вздох, состроила умирающую физиономию и картинно осела в сугроб. Надя захихикала, а Люба изрекла что-то вроде «спортом надо заниматься по утрам и вечерам, тогда не будешь всяким там зайцам проигрывать» и присела рядом с «издыхающей» подругой изучать заячьи следы.

— Эй! — вдруг «возродилась» Вера, сев в снежном «гробу» и отряхивая с заплетенных в косу длинных русых волос снежинки. — А ведь мы могли бы проследить, куда этот субъект направился. По следам. А?

— Заче-е-ем?! — простонала Надя, воздев руки к небу.

— Зате-е-ем, — передразнила Вера и, поднявшись, побежала за Любой, которая этот вопрос даже на обсуждение ставить не стала, целеустремленно ползя на карачках за следами, едва не тычась в них носом. — А ты можешь нас здесь подождать, мы не долго! — уже из-за деревьев крикнула она, дёргая Любу за капюшон, побуждая таким образом

подняться с колен и передвигаться нормальным способом.

Надя, подумав, пожала плечами, кивнула и побыстрее юркнула в часовню, закрывая дверь с видом «мой дом — моя крепость» и, видимо, решив защищаться любой ценой — даже если к ней будут ломиться бомжи, волки, зайцы-каратисты, носороги, ну и кто там ещё в этом лесу обитает.

— Вот трусиха! — искренне подивилась Люба.

— Можно подумать, ты ничего не боишься! — вступилась за Надю Вера.

— Ну почему, я боюсь. Пиявок, например. Но не всего же подряд, как она! И прикинь, она животных не любит!

— Да нет, она их любит, просто на расстоянии. Она почему-то свято уверена, что они все блохастые, грязные и кусачие...

Девочки честно отработали полтора часа, идя за и в самом деле по-заячьи петляющей цепочкой следов, пока не попали на небольшую, от силы в пять шагов полянку, на которой, по-видимому, недавно проходило народное заячье собрание, окончившееся дракой: вся свободная от деревьев поверхность была испещрена заячьими следами, а в середине снег был сильно разрыхлен, словно по нему катались либо два дерущихся, либо один полоумный заяц. От полянки в разные стороны расходились цепочки следов.

Люба чуть не задохнулась от возмущения коварностью зайца:

— Нет! Нет, ну ты видела?! Нахал!!!

— Тихо ты, давай может лучше среди вон этих, расходящихся дальше, поищем похожие на вот эти, первые...

— Да они все какие-то одинаковые... Хотя нет, вон там одни побольше...

Походив для очистки совести по полянке, девочки по своим следам побрели обратно к часовне. Люба по дороге не переставала призывать на голову зайца всевозможные проклятия вроде «Чтоб у него уши поотваливались!», уже забыв, что недавно выступала яростной защитницей животных. Вере оставалось только подивиться её фантазии.

Когда подруги наконец добрались до деревянного домика, в котором отсиживалась Надя, набившийся в сапоги липкий подтаявший снег успел превратиться в воду и весело захлюпал на новом месте жительства. Люба наконец оставила зайца в покое, вместо него с утроенным энтузиазмом взявшись за снег с его идиотской привычкой таять в тепле, зиму, которая в этом году сделала из Минска один огромный сугроб, и солнце, на котором этот сугроб превратился в жижу. А Вера, уже потерявшая ориентацию среди всех этих деревьев, чуть не треснула лбом о высокую березу.

Послушать Любины причитания высунулась из окошка Надя, прямо заслушалась, так складно у той получалось.

— Заходите скорей! — велела Надя. — Ноги на улице отряхните! Вот так, всё, теперь проходите, я бутерброды сделала!

— Да? — заметно оживились девочки, потопав у крыльца. — А с чем?

— С маслом и с колбасой. Кстати, ты, Люба, когда сказала, давно, когда мы сюда ещё в первый раз хотели идти, что здесь зайцы-призраки водятся — как в воду глядела! Так вот, пока вы ерундой занимались и за зайцами придурковатыми бегали, я и паутину со всех стен смела, и полы веником подмела, осторожно, не споткнитесь, вон он, этот веник валяется... ой... аккуратней, я же говорила, не споткнитесь... И бутерброды вам сделала...

— Надя, солнышко, я тебя обожаю! — с чувством воскликнула Вера, вгрызаясь зубами в толстый бутерброд и напрочь там увязая.

— Ха, фигушки, я просто так ничего не делаю! Ну-ка, Вера, говори правду, правду и только правду: математику уже сделала?

— Угум, — кивнула Вера, не переставая жевать.

— Дай списать!

— Ы е озе! — промычала Люба.

— Тебе не дам, а то всю тетрадь маслом заляпаешь. Надь, возьми у меня в портфеле, можешь к себе домой забрать, только завтра принести не забудь.

— Ладно, — Надя, глянувшись в зеркало, поправила кончиком мизинца светлую губную помаду. — Восьмое марта скоро... Чувствую я, что пацаны нам с подарками в отместку напортачат... Уж больно Кочан из-за рулона туалетной бумаги переживает... И чего, спрашивается? Хорошая бумага, дорогая...

— Угу. А потом — неделя дежурства. Не забыла ещё о нашем плане пробраться в учительскую и узнать настоящее имя твоего Паши?

— Нет, конечно!.. Ты что?! Как можно?.. Ведь Паша... Это... Это... — Надя воодушевленно взмахнула руками, не в силах выразить словами, чем же Паша является, от чего с её бутерброда слетел кусок колбасы и шлепнулся на стену.

— Знаем-знаем-знаем! — поспешила заверить её испугавшаяся Вера. — Очень хороший парень.

— А я уже выбрала, в кого влюбиться! — радостно сообщила Люба.

— Ну?! — дружно привстали подруги.

Люба сверкнула улыбкой, достала из сумки блокнот и зачитала длинный список из семнадцати человек.

Повисла тишина.

— Что, сразу во всех? — нерешительно спросила Надя.

— Ну... — слегка смутилась девочка. — Почему? По очереди. Ну, по два-три... Ой, ещё одного забыла, из 8-штрих, надо записать, пока вспомнила, — спохватилась Люба и застрочила в блокноте.

Вера кашлянула и сменила тему:

— Нам ещё за эти... — сколько там?.. — три с половиной недели надо «Ромео и Джульетту» поставить. А Кутас и не чешется. Он что, думает, оно всё само сыграется?

— М-да, добавили мы Кутасу головной боли... Это ж и декорации какие-никакие нужны, и костюмы... Я уже не говорю о том, кем надо быть, чтобы как-то наш класс организовать...

— Интересно, кто будет Джульеттой? — хихикнула Надя.

— И кто Ромео? — ухмыльнулась Люба. — О, Надя, а ты, я вижу, проявила интерес к нашей Книге?

Стоящая в углу рядом с зеркалом Книга на медном, состоящем из извилистых линий узора пюпитре была раскрыта. На той самой картине со скалой, похожей на замок.

— А-а... Ну да. Делать было нечего, вот я и...

Внезапно Надя замолчала. Молчали и Вера с Любой. Все трое переводили взгляд с рамы на пюпитр и обратно.

Вера победоносно зацокала языком. Люба торжествующе поглядела на удивленную Надю. Та выглядела смущенной:

— Да, я уже тоже начинаю склоняться к мысли, что это всё не может быть простым совпадением...

— УРА! До неё дошло...

— Я сказала, начинаю склоняться, а не склонилась, — возразила Надя. — Я ещё не уверена...

Выпуклый, змеистый рисунок золотой рамы зеркала был очень, очень похож на изящную ковку медного пюпитра.

— А ведь ты, между прочим, уже давно обещала нам помогать, помнишь? Ещё когда мы обнаружили, что здесь не работают электронные предметы. Ты обещала, — заметила Вера, вставая, отряхивая крошки с колен и подходя к открытой книге.

— Я просто была под впечатлением! — упрямо вздёрнула нос Надя.

— Угу, угу... Так зачем, говоришь, ты в книгу полезла?

— Картина красивая, — мечтательно вздохнула Надя, тоже поднимаясь на ноги и вставая с другой стороны от медной подставки. Люба запихала в рот последний кусок колбасы, облизала пальцы и, деловито вытерев руки об штаны, подошла к друзьям, глядя на картинку склонив голову:

— Художник-фантаст. Интересно, о чём он думал, когда её рисовал? Красивая, конечно, но уж больно мрачная.

— Фантазия у него очень богатая, ведь это сейчас чего только не придумывают, я столько книг-фэнтези перечитала, что только удивляться остается, как это всё можно было вообразить, а тогда, когда писалась эта... За такие непонятные рисунки и на костер, наверно, отправить могли... — заметила Вера, и тут её осенило: — Слушайте, как же я раньше не догадалась! А вдруг это книга колдовства, с заклинаниями?

Надя презрительно фыркнула («Действительно, перечитала ты фэнтези!»), а Люба со скептическим видом начала листать книгу:

— Да нет, вряд ли. Вот, смотри, здесь идёт сплошной текст без абзацев целых четыре страницы. А ещё почерк мелкий. Пока такое заклинаньице прочитаешь, язык отвалится! Мне как-то больше это учебник по истории напоминает... Древний...

Подруги прыснули со смеху.

Вера перелистнула ещё одну страницу:

— Да уж, бедные дети... Хотя у них истории по идее учить было меньше... Да и Барисовой своей у них не было... — девочка аккуратно перелистнула ещё один листик. — Оба-на, а это что?

Они уже давно заметили, что в самом конце Книги несколько страниц почему-то оставались пустыми. Раньше друзья думали, что это как в современных изданиях — для записок. Но сейчас у них на глазах эта теория рушилась.

По ровной, пустой, желтовато-серой поверхности, как по наклонной ложбинке, в которую капнули воды, побежали красные линии, прочертив в верхнем левом углу несколько наклонных полос.

Девочки, затаив дыхание, ждали.

Ничего больше не происходило.

— Эй, а дальше?! — искренне возмутилась Надя.

Но книга, по-видимому, угрызений совести не почувствовала, потому что больше ничего так и не показала.

Подруги ещё немного молча постояли, выжидаяще глядя на книгу и давая ей время одуматься, а потом накинулись на неё, как ненормальные. То пытались восстановить позы, в которых они стояли, когда это случилось, то передвигали пюпитр, чтобы солнечные лучи

падали на него под таким же углом, то вспоминали и повторяли слова, которые они говорили в тот момент... И всё безрезультатно.

— Нет, тут и в самом деле что-то не так, — пробормотала Надя, когда друзья выходили из часовни. — Я боюсь! Я сюда больше не пойду!

Люба немедленно принялась взывать к Надиной совести, спорить и уговаривать. Вера молчала, не обращая внимания на привычные звуки перебранки. Она прекрасно понимала, что Надя всё равно придет, хоть и боится, хоть и упрямая, как осёл. Придет. Потому что по-другому быть не может.

И Вера довольно улыбнулась. Её мечты сбываются!

\* \* \*

— Я видела, как парни притащили сегодня в школу два здоровенных пакета, — заговорщицким шёпотом поделилась с девочками 7 «А» Наташа. — Наверное, это наши подарки.

— Да? И что там? Хотя бы примерно? — жадно спросила Люба.

— Не знаю. Их сейчас Марго обрабатывает, уж она-то должна всё вызнать, у неё это всегда хорошо получалось.

— Эх, надо было тебе на правах старосты потребовать предъявить содержимое, — расстроилась Вера.

— Ага, так бы они меня и послушали...

— А помните, они недавно на русском послали по классу бумажку с просьбой всех девочек указать свой размер ноги? — включилась в разговор Полина Корней. — Может, они нам тапочков купят? Каждому по одному. На стенку повесить.

— Нет, это точно не тапочки, — озабоченно прошептала подошедшая к ним Марго, усаживаясь рядом с Машкой. — Как я их не уговаривала, внутрь мешков они мне заглянуть так и не дали. Только издали показали. Они их у нас в кабинете за шкафом держат.

— И что?!

— В одном что-то квадратное, может, коробочки какие, а во втором — мягкое.

— У нас сейчас как раз русская литература, — заметила Аня, которая недавно плюнула на всё и покрасила волосы в ярко-красный цвет. — Может, попробовать взять шкаф штурмом?

— Посмотрим, — решила Ната, и все девочки вышли из женской раздевалки, где отсиживались после физкультуры.

— Что нам задавали? — прошептала Надя.

— Стих учить.

Сижу за решёткой в темнице сырой,

Вскормленный в неволе орел молодой... -

продекламовала Вера, открывая дверь в класс.

С идеей взять подарки лобовой атакой пришлось распрощаться: на страже у прохода между шкафом стенкой стояли Юра и Коля Прохор. Если последнего ещё можно было как-то обойти, например, подослав к нему Надю — он ради неё всё сделает, — то Юра останется непоколебим как скала: он и без Коли весь проем, даже не двигаясь, загородит.

На батарее у окна сидел Кочан и на мотив из песни «Старый клён» распевал:

Отчего, отчего, отчего мне так тепло?..

Оттого, что я сижу на батарее-эе-ээ...

Прозвенел звонок. Вошёл Кутас.

Все немного замешкались: всё-таки нечасто такое бывает, что бы Сергей Владимирович приходил вовремя.

— Значит, так, 7 «А»! На этом уроке все рассказывают стих, потом идете в столовую обедать...

— Травиться, — поправил кто-то.

— ...и после этого снова возвращаетесь сюда, в класс, будем отмечать Восьмое марта.

Уроков больше не будет.

Грянуло бурное «УРА!», а потом Кутас вызвал Игната рассказывать стих Пушкина «Узник».

— Может, давайте я вам вместо него песню какую-нибудь из «Короля и Шута» спою? — безнадежно предложил Кочан. И, не дожидаясь отказа, вскочил на парту.

Что тут было! Голос у Игната хороший, артистизма хоть отбавляй... С выражением пел, громко, и на колени вставал, и голову запрокидывал, и руки к сердцу прикладывал...

Потом последовала поэма в честь Ани Исрафиловой собственного сочинения, где Игнат страстно признавался ей в пламенной любви. Класс, который ещё не успел отсмеяться после первого выступления, совсем сполз под парты.

Когда парень выдохся окончательно, все, включая Кутаса, разразились бурными аплодисментами. Игнат поклонился на все четыре стороны и сел. Кутас поставил ему десятку и задал роковой вопрос:

— Молодец, конечно, а Пушкин?

— Да ну, Сергей Владимирович, устал я что-то... — отгородился от учителя Игнат русской литературой.

— Давай-давай! А то сейчас рядом с десяткой двойку поставлю!

— Ой, ну Сергей Владимирович... Ну не нравится мне это стихотворение, бессмысленное оно какое-то...

— Почему это?!

— Ну вот смотрите, — приготовился Кочан забалтывать Кутасёнка до конца урока. — «Сижу за решёткой в темнице сырой». Ну что это такое?

— А что тебе не нравится?

— Если он сидит в темнице, то отсюда логически вытекает, что там есть решётка. Так зачем писать? Далее: «Вскормленный в неволе орёл молодой» Ерунда? При чем тут орёл? И не жирно ли — целая темница для одного орла? Да и не современное оно, это стихотворение какое-то...

— Кочан!!! Ты вообще понимаешь, какую чушь ты несёшь?!

— Нет, а что? Ну, просто по-моему по-другому надо было как-то...

— Как же? — скептически поинтересовался учитель.

— А вот хотя бы так, — охотно начал Кочан:

Сижу я на вокзале

С протянутой рукой...

Но закончить ему не дали:

— КОЧАН!!! ТЫ СТИХ РАССКАЗЫВАТЬ БУДЕШЬ?!!!

— Ну ладно, ладно, иду уже, — вздохнул Игнат, успевший за это время переписать стих к себе на ладонь и, почесав белобрысую макушку, вышел к доске, прочитав произведение всё с тем же вдохновением.

— Эх, хорошо рассказываешь, — вздохнул Сергей Владимирович.

— Да, конечно, меня уже в Америку в Белый дом пригласили, стихи читать, у нас контракт на тыщу баксов... — согласился Кочан.

— Угу, угу... Шилин, прекрати мазать стул корректором!.. Лакизо, рассказывай Пушкина!

— Олечка! — поправила Оля, вставая с места и начиная читать, старательно скосив правый глаз в открытую книгу.

Но Кутасу это почему-то не понравилось, и он велел Оле выйти к доске, чтобы возможности посмотреть в книгу у неё не было.

Ну, Оля и вышла. Вместе с книгой.

Кутас вздохнул:

— Нет, ну что сейчас дети делают на уроках?!

— Ждут звонка! — уведомил его Андрей.

Кутас снова издал тяжкий вздох, признавая его правоту.

\* \* \*

В столовой как обычно было шумно, людно и дымно. В общем, школьно.

— Приятно подавиться! — радостно пожелали мальчики девочкам.

— И вам того же! — ответствовали последние.

Надя и Вера без особого интереса ковырялись в гречневой каше такой жидкой консистенции, что вначале все решили, что это суп. Люба по дороге в столовую куда-то смылась, на ходу попросив, что бы ей успели урвать у Шуйского кружечку чая до того, как он расплещет его из чайника по всему столу.

Ну, урвать-то они урвали, но Шуйскому чем-то приглянулся именно этот стакан, так что приходилось смотреть в оба глаза: одним на чай, другим на Андрея, так что девочки к приходу Любы чуть не окосели.

— Я следила за Жигаловым! — заявила она, отодвигая супоподобную кашу и придвигая чай. — Он с этой, Дашей Дранько, которая на шпильках ходит — фу, теперь точно эту гадость никогда в жизни не надену, — всё под ручку ходил, ходил всё это время, как мы с ним поссорились, а сейчас я увидела, как они ругаются. Ну, остановилась, поглядела — как они друг на друга орали! Короче, всё, — Люба с чувством глубокого удовлетворения глотнула горячего чая, держа стакан обеими ладонями и грея руки. Потом поставила кружку и добавила: — Ты, Вера, была права. Свинья он. Эй, Шуйский, пенёк, отдай мой чай!!!

Андрей, хохоча, понесся по столовой. Люба за ним, отставая буквально на два шага. Оглашая окрестности дикими воплями, они петляли между столов и табуреток. Кое-кто начал делать ставки. Не вписавшись в поворот у выхода, Люба налетела на Андрея, из-за чего парень выплеснул полстакана на вошедшую Гарпию, но зато Люба наконец схватила Андрюху за шиворот. Попыталась отнять стакан, но Шуйский, надрывно выкрикнув «не доставайся ж ты никому!», вылил остатки чая Машке на голову.

Теперь приходилось убегать уже от неё. И выглядела Машка в своем свитере канареечного цвета, бардовых штанах, оранжевых сапогах, с потеками чая на круглых очках



и яростно растрёпанными кудрями куда более устрашающе, чем Люба.

Гарпик Ирина Николаевна тем временем наметанным учительским взором оценила ситуацию, поглядела на пятно на кофте и протянула руку, чтобы схватить пролетающую мимо парочку, но поскользнулась на разлитом на полу борще.

Люба, Андрей и Маша не менее наметанным взглядом оглядели столовую, где кроме их друзей — Веры, Нади и Игната — почти никого не осталось (Маргарита благо разумно смылась с места событий) и, пока Гарпия ещё не пришла в себя, дали дёру.

У входа в класс образовался затор. Дверь в кабинет Кутаса № 339, обычно всегда распахнутая, на этот раз была закрыта. 7 «А» столпился в коридоре и оглушительно, едва ли не истерически хохотал.

— Что случилось? — изумилась Вера.

Оля, прислонившись к колонне, чтобы не упасть от смеха, с трудом ответила:

— Кутас... ой, не могу... Кутас... запер сам себя в кабинете, а ключи в окно выкинул!

— Как?! Он что, совсем дурак?

— Да нет, — вмешалась Полина. — Он дверь закрыл, чтобы хоть на перемене пару минут в тишине посидеть...

— ...открыл окно, чтоб кабинет проветрить... — подхватила Оля.

— ...облокотился на подоконник, держа ключи в руке... — продолжила Аня.

— ...а тут типа ветер подул... — влез Шилин.

— ...вот он ключи и выронил! — торжествуя закончила Полина. — Всё, кабинет закрыт на замок, а ключей нету! Позвонил Ане Исрафиловой на мобильник, чтоб та старосту, то есть Нату, позвала. Ната пришла, сначала ключи в клумбе искала, не нашла. Пошла звонить плотнику. Будут дверь выламывать.

7 «А» содрогнулся от смеха с новой силой.

Пришел плотник. Не спеша, с толком, с расстановкой отвинтил винтики на петлях, на которых держалась дверь. Все жадно внимали. Некоторые «Вызволнение Кутаса» снимали на камеру. У Кочана родились стихи:

Сидит за решёткой в темнице сырой

Кутас несчастный, наш классный родной.

Весёлые дети, махая руками,

Из-за дверей подают ему знаки!

— Во! Очередной шедевр, подаренный мною миру! Куда там вашему Пушкину! — хвалился Игнат.

7 «А» согласился, что Пушкину до Кочана далеко, а Аня чмокнула парня в щёку.

Наконец дверь была снята, и в проеме показался лохматый, крайне смущённый, но вполне живой Сергей Владимирович.

Ребята принялись дружно поздравлять его с выходом на свободу, Федя, который снимал происходящее на камеру, захотел взять у него интервью или попросил хотя бы просто сказать несколько слов в камеру.

Сергей Владимирович и от того, и от другого отказался, а потом решительно выгнал девчонок с третьего этажа (обычно выгоняли просто за дверь, в коридор, но двери-то больше нету!), чтобы парни смогли подготовиться всё к празднику.

Торжество удалось на славу. Сначала ребята устроили для девчонок несколько конкурсов: кто галстук быстрее завяжет (точнее, вообще завяжет), кто с закрытыми глазами определит с какой приправой чипсы, у кого самая длинная стружка кожуры при чистке

картошки получится... «Угадай мелодию» конкурс был, на стихи (Вера получила высший балл за стих:

«Это роман можно читать,  
А историю нужно учить,  
Нельзя никак на истории спать,  
Нужно её очень любить!»),

хотя некоторые обвинили её в плагиате, решив, что она подслушала это произведение у Барисовой).

Ещё пацаны притащили из дома кучу старого барахла: застиранные кофты, варежки на резинке, семейные трусы, платки, галстуки, юбки, зимние мохнатые шапки — и велели девушкам выбрать себе из парней по модели и нарядить в эти вещи по своему усмотрению, а потом ещё и накрасить. Выглядели мальчики шикарно! Особенно Максим, которому на этот раз даже ссылка на подготовку к олимпиаде не помогла.

Потом настал черед подарков. Ими оказались... носки и кусок довольно вонючего хозяйственного мыла. «Чтоб стирать учились!» — ехидно отметил Коля Прохор. Причем какие носки! С Винни-Пухами, божьими коровками, в разноцветный горошек... Оля, при виде такого «детсадовского великолепия», едва не задушила Андрея одним из своих носков с красными телепузиками. Любе же Федя преподнес носки с двумя вышитыми борцами сумо, сжимающими друг друга в объятиях. В одном из них девочка обнаружила очередную записку с признанием в любви.

Люба весь вечер сидела гордая.

Потом пацаны под аккомпанемент своей уже давно устоявшейся музыкальной группы (Андрей, Федя и Кутас играют на гитаре, Юра сыграл на фортепиано, которое приволок из «Сялянской хатки, а Коля — на баяне) под нежную мелодию (которую Юра попытался сыграть, переключив тембр звучания фортепиано на «барабан») исполнили поздравительную оду в честь девушек, а после этого, под бурные аплодисменты и радостные вопли, достали из-под учительского стола четыре торта, лимонад и всё остальное, прилегающее к настоящему празднику.

Правда, Кутас напомнил, что со следующей недели начинается дежурство, а потом ещё надо репетировать «Ромео и Джульетту»...

\* \* \*

## ДЕЖУРСТВО

Понедельник.

Во время дежурства класса учеников по расписанию, составленному старостой, по дням распределяют на посты: при цветах на каждом этаже, при раздевалках, у входа в школу, в учительской и в столовой. При дежурстве в столовой можно носить джинсы и не ходить на уроки, из-за чего оно пользуется особенной популярностью.

По идее, на дежурстве при цветах каждый должен оставаться на своем посту: по человеку в каждом конце этажа правого и левого крыла гимназии.

Но Вера, Надя и Люба решили, что так неинтересно, и вместо этого неторопливо прогуливались по школе, изредка навещая свои посты.

— Оля ведь обещала помочь узнать настоящее имя Паши! — уверенно сказала Надя.

— Но в учительской с Олей дежурит Вера! — возразила Люба. — А мы с тобой в этот

день опять при цветах.

— Но вы же сможете подойти на одну переменную, — справедливо заметила Вера.

— Так ведь это же не на перемене! Нам надо будет дождаться начала урока, после того, как в учительской станет поменьше народу... Ой, ну я не знаю. Посмотрим по ситуации. В любом случае, такого шанса больше не представится. Мы будем на некоторое время подходить к вам на каждой перемене, если создастся благоприятная ситуация... — Люба осеклась, так как в этот момент мимо пролетел Шуйский, помахивая журналом с устрашающего вида микросхемами на обложке. — Андрей, стой! — парень резко затормозил. — Ты в столовке? — Люба красноречиво покосилась на его старые джинсы. Андрей кивнул. — И как там?

— Да всё нормуль! Правда, повариха психованная... А как поглядишь, как они там посуду моют, так в жизни больше есть не захочется.

— А кто с тобой? Как обычно, два пацана, две девчонки? Так всегда будем дежурить?

— Ты чё, где в нашем классе столько парней взять? Нас всего девять на семнадцать девчонок... Не, это только сегодня я, Кочан, Аня и Оля. А вообще по четыре девчонки дежурить будут. Игнат и завтра дежурить будет, у Наты выпросил, хочет побольше уроков прогулять... — с завистью рассказал Андрей. — А, кстати! Он, в смысле Кочан, живого таракана съел!

— КАК?!?!?!?

— А просто, — Андрей с удовольствием присел на ступеньку на лестнице, чтобы лучше рассказывалось. — Сидим мы, значит, в наш законный перерыв — ну, когда все поели и мы всё за ними убрали, а заново раздавать ещё рано, — сидим, играем в карты. И ТУТ... Вылезает на стол ТАРАКАН. Здоровенный!.. Анька, ясен пень, визжит, как бензопила, Оля слава богу, покрепче, но тоже на батарею с ногами залезла. Небось боялась, что таракан за ней с топором гоняться будет, делать ему больше нечего... Ну а Игнат ка-ак завопит — наверно, чтоб самому не так страшно было, — и ка-ак схватит этого несчастенького тараканчика!.. Стоит, держит его, а тот лапками дрыгает. Ну и чё-то начали они с Исафилкой спорить, и деспорились до того, что Кочерыжка за пятьсот рублей этого таракана уплетёт без соли и без лука... Я, честное слово, пытался его защитить! Таракана, конечно, а не Игната. А тот... Игнат, в смысле... Его... в смысле таракана... уже в рот запихнул. С криком «Ради тебя, любимая!» — это он, наверно, Ане, вряд ли таракану. Прожевал, маленький кусочек выплюнул и проглотил. Аня чуть в обморок не упала, — закончил Андрей и, чуть откинув назад и вбок голову, как художник на свой шедевр полюбовался позеленевшими лицами подруг. — Ну ладно, я пошёл, мне ещё в компьютерный класс заскочить надо... — пацан вскочил с лестницы и исчез в неизвестном направлении.

— Ф-ф-у-у-у, — наконец выдохнула задержавшая дыхание во время рассказа Надя. — Пошлите быстрее на первый этаж, мне нехорошо...

— Надя, — осторожно сказала Люба, внезапно схватившись за перилла и глядя за спину подруги.

— ...Кочан совсем обалдел, его что, не кормят, что он начал тараканов жрать?..

— Надя, — сказала уже Вера, глядя туда же, куда и Люба.

— Ну, что, что?

— Да ничего особенного, ты только не нервничай, дыши глубже, помни, здоровье не покупается... И медленно-медленно повернись на сто восемьдесят градусов.

Едва не доведенная такими речами до инфаркта, Надя резко обернулась.

По вестибюлю под ручку прогуливались Паша в своем любимом жёлтом галстуке и чёрном костюме и Дранько Дарья в юбочке с оборками.

Вторник.

В конце апреля должен был, как обычно, состояться конкурс, на котором выбиралась лучшая школа района. Определялась она по двум критериям: внешнему виду, который оценивала специально созданная инспекция и приезжие учителя из других городов, и по количеству занятых на олимпиаде мест.

По последнему 201-ая школа вот уже который год обходила гимназию, и все надежды возлагались на юного гения: Горлача Максима. Все в школе знали, что именно он должен будет привести гимназию № 4 к победе, как знали и о споре Мороз Ольги Игоревны с директрисой 201-ой школы на бутылку шампанского.

И естественно, что в таких условиях отношения между учениками двух соседних школ накалились до предела.

Люба сидела в столовой на батарее спрятав лицо в ладонях и мечтая о том, чтобы эта паршивая неделя поскорее закончилась.

День не заладился с самого утра. Сперва не удосужившаяся заранее узнать расписание дежурства Люба выяснила, что дежурит в столовой не с Надей и Верой, которые сегодня стоят на входе, а с Кочаном Игнатом и Шилиным Федей. Ужас. Да ещё только втроём. А эти двое, естественно, особо работать не рвутся, так что всё пришлось делать самой. Да ещё и пристают, гады...

Устала Люба ужасно. Закатила парням скандал с битьем казённых стаканов и заставила хоть для старшеклассников столы накрывать без её участия, а сама села и настроилась на заслуженный отдых.

А ещё, один из парней, в которого Люба собиралась влюбиться, почему-то никак не обращал на неё внимания, что её очень печалило.

И даже Вера с Надей ни разу навестить не пришли, наверно, всё учеников в джинсах вылавливают, долг перед родиной исполняют... Если преступники леденцами не откупятся, или ещё чем... Вообще, дежуря на входе, очень даже прилично подзаработать можно, если никто из преподав не засечёт, как ты взятки берешь, конечно.

У дверей послышался шум и приветственные восклицания Феди и Игната. Люба подняла голову. Это пришли прогуливающие Оля, Аня и Андрей.

— Привет, Любава! — Аня Исрафилова со вздохом плюхнулась на табуретку рядом с девушкой. — Чего сидим кислые, как прокисший кефир?

— Мне плохо. Дайте умереть спокойно.

— Да ладно тебе! Встряхнись давай, перемена через двадцать минут. Затопчут, если будешь рассиживаться.

— Кстати, у нас гости, — сообщила выглядывающая в окно Ольга.

— Кто?

— Не знаю по имени, но вообще трое отморозков из 201-ой.

— Фу-ты, этим-то что здесь понадобилось?! — возмутилась Аня.

— И с ними этот... Отличник их, который ихнюю школу на первое место вытягивает.

— Этот уродский заносчивый болван?! Ты серьезно?

— Нет, шучу, с первым апреля! — фыркнула Олечка.

— Терпеть не могу этого сноба! Так кичится этим своим первым местом, что просто тошнит! Куда ему до нашего Максима! Максим, он у нас скромный такой, не хвастается, не выпендривается, да ещё и вежливый!

— У-у-у, а Исрафилке Максим нравится, — захихикал Игнат.

— Молчи, Кочерыжка несчастная... Люба, ты-то чего всё молчишь?

— А того, что мне сегодня ещё надо пережить эту столовую, подготовиться к самостоялке по физике в четверг, сходить к зубному, провести генеральную уборку перед гостями, сделать уроки на завтра, постричься и после всего этого не сдохнуть...

— Тебе срочно надо встряхнуться! — авторитетно заявила Аня. — Вон Федя вам компот и кашу с сосиской бесплатные принёс, за счет столовой... А Игнат — пирожки со сгущёнкой...

— Ты типа слишком много сегодня работала, — Федя сурово ткнул в девушку сосиской, насаженной на вилку.

— Ага, а почему? Потому что кое-кто — не будем показывать пальцами — преспокойно продрых весь первый урок, а потом заявил, что ему нужно куда-то там сбегать, а потом принялся читать одолженный у Юрика журнал с компьютерными играми...

— Да ладно тебе, — примиряюще махнул пирожком в Любину сторону Игнат. — Сейчас-то мы работаем. Вон, уже всё расставили.

— Слушайте, как зовут их отличника? — наморщив лобик спросила Аня. — Никак не могу вспомнить...

— Да как-то... То ли Македонский, то ли Макаронский... Ну, точно, Макаронский! То есть нет, Макаронкин! Во! — сказала Оля.

— И это кто ж там поминает мое имя всеу? — ехидно осведомился появившийся в широких дверях столовой Макаронкин. — О, Люба! Кого я вижу! Это ты с Жигаловым на нашу тусовку в январе приходила? А это правда, что он тебя отшил?

— Отвали.

— Значит, правда?

— Отвали!

— Так правда или нет?

— Отвали!!!

— Не, ну раз ты такая молчаливая, значит, точно правда...

— А ну отвали, ща как... ткну вилкой!.. — девушка наставила испачканный в кетчупе столовый прибор на Макаронкина.

— О! Я в ужасе! — притворно расширив глаза от страха замахал руками парень. Его дружки заржали.

— Что, не боишься? — Люба покраснела от гнева и опасно сощурила свои кошачьи, чуть раскосые миндалевидные глаза.

— Я же сказал: я в ужасе! — напомнил Макаронкин. — Так что успокойся! — пацан с улыбочкой повернулся к девушке спиной.

Люба успокоилась. Успокоилась, глубоко вздохнула, прицелилась и... ткнула парня вилкой в весьма объемный и, следовательно, представляющий из себя удобную мишень зад.

Макаронкин взвизгнул и подпрыгнул от неожиданности, резко разворачиваясь.

Андрей и Федя предусмотрительно загородили Любу собой, оттеснив её в угол.

— Ты... Ты... Вы... — у Макаронкина просто не было слов.

— Да? Мы тебя внимательно слушаем! — завершила Оля, вооружившись пустым железным чайником с полуотломанной ручкой. Аня взяла в руки по пирожку со сгущёнкой, приготовившись метнуть их в физиономию первому, кто сделает резкое движение.

Но Макаронкин не стал утруждать себя произнесением речей, а просто сгреб в горсть гречневую кашу с тарелки и залепил ей Шилину в лицо. На минуту повисла пауза: все с интересом смотрели, как Федя недоуменно промаргивается, счищая кашу с длинных, до плеч, крашенных волос и спускавшейся на глаза челки. Выглядел он при этом так забавно, что драка притормозилась.

Первым опомнился Кочан и с воплем «Полундра! Наших бьют!» стукнул гигантским половником для разливки борща одного из двестипервовцев по темечку.

Сигнал к атаке был дан.

Оля с Андреем кинулись в драку: медлительный дружок Макаронкина просто не успевал попасть по шустрому и ловкому парню, впустую молотя кулаками воздух и получая болезненные уколы вилкой, признанной Шуйским действенным оружием, а Ольгу уже сам Макаронкин побаивался (её натренированная фигура любому внушила бы здоровые опасения), поэтому прежде чем дать пацану табуреткой по кумполу, девушке сначала пришлось догонять истошно вопящего об ущемлении прав человека Макаронкина.

Федя с Любой держали круговую оборону, размахивая полуразвалившимися чайниками и пытаясь не подпустить к себе второго спутника отличника.

Игнат в основном бегал по столовой, перепрыгивая с одного стола на другой, подбадривая своих высокопарными репликами и отпуская в адрес двестипервовцев ехидные комментарии.

Аня избрала партизанский вид борьбы. Она быстро сообразила, что кидать целые пирожки, заряженные сгущенкой, нерационально, и поэтому отрывала и швыряла из-под стола по маленькому кусочку, стараясь попасть по лицу.

И естественно, что за таким увлекательным занятием никто из дерущихся не услышал звонка, после которого в столовую стали стекаться ученики и... учителя. Которым, особенно Ольге Игоревне, очень не понравилось то, как ведут себя дежурные...

Среда.

Надя ходила мрачная, с покрасневшими глазами уже третий день. Сегодня они с Любой слиняли на некоторое время с дежурного поста и сидели в кафе и пили сок. На горизонте маячила операция «Учительская».

— На-а-а, ну что ты сидишь такая грустная? — спросила Люба, заметив, что Надя молчит ещё дольше, чем обычно.

Надя только вздохнула. Хотя потом, подумав, всё же ответила:

— Не буду я, наверное, Пашино настоящее имя узнавать.

— Господи, так ты из-за этой Даши расстроенная такая ходишь?! Да ну тебя. Она с половиной школы встречается. Твой Пашечкин мигом её раскусит. Он же просто про тебя пока ещё не знает! А эту Дранько мы с тобой... Ой, вон она, кстати, идет... — в дверном проеме под руку с Пашей вошла красавица Дарья в мини-юбке, тут же заслужив два ненавидящих взгляда. — Нет, ну она как за нами по пятам ходит! У меня Вову отбила, у тебя Пащу... Как назло, специально!.. У-у-у, выскочка... Эй, ты только не плачь!.. Слышишь, не смей плакать! А то возьму и расскажу всему классу, что ревёшь по ночам и сморкаешься в подушку!

Надя поперхнулась очередным всхлипом и у неё на лице появилась едва заметная улыбка.

— Я тебе точно говорю, как специалист в таких вещах — всё-таки опыта у меня побольше, чем у тебя, а ты же моему мнению доверяешь? — долго она с ним ходить не будет. И она ему серьезно не нравится. И вообще, за парня тоже надо бороться! Ты же его не разлюбила, нет? А разве не надо знать имя любимого человека, даже если он пока и ходит с другой? Так что дерзай! Разделяй и властвуй! Тьфу, нет, это уже из другой оперы... Короче, допивай сок и пошли!

Настроенная на боевой лад Надя залпом выпила содержимое стакана, встала и, чеканя шаг, вышла из кафе.

Девочки бегом поднялись на второй этаж и во весь дух припустили к учительской.

Оля с Верой уже поджидали их.

— Привет! — возбужденно поздоровались они. — Всё идет как по маслу. У 10 «Б» сейчас физра, а физрук к себе на урок никогда журнал не берет. Как у вас дела?

— Нормально. Оля, ты Верке рассказывала, какую мы вчера в столовке потасовку устроили? Оля Макаронкину кастрюлю с... хм... макаронами, извините за каламбур, на голову надела!

— Да... — протянула Ольга, разглядывая свои наманикюренные когти. — Жаль, нас Мороз накрыла...

— Ну! Да ещё и наказание такое дала... Кроме замечания в дневник и звонка родителям, разумеется.

— Какое?

— Да стенгазету сделать! Ё-моё! Мне статью «Искусство», Ольге — «Спорт»... Пацанам — не знаю, но они ходят не очень счастливые.

— Через три минуты звонок, — предупредила Вера.

— Эй, народ, слушай, а на фига звонок ждать? — спросила Оля. — Гляньте, в учительской никого нету.

Девочки одновременно заглянули в помещение.

— Ну да. Что, прямо сейчас?..

— Ну ясен пень. Чё сидеть, ждать у моря погоды? — махнула рукой Олечка, первой заходя внутрь.

Вера шмыгнула следом, поспешно нашаривая ключ, что бы при первых признаках появления учителя притвориться, что они всего лишь закрывали шкаф.

— 10 «Б», — пробормотала Оля, водя рукой по корешкам журналов. Надя шумно дышала ей в затылок. — Вот! Так, когда у него там эта десятка по химии была?

— Двадцать восьмого января, — благоговейно прошептала Надя, которой, видимо, эта дата навечно врезалась в сердце. Люба стояла на стрёме возле двери.

— Ага. Вот оно. Начнём с конца. Шумилина Екатерина. Пойдёт?

— Нет! — обиженно сказала Надя.

— Так, идём дальше... Кумышев Артём... Он такой лысый, прыщавый и с приплюснутым носом. Твой?

— Оля!!!

— Ну ладно, ладно... О, остался один! Баран Павел. Точно! Я и сама вспомнила, в жёлтом галстуке — это Баран.

— Баран?!?!?! — возмущённо завопила Надя. Люба и Вера сложились пополам от

хохота.

— Ну... Зато ты... Ой, не могу... Угадала его имя. Паша... Любящее сердце подсказало... О-о-ой... — простонала Вера.

— А что Баран — так ты при замужестве просто фамилию не меняй, если тебе не нравится, и все дела, — философски сказала Оля.

— Шухер, девки! Котик припёрся! — шикнула Люба, заслышав в коридоре шаги физрука, носящего милую и пушистую кличку.

Оля поспешно сунула журнал в шкафчик, Вера загремела ключами.

— Девочки, это что это вы тут делаете? — осведомился Котиков, входя.

— Да так, ничего, дежури́м! А они с нами за компанию стояли! — заявила Вера, вытаскивая друзей в коридор. Следом вышла Оля.

— Эх, хорошо, одной проблемой меньше. Ну что, теперь на уроки? — спросила Вера, вместе с друзьями шагая по коридору. — А Надя где? Эй, Надя, ты чего там застряла? — поинтересовалась девочка, оглядываясь. Надя по-прежнему стояла возле учительской, прислонившись к стене.

— Паша... — мечтательно произнесла она, блаженно закрыв глаза.

Четверг.

— А Надю при цветах с Прохором дежурить поставили. Она сначала, как узнала, хотела сама застрелиться, потом застрелить Колю, потом Кутаса, которому пришла в голову эта идея, потом всех сразу... Успокоилась, только когда я пообещала ей помочь взорвать школу — сразу после обеда, а то я есть хочу, — сообщила Люба, бренча ключами. Она и Вера дежурили при раздевалках, и в их обязанности входило открывать их опоздавшим, отпущенным с уроков и учителям, а так же следить, чтобы никто не сбежал с занятий.

— А ты сумеешь? — с сомнением спросила Вера.

— Ну, если сами не справимся, попросим Шуйского, он поможет! Ой, смотри, какой мальчик симпатичненький!

— Угу, — рассеянно согласилась Вера. — Ты лучше погляди туда! Да хватит на своего симпатичненького пялиться, у тебя таких штук двадцать! Ты за окно посмотри!

Люба, повертев головой, воскликнула:

— Ой! Котёночек! Хорошенький! Кис-кис-кис...

За стеклом на припорошённом снегом школьном крыльце в витиевато переплетающемся кружеве собственных следов сидел махонький, пушистый чёрный котёнок с белой грудкой и ярко-жёлтыми глазами. Выглядел он замерзшим и очень голодным.

— Ты что?! — остановила подругу Вера. — Какое «кис-кис»? Животных в школу нельзя! А мы ещё и дежурные. Ещё одну стенгазету хочешь делать?

Люба недовольно насупилась, но промолчала, признавая правоту подруги.

— А может, хоть в тамбур его пустить погреться? А? — неуверенно предложила она.

Вера заколебалась. Котёнка ей и самой было жалко. А через тамбур сейчас всё равно никто не ходит, холодно...

— Ну ладно, — решила она. — Иди приоткрой дверь, если зайдёт, значит, пусть сидит, а нет — так нет. А я на шухере постою.

Люба выскользнула в тамбур и приоткрыла входную дверь, впустив в помещение белую морозную пыль.

Котёнок, казалось, только этого и ждал. Сорвавшись с места, он молнией влетел в



тамбур, а потом, через приоткрытую дверь, за которой стояла Вера — в холл гимназии. Не рассчитав скорость, он пролетел через весь коридор, врезался в штандарт от флага Беларуси и опрокинул его вместе с цветочным горшком с гигантским папоротником, в котором старшекласники так часто прятали бутылки с пивом и сигареты.

Истошный мяв и грохот слился с воплем подруг, кинувшихся его ловить. Вера, запоздало захлопнув дверь, которую бежавшая сзади и не успевшая затормозить Люба открыла лбом, кинулась к коту.

Славный представитель семейства кошачьих, увидав погоню, подскочил и запрыгнул в будку к вахтёрше-Церберше, мирно посапывающей в газетку.

Ключи от кабинетов и раздевалок разлетелись в разные стороны, так как испугавшаяся Церберша опрокинула доску с гвоздями, на которых они висели, а котёнок ринулся по направлению к лестнице, где в этот момент нарисовалась Былина.

Чёрная бестия использовала педагога-организатора гимназии в качестве трамплина: зацепившись когтями за длинную юбку с орнаментом, котёнок взобрался по ней наверх и, оттолкнувшись от о-очень пышной груди Валентины Васильевны, вскочил ей на рыжую голову, а оттуда совершил над изумленными учениками феноменальный прыжок и через широкие двери драпанул вверх по лестнице.

Вслед за ним понеслись две подруги, за которыми потянулась топа любопытных, сбивших Былину с ног.

— Шо гэта было?! — воскликнула она и вместе с Цербершей присоединилась к погоне.

Котёнок тем временем впрыгнул в кабинет директора, расцарапав его обладателю руку, из него выбежал в учительскую, уронив шкафчик с журналами, а оттуда снова в коридор.

Вера с Любой, а также другие ученики и учителя, в процессе присоединившиеся к ним, по инерции тоже попытались протиснуться в кабинет директора, но, естественно, застряли в дверях, а когда снова выпихнулись в коридор, котёнок был потерян из виду.

К обескуражено застывшим подругам протиснулась Надя и потребовала «доложить обстановку».

Подруги, не таясь, поведали про свою оплошность (правда, очень тихо и убедившись, что поблизости нет учителей).

А все уроки в этот день были сорваны. Учителей постоянно вызывали с уроков по самым разнообразным причинам: то кот поронял все швабры в чулане, то вылил воду из ведра в женском туалете, то размотал три рулона новой туалетной бумаги, гоня её по всему третьему этажу как клубок ниток, то посваливал цветочные горшки возле кабинета Барисовой, то в спортзале прогрыз угол у коробки с теннисными мячиками, и они раскатились по всем углам, а физрук Котиков, наступив на них, упал и едва не сломал себе руку...

В общем, к концу третьего урока школа напоминала военный лагерь, а кота искали все, начиная с последнего первоклассника и технического персонала и заканчивая собственно директором.

Ситуация осложнялась тем, что не было того, кто мог бы навести во всём этом винегрете порядок: Ольги Игоревны.

К концу пятого урока от разгневанных поваров поступило сообщение, что негодник осел в районе кухни, предварительно перевернув лёгкие неустойчивые колченогие табуретки в столовой, упав в кастрюлю с супом и стащив две котлеты.

В смежных столовой, кафе и кухне перекрыли все входы и выходы, в место дислокации

врага набилось полшколы (потому что остальные полшколы воспользовались неразберихой, отсутствием дежурных и Церберши и слиняли домой).

В первых рядах Барисова Тамара Ивановна громовым басом призывала найти преступника. Участники операции рассредоточились и принялись прочёсывать местность.

Однако наглый кошка явно издевался. Он не то что не вышел сдаваться, но даже и не сидел тихонечко в своём уголке! То и дело то в одном месте, то в другом раздавалось его ехидное мяуканье.

В столовой всё перевернули вверх дном. То, что не переворачивалось, тщательнейшим образом обыскивали. Особенно старались Вера с Любой, чувствуя свою вину.

Тут дверь распахнулась и на пороге появилась Мороз. В этот момент Вере она показалась очень похожей на древнюю воительницу или даже богиню из другого мира: идеально уложенные прямые серебристые волосы, ястребиный профиль и ярко-жёлтые глаза, а за спиной развивается жемчужно-серый, под цвет волос, плащ.

Все кинулись к заместительнице директора, а Люба спросила:

— Эй, а где Надька?

Вера растерянно оглянулась. Нади и впрямь не было.

— Куда ж она подевалась?.. Только что же здесь стояла!..

Девочки стали пробиваться сквозь гомонящую толпу учеников, озираясь по сторонам.

— Вон она! — воскликнула Люба, когда они вышли в коридорчик, ведущий в кухню и соединяющий кафе со столовой. — Эй, Надь, ты что там делаешь?

Девочки подошли поближе. И обомлели.

Надя сидела на полу, прислонившись к стене, и с блаженной улыбкой гладила утробно мурлыкающего и приканчивающего очередную котлету котёнка, по пояс вымазанного чем-то жирным и с кусочками морковки и петрушки в шерсти — последствиями купания в кастрюле с супом.

— Э-э-э... Надя? — неуверенно начала Вера. — Ты же вроде не любишь животных? Особенно бродячих? Ты не боишься, что он... э-э... ну, заразный какой-нибудь там, а?

— Не люблю, — согласилась Надя. — Но он же такой хорошенький! Пушистый! У-у, пуська!

— М-да-а, — протянула Люба, изумлённо переглянувшись с Верой. Но вид у обеих был довольный. А потом они побежали звать Мороз.

Ольга Игоревна, наслушавшись от коллег рассказней о монстровидном коте-мутанте, была слегка удивлена, принимая из Надиных рук маленького, пушистого (по пояс) котёнка.

— Интересно, как же он всё-таки попал в школу? — задумчиво спросила она.

Люба и Вера скромненько промолчали.

## Глава 13. Театр начинается с вешалки

— Здорово, о чём речь? — поинтересовались три подруги, подходя к 339-ому кабинету, в который уже вставили двери. Кутас, который наконец вспомнил, что меньше чем через неделю надо будет представить на общественный суд «Ромео и Джульетту» и назначил на понедельник, то есть на сегодня, первую репетицию, как всегда опаздывал.

Привыкший к этому 7 «А» что-то увлечённо обсуждал, столпившись у закрытой двери.

— Спорим, кто сейчас больше зарабатывает! — ответила Оля, сплюнув жвачку на пол и поправив ремень красных бридж со стразами.

— Те, кто кражей людей занимается! — авторитетно заявил Прохор. — Я по телику смотрел. Они крадут, например, ребёнка из богатой семьи, а потом выкуп требуют!

— О! Народ! Слушайте, а давайте украдём Игната! Точнее, он сам украдётся. А деньги потом между всеми разделим и ему тоже дадим, а то он давно говорил, что если ему Барисова двойку за четверть по истории Беларуси влепит, то ему на карманные расходы давать не будут, а она точно влепит, вот ему это и будет вместо карманных!.. — предложил Андрей. — А вообще больше всего зарабатывают шахтёры...

— Ну, пошлите в шахту! Постучим молоточками с полчаса, огребём тыщонку-другую баксов... — размечтался Кочан. — А я вообще скоро миллионером стану! Художником! Я шедевр нарисовал!

— Это какой же? — заинтересовался класс.

— А во! — Игнат залез в сумку и вытащил оттуда довольно мятый и заляпанный жирными пятнами листик в клеточку. Потом развернул. Там был нарисован салатный более-менее равнобедренный треугольник.

— Ну и? Это что, хочешь сказать, твой шедевр?

— А то! Знаете такой «Чёрный квадрат» Малевича? А это — «Зелёный треугольник» Кочана!

— Угу, смотри только звёздной болезнью не заболеешь, гений! — насмешливо сказала Аня, взмахнув в сторону Игната ярко-оранжевыми ресницами.

— А вообще и лингвисты много зарабатывают, и программисты... — размеренно произнёс добродушный Юрик, жуя яблочко. — Главное раскрутиться, а там любая работа может быть прибыльной! Яблочко кто-нибудь хочет?

— Я!!! — протянулось к Юрасю с полдюжины рук.

— Интересно, Кутасёнок сегодня вообще появится или нет? — поинтересовалась получившая яблоко Машка, поправляя на носу очки и встряхивая невообразимо пышной гривой. — Может, опять забыл?

— Нет, уже идет, я ему только что звонила! — объявила Скуратова Марго, подходя к подруге и перекидывая через плечо заплетенные в косу волосы, — Маш, дай я об тебя руки погрею!

— А вдруг он по дороге сюда забудет, куда идёт? — фыркнула Вера.

— Ага, с него станется... Вы про поход в поликлинику вспомните! Сначала он забыл, что мы должны были идти вместе с 9 «Б» в пятницу, пришлось идти вместо уроков в понедельник, потом опоздал на два часа, потом привёл нас в поликлинику, и выяснилось, что он забыл нам сказать, что обследование должны проходить только те, кому уже есть

тринадцать лет, потом вспомнил, что забыл сказать нашим учителям, что мы на медосмотре и на уроках нас сегодня не будет...

— Оля, ну что ты за человек такой? — укоризненно произнёс появившийся на лестнице Сергей Владимирович.

Оля фыркнула и передёрнула плечами: мол, а вот такая я.

— Заходите, — вздохнул учитель, открывая класс.

7 «А», толкаясь и переговариваясь, ввалился в помещение, рассаживаясь кто за парту, кто на парту.

Кутас раздал по увесистому томику Шекспира на парту.

— Роли бы что ли для начала распределили? — неуверенно предложил он.

— Сергей Владимирович, представляете, даже я прочитал! — похвастался Игнат, обмахиваясь своим «шедевром».

— Молодец, ну прям вундеркинд! — ехидно похвалила его Аня.

— И я уже выбрал, кем буду! Я и Андрей! Я буду левой занавеской, а Андрюха — правой! — парни изобразили из себя занавески, которые разъезжаются в разные стороны.

— Кочан, не валяй дурака!

— Нельзя?.. Ну, ладно, тогда чур я буду этим... как его... братом Лоренцо! — поставил ультиматум Игнат.

— Ты — монахом?! — не поверил Кутас.

— А что?! Мне нужен новый образ... И вообще, я хочу наших Рому и Джульетту обвенчать!

— Не Рому, а Ромео, — поправил учитель.

— Да какая разница! Короче, я — монах, и точка!

— А вообще у нас на все мужские роли пацанов не хватает, поэтому я буду играть Балтазара, слугу Ромео! — решила Аня.

— А я буду самим Ромео! — заявил Федя.

— А кто Джульеттой?

— Люба, может, ты? — с надеждой предложил Фёдор.

— Не, там учить много. Я буду слугой кормилицы!

— А кормилицей будет Машка! — сообщила Марго. — А я — Капулетти и Монтекки!

— Что, и тем и другим сразу? — удивился Сергей Владимирович.

— Ага! Они там вместе только в самом конце, так там одного из них Машка сыграет!

— Почему только в конце?.. Там же ещё где-то было... — заметил Максим.

— Так мы ж не полностью ставим, а в сокращении!.. — возразила Аня.

— Я буду Тибальтом! — вскочил на парту Шуйский. — Я хочу на мечях драться!

— Андрей, слезь с парты. Давайте, у кого ещё какие предложения?

Через полчаса роли кое-как разобрали.

— А нам ещё нужны декорации, костюмы...

— А когда репетировать? У меня завтра музыка!..

— Мне монашеская ряса нужна!

— И мечи... Два хотя бы.

— А кто будет Джульеттой, так и не решили?!

— Там ролей на всех не хватает!..

— Стол нужен, табуретки, чайник с кружками...

— А где костюмы взять??!

— Сергей Владимирович, а мне роли не досталось!

— Я не хочу быть пажом!!!

— Где мой мобильник?!!!

— Сергей Владимирович, а вы можете хрюкнуть?

— А я кем буду?.. — растерянно спросила Надя.

— Табуреткой! — радостно предложил Андрей. — А что? Хорошая роль, не трудная, и учить много не надо, и при смене декораций уносить со сцены тебя не придётся, сама убежишь!..

— У нас аптекаря нету, вот им и будешь!.. — решил Кутас, пытаясь правильно соотнести в списке роли и участников, ибо ученики никак не могли прийти к консенсусу и каждый перемерил не менее трех ролей, прежде чем окончательно определиться.

— А ещё нам нужен чайник, — заметила Наташа, записывающая список необходимых предметов.

— Тогда возьмём Андрея! — внесла предложение Полина. — Он полный чайник!

— Сама ты кофеварка! А для тебя я — электрочайник!

— Костюмы дома ищите, — велел учитель.

— А табуретки со столовой можно притащить! И чайник! Стаканов не дадут, можно и не просить...

— А вместо мечей я могу две антенны от телевизора принести! — сказал Андрей. — Я как раз один допотопный телик на помойке нашёл и разломал. Мамка потом жуть как ругалась, когда я его домой притащил (подумаешь, грязный, а я, видите ли, его на новый светлый ковёр поставил!..) и велела выкинуть, только я трансформатор и антенну под столом спрятал...

— Это одна. А вторая?

— А вторую я от нашего телевизора отломаю! — не задумываясь выпалил Шуйский.

Кутасу эта идея не очень понравилась, но так как альтернативы не было, пришлось согласиться на поломку телевизора.

— Вот и отлично, если что, я маме скажу, что это вы мне велели! — обрадовался Андрей. Кутас тут же передумал, но Андрей притворился глухим, немым и вообще недоразвитым.

Кроме того, так как у всех после занятий был миллион дел, которые ну никак нельзя отложить, пришлось пойти на уступки: снять детей с уроков.

Авторитет Шекспира, написавшего такое чудесное произведение, как «Ромео и Джульетта», в глазах 7 «А» вознёсся до небес.

\* \* \*

— Значит, так, — велел Кутас. — Я отпускаю вас с уроков, чтобы вы успели сходить домой пообедать — слышишь, Оля, пообедать, а не покурить за школу! — но вы должны пройти очень-очень тихо, так, чтобы вас никто не слышал! Сначала в раздевалку идут девочки, через три минуты мальчики, а ещё через три минуты — Кочан и Шуйский!

7 «А» захихикал. Всё-таки своего классного они любили. И пошутить может, и ошибки в контрольных не все замечает... Где ещё второго такого возьмёшь?

Через час Вера с Любой сидели за первой партой. Люба, почёсывая сморщенный нос, вглядывалась в ксерокопию сценария. Начальный экземпляр был написан от руки, а почерк

оказался довольно неразборчивым, видимо, писали в сильной спешке. Неудивительно — концерт через три дня!

— Какой дурак это написал?! — возмущалась девочка.

— Как какой? Тут же написано — Шекспир! — удивилась Вера.

— Да нет, сценарий кто так написал? Они что, левой ногой писали?..

— Нет, правым ухом! — обиделась входящая с табуретками из столовой Наташа, чьему перу принадлежала ксерокопия.

— Не может быть! У тебя же такой почерк хороший! Всегда списывать удобно было!

— Да я спешила ужасно... Фух, — староста поставила железные колченогие табуретки в угол. — Кстати, Вера, ты в курсе, что будешь Джульеттой?

— Какой Джульеттой?! — обалдела девочка.

— Зелёной в крапинку! — развеселилась втаскивающая чайники с отломанными ручками Полина, увидев Верино замешательство. — Это Кутас вчера Нате сказал.

**Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)**

— Кошмар какой, — выдохнула девочка, оседая на стул.

— Да нормально всё, выучишь, у тебя же память хорошая... — сказал вошедший Кутас. — Радько, опять в джинсах пришла?!

Люба, не вставая со стула, задрала ноги кверху, опровергнув замечание учителя, и вернулась к сценарию.

Постепенно подтянулся остальной класс. Началась репетиция.

Кутас, чтобы его было видно над более высокими семиклассниками, с ногами залез на свой стол и, бешено размахивая шелестящим сценарием, выкрикивал команды и замечания:

— Игнат! Побольше смирения! И не надо постоянно таращиться на... Верину верхнюю часть ног! И не ори так! Смирения больше, покорности!.. Ты же монах!

Ночь сердится, а день исподтишка

Расписывает краской облака.

Как выпившие, кренделя рисуя,

Остатки тьмы пустились врассыпную. -

смирненно забубнил Кочан, путаясь в сшитой из домашнего покрывала в цветочек рясе.

— А ты, Оля, что, спрашивается, делаешь?!

Оля, играющая пажа молодого графа Париса, жениха Джульетты, которым был Максим, как раз репетировала отрывок.

Максим:

Едва услышишь шорох, свистни мне.

Давай цветы, и делай, как сказали.

Оля:

Сам свои цветы неси! Чего пристал?

И мало ли, что ты мне там сказал!..

О как я, аж в рифму!

— Ну, Ольга, и что это такое? Кто так со своим хозяином разговаривает?! Граф Парис же твой благодетель! А ты на него так смотришь, словно придушить хочешь. Федя, а у вас дела как?

— Я ваших рук рукой коснулся грубой...

Э-э-э... Что там дальше? — Фёдор деловито вытащил из-под пиджака листик и развернул. — Ага!

Чтоб смыть кошунство, я даю обед...

А при чём здесь обед? Он что, голодный? А! Обет, а не обед!

...Я даю обет...-

Федя нагнулся, чтобы поцеловать Вере руку. -

К угоднице спаломничают губы

И зацелуют святотатства след...

Тьфу, нитка в зубах застряла! Ты, Вера, перед тем как я тебя целовать буду, рукава, что ли, закатай...

— Где ты видел, чтобы на балу девушки рукава закатывали?! Я что, стирать собираюсь?

— Нигде, — согласился Шилин. — Я вообще типа ни одной девушки на балу не видел! Я и бала-то ни разу не видел!

— Полина! Наташа! — надрывался Кутас. — Вы же жёны злейших врагов! Леди Капулетти и Леди Монтекки! Вы друг друга терпеть не можете! А злейшие враги, тем более дамы, не сидят в своих платьях на одном столе болтая ногами, хихикая и жуя жвачку! Где ненависть во взгляде?

Девчонки посмотрели друг на друга, попытались соорудить зверские рожи, но тут же покатались со смеху.

Вот кто действительно соответствовал роли, так это Машка-Кормилица. Пухленькая, румяная, добрая, болтающая без остановки, вся в разноцветных платках и косынках...

— А ты, Люба, её служанка! — поучительно сказал Кутас. — Ты должна относиться к своей госпоже с почтением!

— Ничего я никому не должна! — возмутилась Люба.

— Должна!

— Нет!

— Да!

— Нет!

— Да!

— Нет!..

— Сергей Владимирович! — воззвал Андрей. — Мне с Юриком страшно драться! Он меня на две головы выше и в два раза шире! А я его ещё и убивать должен буду! Это будет выглядеть нереалистично! — в конце своей речи Шуйский ткнул антенной, играющей роль меча, Юру в бок. Тот подпрыгнул от неожиданности и дёрнул за жалюзи, которые тут же обвалились вместе с карнизом. Карниз задел за горшок с кактусом, который чуть не упал на голову Исфафиловой. Но Аня всё равно подняла визг — профилактический.

А Кутас печально подумал, что это была только первая репетиция, и прощально обвёл взглядом свой 339-ый кабинет, предчувствуя, что скоро от него ничего не останется.

\* \* \*

Школьные дни — уроки вперемешку с репетициями — пролетели незаметно и весело. Андрей и Федя не расставались со своими «шпагами», тыкая ими всех рядом стоящих во все заинтриговавшие их места. Девочки умыкнули из кабинета трудов все кружева, надеясь с их помощью сделать свои наряды более похожими на средневековые. Те девушки, которые играли мужские роли, на все вопросы у доски отвечали утробным басом, что вызывало и у учеников, и у учителей приступы смеха, — репетировали.

Кочан вообще в школу ходил исключительно в своей рясе в цветочек, благословляя и крестя каждого встречного-поперечного, и смиренно, как учил Кутас, бубня молитвы на всех уроках. Правда, молитва была обращена почему-то не к богу, а к соседу по парте, а если прислушаться, то модно было разобрать такие слова, как «Квэйк», «Варкрафт» и «КонтрлСтрайк», но это если сильно постараться.

Веру даже вне репетиции продолжали называть Джульеттой, Надю-аптекарьшу — отравительницей, а когда уборщица зашла в туалет, где Полина с Наташей репетировали свои роли и пытались изобразить на лица презрительную ненависть, то при виде этих жутких перекосов лица техничку чуть не хватил удар.

И вот когда до выступления остался один день, 7 «А», репетируя последний акт, в котором хоронят Джульетту, столкнулся с проблемой: где взять гроб?

Андрей предложил склеить его из картонных коробок: одна, здоровенная, от подаренного на день рождения компьютера, у него была, другие можно было найти в магазинах.

Но когда он притащил в школу своё творение, Вера категорически отказалась в него ложиться, так как получалось, что в ногах у неё написан штрих-код, слева — «Витязь», справа — «сделано в Китае», а на крышке, крупными оранжевыми буквами, «ПОЗДРАВЛЯЕМ!» — видимо, на неё пошла коробка от того самого подарочного компьютера.

— Да это на гроб не похоже совсем! — возмущалась девушка.

Тогда Федя, чтобы никто не перепутал, предложил прибить к крышке табличку с надписью «ГРОБ», но Вере и эта идея не понравилась.

Пришлось картонный гроб убирать, притаскивать из мастерской доски и сколачивать новый. Получилось кривенько и не очень прочно, но, как сказал Прохор опять не очень довольной Вере: «Будешь хорониться второй раз — выберешь какой больше нравится, хоть с золотым тиснением, а пока, для первого раза, и так сойдёт!».

Гроб покрасили чёрной краской и выставили в коридор.

На этом этаже почему-то сразу стало ходить меньше народу.

Джульетту решили зарезать Фединым пластмассовым ножом, лезвие которого при нажатии входило в рукоятку — он купил его в магазине розыгрышей, — а кровь взяли искусственную, как написано на упаковке, легко отстирывающуюся в тёплой воде.

Вроде бы всё было готово.

\* \* \*

И вот он наступил — последний день третьей четверти. Небольшой концерт и пьеса Шекспира «Ромео и Джульетта» в исполнении 7 «А» под руководством С.В. Кутаса.

Всё началось с того, что возмущённые Вера, Наташа и Маргарита прибежали к Кутасу и сообщили, что Кочан ткнул одолженной у Андрея антенной Аню Исрафилову, которая, изображая из себя пажа, вернее, пажиху, нарядилась в какую-то полупрозрачную кофточку с дырками. Кочан случайно попал антенной в одну из таких дырок, проколол кофту насквозь и ткнул «шпагой» в стену, где она и застряла, стиснутая с двух сторон деревянными панелями, и теперь Аня, вопящая благим матом, оказалась пришпилена к стене, как бабочка. А Игнат антенну вытащить не может, потому что сломать боится.

Пришлось Сергею Владимировичу в срочном порядке бежать выколупывать «меч».



Когда девочек красили — при выходе на сцену макияж должен быть ярким, — Федя что-то подсыпал в коробочки с блеском, и через три минуты у свежеекрашенных позеленели губы.

Пришлось одалживать у Ани и Оли новую косметику (те всегда имели при себе полный набор) и перекрашивать актрис.

И наконец за двадцать минут до начала концерта подошёл Шуйский и сообщил, что возле их кабинета играли в футбол какие-то придурковатые второклассники, которые попали мячом по Вериному гробу и он развалился, а новый делать некогда, значит, придётся пустить в игру картонный поздравительный, фирмы «Витязь».

— Не зря я его не стал выкидывать! — порадовался Андрей.

Вера чуть по-настоящему не умерла.

И вот расставлены нарисованные Полиной, Маргаритой и Наташей декорации, все одеты и накрашены и готовы к выходу.

Раздвигаются занавески, роль которых так рвались исполнять Андрей с Игнатом.

— Федя! — прошипел стоящий со своим классом за кулисами Кутас. — Ты что тут делаешь?! Тебе же на другую сторону! А Юра где? Он же не только роль Меркуцио исполняет, но ещё и на фортепиано подыгрывает! А ты иди, иди давай!

Федя покорно побежал по сцене на другую сторону. Тут Кутас заметил там Юру, и замахал ему, приказывая подойти. Однако Фёдор решил, что жест адресован ему и, круто развернувшись, побежал обратно. Увидев это, Кутас снова замахал, показывая на другую сторону.

Федя описал на сцене полукруг, разворачиваясь. А Сергей Владимирович снова стал звать Юру.

Федя, почти добежавший до кулис, опять развернулся.

В зале захихикали.

Федю начали звать Люба и Вера, находящиеся по другую сторону от Кутаса. Шилин растерянно остановился посреди сцены, не зная куда идти и вертясь то в одну сторону, то в другую. Потом, видя, что весь зрительский зал уже хохочет вовсю, махнул на Кутаса рукой и, убрав со лба длинные блондинистые волосы, побежал к девочкам. По дороге споткнулся об нарисованный трехэтажный дом и вместе с ним загремел на пол.

Зрители уже тихо сползали с сидений.

Шилин быстро поднялся, деловито поставил дом на место, и всё-таки добрался до кулис.

Спектакль начался, на сцену вышли Федя-Ромео и его друг Бенволио-Коля с микрофонами.

Коля:

— Ромео, с добрым утром!

Федя:

— Разве утро?

Коля:

— Десятый час.

Федя:

— Как долог час тоски!

БУМ!

Уроненный прошлый раз Федей дом снова грохнулся на землю. Федя поднял его и

продолжил:

— Что это, не отец мой удалился?

БУМ!

Федя с Колей снова подняли дом и последний сказал:

— Да, твой отец. Какая же тоска тебе часы, Ромео...

БУМ!

— Фу-ты, не дом, а чебурашка какой-то, всё время чебурахаётся! — проворчал Коля, забыв убрать ото рта микрофон.

Зрители веселились.

Федя подпёр дом плечом:

— Тоска о том, кто б мог их сократить. Как сразу... э-э-э... типа... — под хохот зала Федя поднёс к глазам ладонь со шпиргалкой. — Как сразу, не смотря на слепоту, находит уязвимую пятую!..

Федя и Коля закончили диалог и повернулись, чтобы удалиться.

ТРАХ!!!

Как только Шилин отпустил чебурахнутый дом, упал не только он, но и все поставленные в ряд декорации.

Ольга Игоревна и Былина Валентина Васильевна, наблюдавшие за сценой от входа, недовольно переглянулись после очередного взрыва хохота.

— Бессмертная трагедия Шекспира, называется, — буркнула Мороз.

Тем временем декорации сменили. На сцену принесли деревянную стену, больше похожую на забор. С одной стороны от неё посадили на стул Джульетту, с другой встали Ромео с друзьями Бенволио и Юрой в роли Меркуцио.

Федя с надрывом продекламировал: «Куда уйду я, если сердце здесь?» и начал лезть через стену. Подпрыгнул, навалился животом и... застрял. Подрыгал длинными ногами, побряхтел... Без результата.

Зрители аплодировали и закатывались от смеха.

Наконец Юре надоело на это смотреть, он обошёл стену с другой стороны, оказавшись таким образом в неприступной комнате Джульетты, и дёрнул Федю на себя. Раздался треск, и Шилин вместе со стеной рухнул на свою возлюбленную.

Зал надрывался от хохота, а крайне смущённый Юрик, «сокрушивший на пути влюблённых все преграды», как потом говорили, осторожно поставил покосившуюся стену на место.

— Не, ну яны издеваются! — возмутилась Былина.

— Я их классному руководителю выговор сделаю! — пообещала Мороз.

А на сцене события продвигались к любимой сцене Игната: к венчанию Ромео и Джульетты.

На сцену вышел Кочан в рясе в цветочек (опять смех в зале). По дороге волочащийся по полу край зацепился за какой-то гвоздь, и по мере медленного приближения маленького белокрысого монаха к венчающимся ряса так же медленно с него сползала, пока Игнат не остался в джинсах с дырками (Мороз грозно нахмурилась) и майке с надписью «Металлика» (зрители уже начали икать). Мальчик спохватился, подхватил покрывало, накинул его на плечи и продолжил свой путь, то и дело останавливаясь и мелко крестя смеющуюся аудиторию.

Былина снова возмущённо закудаhtала, но Мороз уже и сама едва сдерживала улыбку, а

директор так и вовсе смеялся вовсю.

В этот момент Игнат завопил дурным голосом: «Объявляю вас мужем и женой, можете поцеловать свою невесту!!!» и, распевая марш Мендельсона, прошествовал за кулисы.

На сцене промелькнула схватка Тибальта-Андрея с Федей на антеннах. Андрей был убит и с диким воплем, больше похожим на боевой клич индейцев, чем на предсмертный стон, аккуратноенько осел на пол. Ещё и устраивался поудобнее полчаса. А когда Юра с Колей уносили его с поля боя, ойкал и громким шёпотом возмущался, почему его так неудобно несут (Юрась в отместку при вносе за кулисы несильно стукнул его головой об стену).

Потом появились Джульетта с Машкой-кормилицей и закатили печальную речь о смерти Тибальта. В конце одной из самых душераздирающих фраз появился сам Тибальт, который забыл на сцене шпагу. Вера проводила его недоумённым взглядом, потом спохватилась и продолжила.

Зрители ликовали.

Действо подошло к смерти Джульетты. Кутас отослал Юру к знаменитому электрофортепиано, на котором была — точнее, должна была быть — записана мелодия похоронного марша.

Когда Веру в гробу с надписью «Витязь» и «Сделано в Китае» вносили на сцену, актёрский зал содрогался от приступов уже слегка истерического хохота. Держащий крышку Игнат, как бы в подтверждение праздничного настроения, стоя во главе у «мёртвой» и под её же уничтожающим взглядом демонстрировал публике надпись «ПОЗДРАВЛЯЕМ!». Кроме того, Федя всё-таки, во избежание недоразумений, приклеил на место штрих-кода бумажку, на которой было написано, что это «ГРОБ! РУКАМИ НЕ ТРОГАТЬ!»

А когда Юра нажал на кнопку воспроизведения, выяснилось, что пока фортепиано стояло в актовом зале, кто-то стёр похоронный марш и на его место записал «Калинка моя».

Когда из динамиков грянуло «В саду ягода калинка, калинка моя», все зрители в зале повскакивали с мест, дико хлопая в ладоши и пританцовывая.

— Эх, Верка, какие шикарные мы тебе похороны устроили, — шепнула Наташа.

Когда похоронная процессия, сотрясаясь от хохота, удалась (Юра отключил «Калинку» и вместо неё поднёс к микрофону телефон Игната, среди мелодий которого была и провожающая в последний путь), на сцене снова появился Ромео. Он узнал о смерти любимой и сейчас в глубоком горе (чего по ухмыляющейся роже не скажешь) искал аптекаря, чтобы купить яду и отравиться.

Надя-аптекарь замогильно произнесла:

— Составы есть. Но в Мантуе казнят торгующих такими веществами.

Федя ответил:

— Ты так убог — и жизнью дорожишь? Провалы щёк твоих — живая повесть о голоде; горящие глаза — об униженьях. Нищета согнула тебя в дугу...

С каждой строчкой пышущая здоровьем Надя всё больше насупливалась, вызывая новые приступы веселья.

— Вот порошок. — Надя достала откуда-то пятилитровую бутылку из-под питьевой воды с ручкой и надписью огромными буквами красным фломастером «!!!ЯД!!!» («Упаковка для города, где за продажу ядов казнят — что надо! Даже ручка есть, чтобы носить было удобнее. Только афиши на спине не хватает, что это ядоторговец идёт, — шутил Андрей. — Я уж про количество молчу... Чтoб сразу полгорода отравить!»)

Далее шла сцена, где Парис (Максим) — жених Джульетты — дерётся с Ромео, Ромео побеждает и протыкается своим чудо-кинжалом у гроба недовольно вертящейся Джульетты, обильно разбрызгивая легко отстирывающуюся кровь на зрителей и по сцене.

Потом входят брат Лоренцо, супруги Капулетти и Монтекки (то, что Наташа и Полина на голову выше своих мужей — Машки и Марго — уже никого не смущало), и Игнат-монах, одной рукой придерживая рясу, из-под которой выглядывали кроссовки, а другой держа крышку гроба с надписью «ПОЗДРАВЛЯЕМ!», провыл:

Но повесть о Ромео и Джульетте  
Останется печальнейшей на свете!

Зрители повскакивали со своих мест, неистово аплодируя, хохоча и вопя, и стали закидывать кланяющихся артистов мелкими деньгами и головными уборами (деньги быстро подбирал Игнат, а шапки уборщицам попадались после этого ещё в течение полугода). Многие побежали за автографами.

А Мороз, слушая дружные вопли «БРАВО!», решила, что выговор Кутасу всё-таки делать не будет.

## Глава 14. Каникулы в Витебске

Наступили долгожданные каникулы. Трём подругам пришлось расстаться: Вера уезжала к бабушке в Витебск, Надя — в Москву с родителями, а Люба оставалась в Минске.

Вера сидела в покачивающемся на рельсах вагоне и наблюдала за проносящимися мимо кустиками и невысокими деревьями. Из-за быстрого движения поезда их очертания смазывались, не видно было ни отдельных листьев, ни веток, они мелькали расплывчатыми зелёными пятнами, похожие на торчащие из земли кактусы, или детские рисунки, состоящие из простых форм: палочки с зелёным кружочком.

Верины бабушка и дедушка были людьми очень образованными, врачами. Вера обожала бывать у них в гостях: в большой светлой квартире царил бесшабашный беспорядок, вызванный тем, что тут никогда ничего не выбрасывали. В доме можно было обнаружить массу интересных вещей: и старинных, вроде китайских фарфоровых вазочек или медных светильников, и современных: множество электронных игр и дисков с музыкой и фильмами, и просто интересных, таких как перья павлина или карнавальные маски — дед собрал всё это, когда путешествовал, расширяя свою практику.

Но больше всего в квартире было цветов и книг самых разных тематик. Бабушка обожала цветы, ими было заставлено всё: балконы, подоконники, столы, табуретки, батареи... Вера пыталась сосчитать когда-то, и сбилась в районе трёхсот. Вера любила цветы, и всё бы ничего, если бы не приходилось их поливать через каждые два дня.

А книги... Вот тут Вера, обожающая читать, отрывалась на полную катушку. Книги тоже были везде — точнее, везде, где не было цветов. Самые разные! Одно собрание сочинений всех авторов мира, начиная с глубокой древности и заканчивая нашим временем, занимало три стеллажа от пола до потолка. А ещё были книги о моде, искусстве, культуре разных эпох и народов, животных и растениях, огромное количество всевозможных детективов и фантастики, научные книги и учебники по всем мыслимым и немыслимым предметам.

Хотя больше всего, конечно, было книг по медицине.

Вера сидела на широкой кровати и играла в переводного дурака со своей подругой детства Катей, недовольно разглядывая выложенные перед ней три шестёрки. С козырями ей фантастически не везло, и её веер состоял из одних крестей, которыми в данном случае не отобьёшься. Правда, у неё ещё была козырная шестёрка, которой можно было перевести всю эту шваль на Катю, но единственного козыря было жалко, а мелочью нагружаться в конце игры тоже не хотелось.

— Сдавайся! — весело сказала Катя. — У меня одни тузы остались.

— Ну и пожалуйста! — Вера без сожаления кинула карты в отбой, взяла с полки китайские палочки и попыталась ухватить ими картофель фри из стоящей на тумбочке тарелки. Катя ехидно наблюдала за этими бесплодными попытками.

— Ничего ты не умеешь! Надо вот так! — заявила она и, рукой схватив с блюда целую горсть, засунула в рот.

— А я хочу как китаянка!.. Куда ж ты уворачиваешься, несчастная?! — воззвала Вера к картошке.

— А китайцы тоже так едят, а палочки им так, для пантов, чтоб все видели, какая у них

культура необычная!..

— Да? — обрадовалась Вера и с облегчением отбросила палочки, загребая картошку руками. — Тогда ладно... М-м-м...

Катя, веснушчатая, с тёмно-рыжими косами, закутанная в настоящее шёлковое японское кимоно, которое Вере подарила бабушка (Люба на него уже давно облизывалась), аккуратно переступила через разложенные на полу стопки газет двадцатилетней давности, пробралась на балкон и, стараясь не задеть за пальмы и особенно за кактусы, выглянула в приоткрытое окно.

— Вер, пошли на улицу! И почему твоя сестра не приехала?

— На улице сейчас асфальт кладут, закончат — тогда пойдём. А Настю со мной не пустили, потому что она, для того, чтобы только со мной ездить, ещё маленькая, а родителям некогда, — откликнулась Вера. Она как раз перегнулась через спинку кровати и изучала составленные там коробки, набитые пустыми банками. Отвечала она, говоря в какую-то ржавенькую трубку неизвестного происхождения, поэтому её голос звучал глухо.

— Да они уже заканчивают, — Катя размотала кимоно и повесила на резную спинку стула, заваленного энциклопедиями. — Пошли!

— Ладно. Подожди, — Вера соскользнула с кровати и пошарила под ней рукой, выуживая между банками с солёными огурцами свои тапочки.

Потом девочка через окно выглянула на улицу. Тепло. Даже жарко. Это после такой-то холодной зимы! А снег почти весь растаял, лужи кругом.

Катя уже ждала её у двери. Вера накинула куртку и вышла из квартиры.

— Наверно, сейчас радуга будет, — заметила Катя, спускаясь по заплёванным семечками ступеням старого дома. — Только что дождик капал, а сейчас солнце.

Вера кивнула, толкая тяжёлую железную дверь подъезда.

Девочки оббежали дом и вышли во внутренний двор, большой, с множеством магазинчиков и выходов на другие улицы. Вокруг никого не было.

Вера разглядывала оставленный посередине дороги каток для укладки асфальта. Справа от него дорога была покорёженная, вся в колдобинах и трещинах, в которых собиралась текущая ручейками вода, а от левой, только что заасфальтированной части поднимался пар: асфальт был тёплым и на весеннем прохладном воздухе медленно остывал.

— Я смотрю, у вас тут, пока меня не было, много новых магазинов открыли.

— Ага, — согласилась Катя, расшнуровывая ботинки и стягивая носки.

— Ты что делаешь?

Катя хмыкнула:

— Хочу по асфальту босиком ходить! Ты тоже попробуй, это прикольно! Пройдемся по этой дороге, а я тебе заодно и все новые магазины покажу.

Катя взяла ботинки с засунутыми внутрь носками в руку и прыгнула с бордюра в первую лужу.

Вера задумалась, а потом тоже разулась и пошла за подругой.

Асфальт был шершавым и мокрым. И очень холодным, особенно когда наступаешь на небольшие лужицы, которые казались впаянными в дорогу зеркальцами, так чётко в их неподвижной глади отражались серо-коричневые дома и светло-голубое небо. Миниатюрные ручейки щекотали ноги.

На пути Веры выросла гигантская лужа, по которой сиротливо дрейфовали конфетные обёртки. Вера предпочла её обойти, а Катя с визгом впрыгнула в самую середину, поднимая

тучу брызг и намочив закасанные штаны: лужа оказалась ей почти по колено.

— Ну вот, слушай! Прямо под твоим балконом — «Планета», там всякие приколы типа вставных вампирских зубов продают. Рядом парикмахерская, а во-он в том доме — обалденные булочки!

Девочки с разных сторон обогнули каток и вышли на заасфальтированную часть дороги. Вера с наслаждением постояла на тёплой поверхности, отогревая заочечневшие ноги.

— Эй, ну ты где там? — из-за катка появилась Катя. Поднимающийся от асфальта густой белый пар растушёвывал очертания девочки, делая её похожей на привидение.

— Я тута. Греюсь, — Вера со смехом побежала вперёд, подставляя лицо потокам горячего воздуха.

— Правда здорово?! — воскликнула быстро догнавшая её Катя, помахивая ботинками.

— Ты про что?

— Да про этот асфальт! Тёплый такой! И как будто в тумане! — Катя весело рассмеялась.

Дорога кончилась. Девчонки вскочили на бордюр и стали поспешно натягивать обувь.

— Бр-р-р! Холодно! — сказала Вера, натягивая носок с рисунком из кроликов с морковками.

— Ой, какие у тебя носочки! — хихикнула Катя. — Это откуда такие?

— Пацаны на Восьмое марта подарили! — смутилась Вера и подняла голову. Перед ней была выкрашенная чёрной краской дверь с полукруглой табличкой с разными кабалистическими знаками и словами на непонятном языке вверху. В середине на русском было написано, что это салон знаменитой ясновидящей, которая по картам таро предскажет судьбу и поможет избавиться от проблем. Ниже фломастером было дописано: «И от денег».

— Что это? — обалдело спросила Вера.

Катя фыркнула:

— Ты что, читать не умеешь? Салон ясновидящей. Знаменитой. Правда почему-то сидит эта знаменитость на окраине города Витебска в подвале старого дома и пьёт дешёвый «Липтон» в пакетиках. Я сама видела.

— Ну и что?

— Как что?! А по гуце кто гадать будет?!

— Так гадают же по кофейной.

— Да?.. Ну, без разницы. А приписку насчёт денег видишь? Моя работа.

А Вера вдруг выпрямилась, безумно бегая глазами по словам на непонятном языке. Она их уже видела! Некоторые из них! Ну точно видела! Где? Да в Книге, конечно же! В часовне!

— Катя!!! — Вера резко развернулась и схватила вздрогнувшую от неожиданности подругу. — Это! Вон там, на этой табличке! Ты знаешь, что там написано?! Или хотя бы на каком языке?!!!

— Тихо ты, в чём дело? Что написано, конечно, не знаю, ну а язык вроде бы латинский. Я, кажется, даже у этой ясновидящей спрашивала, интересно было. Да куда ты?

Вера галопом неслась по улице, сначала сквозь туман, потом разбрызгивая зеркальные лужицы, и едва не врезавшись в каток. Заворачивая за угол дома она притормозила и обернулась к обескуражено застывшей подруге:

— Слушай, мне надо кое-что проверить! Точнее, посмотреть! Срочно! Приходи завтра!

Вера врезалась в железную дверь подъезда, мысленно костеря её за то, что она медленно открывается, и взлетела по лестнице на второй этаж.

Девчонка не раздеваясь пробежала в одну из комнат. Аккуратно обогнула колонну ящиков со старыми электроприборами, которую венчал горшок с декоративной вишней, перелезла через швейную машинку и, осторожно перешагивая через расставленные на полу фиалки, пробралась к стене, от пола и до потолка состоящей из под завязку набитых книгами полок.

— Так... — Вера убрала с ближайшего стула рулон ваты, набор для вышивания и плетёную корзину с косметикой и подставила его к полкам. — Что тут у нас?.. Романы... Пушкин... Певчие птицы... Города Беларуси... Большая медицинская энциклопедия в тридцати томах... И вправду большая!.. Библия... Религия в XX веке... Да где тут словари?! — девочка залезла на стул. — Самоучитель по немецкому... английскому... Опера, хромосомы, гормоны и почки, фу, гадость какая... АГА! Русско-немецкий словарь, французско-английский, шведско-русский... Русско-белорусский... Большой толковый... Вот оно! Латинско-русский! — Вера с трудом вытащила запылённую книгу, тесно сжатую с обеих сторон другими. Она знала, что этот словарь должен был быть где-то здесь, ведь врачи обязаны были знать латинский, — а она гостила у врачей.

Вера лихорадочно раскрыла словарь. Она столько раз разглядывала Книгу, что не могла не узнать встречающиеся в первом абзаце слова на вывеске всемирно известной ясновидящей витебского разлива.

— «Vaticinium» — предсказание... «Vita» — жизнь... «fataliter» — по определению судьбы, роковым образом. Ну конечно! Вся Книга написана на латинском! И на валентинках тоже Юра сказал, что «tempus» — значит «время» по латыни! Всё сходится! И как же я раньше не догадалась?! — возбуждённо прошептала сама себе Вера. Она была так горда своим открытием, что захотела немедленно поделиться и с подругами. Надя в Москве, ей не позвонишь, а вот Люба...

Вера кинулась к телефону. Перепрыгнула через коробку со старой обувью, откинула закрывавший вход в комнату старинный гобелен и, не обратив внимания на упавшую с гвоздика вешалку с блузками, бросилась к столу и схватила трубку телефона. Набрала Любин домашний, но до уха донеслись лишь короткие гудки. Небось опять кто-нибудь в Интернете сидит.

Стараясь соображать побыстрее, словно открытие может куда-то убежать, девушка припомнила номер Любиного мобильного.

— Да? — донеслось после первого же гудка.

— Алло, Люба, это ты?

— Нет, это Тутанхамон I, — откликнулась Люба, моментально узнавшая подругу. — А ты кого ожидала застать, звоня мне на мобильный? И вообще, извини, но я сейчас страшно занят. Пылесосу свою гробницу.

— Любаша, кончай прикалываться! У меня тут такое!.. Я такое узнала! У меня такие новости!!!

— А у меня тоже! Я тут с одним парнем познакомилась... Он мне скоро позвонить должен!.. — донёсся восторженный шёпот Любы, заглушаемый мерным жужжанием пылесоса.

— Да подожди ты со своим парнем! Слушай! Книга... Та Книга, из часовни... Она... Тьфу ты, чёрт! — выругалась Вера, когда трубка сначала противно зашипела, а потом снова забибикала.

«Ладно, — решила Вера. — Каникулы через два дня уже кончаются, все втроём



встретимся, вместе с Надей, там и расскажу».

Радостно улыбаясь, девушка поглядела в окно. Там, в небе, как и предсказывала Катя, появилась радуга.

# Глава 15. Новая четверть, новые открытия, новый биолог

Каникулы кончились. В понедельник утром Люба стояла у двери Вериного подъезда и ждала подругу, недовольно поглядывая на часы.

Опять опаздывает. Вера вообще часто опаздывала.

Домофон пиликнул, и на свежий влажный воздух выбежала Вера:

— Привет! И не надо на меня так смотреть, я опоздала всего на тридцать четыре секунды!

— Да ладно, я уже привыкла. Ты мне лучше скажи, что ты такое там про Книгу узнала? Ты начала говорить, а потом всё сорвалось — знаешь же, какой у меня телефон глюченный.

— Не-е-ет, — злорадно сказала Вера: пусть теперь Люба помучится ожиданием! — Вот придём в школу, встретимся с Надей, тогда на большой перемене в кафе вам всё и расскажу! Это лучше ты скажи, сделала стенгазету, которую тебе Мороз задавала?

— Ну, тогда и я не скажу! А я ведь тоже кое-что про часовню раскопала... В кафе узнаешь! — заявила Люба, и обе девочки в гробовом молчании зашагали в сторону гимназии, то и дело с нетерпением и любопытством поглядывая друг на друга.

В кабинете математики всё так же молча и напряжённо сели за одну парту.

В класс вбежала Надя:

— Девчонки! Привет! Как я рада вас видеть! Знаете, что я на каникулах...

— Цыц! — хором рявкнули на неё подруги. Надя удивлённо и слегка обиженно замолчала.

— На большой перемене в кафе, — сообщила ей Вера.

— Что?

— Состоится обмен информацией! — добавила Люба.

Надя оглядела напряжённые лица друзей, пожалала плечами и села в такую же позу.

В это мгновение дверь распахнулась, и в помещение ввалились Кочан, Шуйский, Шилин, Литвинов Юра и Прохор. На груди у Юрика висела картонная коробка, обклеенная белой бумагой и с надписью «Пожертвуйте бедным ученикам 10 рублей (не больше!!!) на покупку мерседеса!!!»

— Привет, типа чего сидим такие грустные? — поприветствовал девчонок Федя.

— Да так. А вы-то что делаете?

— Собираем самыми мелкими у нас в Беларуси купюрами — десятирублёвками — на мерседес, ты чё, неграмотная? — поинтересовался Игнат, махнув рукой в сторону коробки. И тут же завопил (прямо в ухо только что вошедшей Терезе Антоновне):

— ПОЖЕРТВУЙТЕ 10 РУБЛЕЙ НА МЕРСЕДЕС, ГРАЖДАНЕ СЕМИКЛАССНИКИ!!! — и потом уже тише объяснил: — Десять рублей всё равно никому не жалко, вот и дают.

Девочки расхохотались и полезли в сумки в поисках мелочи.

— Тереза Антоновна, ну типа дайте десять рублей! — пристал к симпатичной учительнице Шилин.

— Фёдор, займите своё место, пожалуйста! — с трудом пряча улыбку ответила Терезка.

— Ну Тереза Антоновна, ну вам что, жалко, что ли? — подключился Андрей.

— Мы вас на мерседесе покатаем! — пообещал Коля. Юра с коробкой, возвышаясь над остальными, молча стоял с одухотворённым лицом, как памятник самому себе.

— Не говорите ерунды! Мне не жалко, просто...

— Ну так чего типа не даёте?

— А вот что вы в контрольной написали? В пятом задании?

— А типа что? — озадачился Федя.

— Вот, приписано карандашом: «Вы не сказали, каким путём находить пункты пересечения координат, поэтому я буду находить так, как хочу». Это что, нормально?

— Ну так ведь типа правда же... Ну, я больше не буду! Дайте десять рублей!

— Ой, всё, на, возьми и садись на место! — сдалась Терезка.

Воодушевлённые успехом, парни всю следующую перемену патрулировали коридоры и собирали «пожертвования». Учителя и ученики веселились и по десять рублей давали. Даже директор дал.

Такой торжественной процессией — невысокие Андрей с Игнатом впереди, вопя во всё горло, прыгая и размахивая руками, Юра, постукивающий по бокам коробки, как по барабану, в середине, и Коля с Федей в конце — они ввалились в кабинет русского.

— Да-а-айте десять рублей! Всего десять! Де-есять рублей кто может дать? — проорал Игнат в затылок Кутасу (учитель от неожиданности подпрыгнул, в прыжке развернулся, но споткнулся и плюхнулся на стул, выставив перед собой журнал с видом человека, готового защищать свою жизнь любой ценой).

— Тьфу ты, Кочан, сядь на место!

— Только когда дадите десять рублей! — с непоколебимой твёрдостью ответил Игнат.

Кутас, лишь бы от него отстали, пожертвовал в копилку положенную сумму.

— Сегодня у нас тема «Слова, имеющие особую эмоциональную окраску». Например, «зелёная трава». Это словосочетание не имеет никакой эмоциональной окраски. А вот «изумрудная трава» — имеет. То есть трава не просто там какая-то зелёная, а аж изумрудная, очень красивая, необычная. Ясно?

— Пасмурно, — буркнул кто-то с задней парты.

— Упражнение № 405. Здесь написаны словосочетания, а вы должны определить, имеют они эмоциональную окраску, или нет. Горлач Максим, начинай! — Сергею Владимировичу очень хотелось, чтобы хоть первое словосочетание сделали правильно.

— Так, значит... — Максим углубился в книгу. — Воздушное одеяние — имеет.

— Правильно, — Кутас перевёл дух. Начало ему понравилось. Может, вызывать только отличников? — Литвинов Юра!

— Э-э... — Юра запихал в рот последнюю сливу, вытер под партой руки о пиджак и схватился за книжку. — Деревянная кровать — не имеет.

— Прохор Коля! — Кутас был доволен.

— Серебристая паутинка — имеет.

— Матвеевская Вера!

— М-м-м? — Вера и её подружки по-прежнему играли в молчанку, сидя треугольником и мрачно глядя друг другу в глаза — силу воли тренировали, хотя любопытство и нетерпение от желания рассказать свои достижения их просто душили. — А-а... Э... Чего там... Новая игрушка — не имеет.

Кутас вздохнул и мысленно перекрестился:

— Кочан Игнат!

— Железная кастрюля — имеет!

— Ну почему????!! — простонал классный руководитель.

— Потому что так по закономерности выходит, — охотно объяснил Игнат. — Максимова словосочетание эту самую окраску имело, Юрино — нет, Колино — имело, Верино — нет, значит, моё тоже должно иметь! А что, разве я неправильно сказал?

— Нет!!!

— Но почему?! Ведь как это звучит — КАСТРЮЛЯ! — Кочан воодушевлённо взмахнул рукой, сбив с сидящей на соседнем ряду Зеленко Машки очки.

— Кочан!!! — возмутилась девочка.

— Чего тебе, Зелёнка?

— Так, Игнат, иди-ка ты где-нибудь попрыгай, успокойся, — устало сказал Кутас.

Парень послушно вылез из-за парты и, по-заячьи сложив руки, начал прыгать вокруг учителя. После этого запрыгнул на парту, сплясал несколько элементов народного танца, выкрикивая «Э-эй-эх!»; прыгая и размахивая руками описал ещё пару кругов по классу, а потом вернулся к своему месту и как прилежный ученик сложил руки на столе.

И тут у Кутаса лопнуло терпение:

— Всё! Мне это надоело! Ты и Шуйский — марш за шкаф! — Сергей Владимирович ткнул пальцем в стоящую на некотором отдалении от стены книжную полку, за которую обычно складывали спортивную форму, ненужные больше в этот день книги, старые стенгазеты, подарки к праздникам и различный мусор. — И чтоб на моих уроках сидели только там! Учить-то вы и так ничего не учите, а так может хоть остальным мешать не будете.

Игнат с Андреем переглянулись, ухмыльнулись, подхватили свои стулья и отбыли в указанном направлении.

Кутас продолжил урок, но лучше стало: из-за шкафа то и дело доносились выкрики типа: «Восемь!», «Валет!», «Куда карты из отбоя таскать?!», «Шулер недоделанный!», «А я тебе козырным тузом!» и другие.

— Так, 7 «А», я хочу сделать объявление! — заявил Кутас. — Эй, там, за шкафом, вы тоже послушайте! — Из-за шкафа медленно вылетел самолёт и спланировал на парту к Маргарите. Девочка отдала безделушку классному.

Кутас хотел было его выкинуть, но оценив профессионализм, с которым самолёт был сделан, спрятал себе в шуфлятку.

— Так вот, что я там хотел сказать?.. А, да. Как вы знаете, наша гимназия борется за звание лучшей если не в Минске, то в районе. По внешнему виду она ещё ни разу не проигрывала: Мороз Ольга Игоревна лично это контролирует, — с парт послышалось согласное хмыканье. — На олимпиаду бороться с Макаронкиным от нашей школы идёт Максим, так что тут мы тоже имеем все шансы на победу... — раздались аплодисменты в сторону отличника, и Максим склонил голову и поднял руку в знак признательности за моральную поддержку. — Но оценивают не только оформление и наличие вундеркиндов.

Кутас сделал театральную паузу.

— На этот раз оценивают ещё и общую успеваемость учеников. Поэтому в этом году все классы будут сдавать экзамен по шести предметам.

Класс взорвался возмущёнными воплями в знак протеста, а из-за шкафа вылезла швабра, к которой был прикреплен плакат «СКАЖИ ЭКЗАМЕНАМ «НЕТ!»

— И нечего на меня так смотреть! Это не я придумал, — предупредил Кутас.

\* \* \*

— Мне Оля одну интересную вещь сказала, — сообщила Вера подругам, когда они поднимались к кабинету истории на урок Барисовой. Девочки уже немного свыклись с тем, что до большой перемены они друг другу ничего не скажут, сумели обуздать своё любопытство и снова начали разговаривать.

— Ну и? — вяло поинтересовалась Люба. Надя как обычно молчала.

— У нас биологичка на больничный ушла, будет замена. Пока ещё неизвестно кто, — Вера, вздохнув, поставила портфель на пол рядом с дверью кабинета и устало прислонилась к стенке. Что-то первый день четверти тяжело даётся.

Она смотрела, как КиШ раскручивают физрука Кису на очередные десять рублей, и сердце сжималось от сладкого чувства предвкушения и горького — сожаления. Они смогут расшифровать Книгу! Вдруг там и в самом деле будет что-то... фантастическое?.. А если нет? Вдруг это окажется, как сказала Люба, какой-нибудь учебник истории?

Кстати, об истории...

— Матвеевская! — необъятная Тамара Ивановна вплыла в коридор и зазвенела ключами. — Мне не нравится, как ты стала работать! Ленишься! Думаешь неизвестно о чём! Небось одни хлопцы на уме! Историю учить надо!!! И ты, Калоша Наталья, тоже деградируешь! Рыба гниёт с головы, а класс — со старосты! Заходите! — кивнула она классу.

Вера быстренько юркнула в класс и села на последнюю парту. К ней подседа Надя, настороженно поглядывая, как грозная учительница читает Игнату лекцию о том, как полезно носить шерстяные носки летом и ложиться спать в восемь вечера. А ещё лучше в шесть.

— Конечно, Тамара Ивановна! — согласно кивал Кочан. — Я всегда надеваю летом не меньше трёх пар носков и не выхожу из дома без валенок, тулупа и шапки-ушанки! А спать вообще в четыре ложусь (правда, утра, но Игнат не стал это уточнять)!

Начался урок стандартно (то есть с обращённого к Исрафиловой повеления Тамары Ивановны выкинуть жвачку в мусорку). Барисова пространственно излагала материал о культуре латиноамериканских народов в восемнадцатом веке. Люба тихо посапывала, положив голову на сложенные на парте руки и накрывшись учебником. Почему-то по математике. Аня, расположив на коленях зеркальце, аккуратно красила губы. Максим скучал — он знал всё это ещё в пятом классе, а Марго внимательно слушала, сидя прямо перед Барисовой, пока сидящая рядом Машка читала под партой какую-то книгу. Она, как и Вера, любила фэнтези. Федя пачкал парту корректором.

И тут эту идиллию нарушил звонок чьего-то мобильного.

Барисова грозно нахмурилась. Все испуганно замерли, переглядываясь. Не выключить телефон на уроке Барисовой — поступок не самый умный.

— Кто телефоны на уроке не выключает?!!! — загремела Тамара Ивановна. — Сейчас к директору... нет, к Мороз Ольге Игоревне в кабинет заведу!!!

7 «А» начал испуганно сползать под парты. Вид у всех был недоумённый.

— НУ!!! Я ЖДУ! КТО СЕЙЧАС ЖЕ НЕ ПРИЗНАЕТСЯ — ДВА БАЛА ЗА ЧЕТВЕР' НЕТ, КОЛ!!!!!!

А телефон-то всё звонит.

— Дневник на стол!!! Родителей в школу! Из гимназии выкину!!!!!!

— Тамара Ивановна, — подала робкий голос Скуратова Марго.

— ЧТО?!?! Маргарита?! Ты?!?! Ты не выключила телефон?! Да ещё и не признавалась? Такая умная девочка? Как тебе не стыдно?!

— Тамара Ивановна, это не я! — поспешно заверила Марго, взмахнув длинными загнутыми ресницами. — Но это не у нас. Это ваш телефон.

Повисла пауза. Барисова слегка смущённо оглядела аудиторию тёмными, маленькими глазками. Телефоны на уроках предписывалось выключать не только ученикам, но и учителям.

— Ой, это мне звонят? Что ж вы раньше не сказали?! А где ж мой телефон?..

Историчка вытащила из-под стола сумку и начала увлечённо выискивать в ней надрывающийся сотовый. Копалась, копалась, но так и не докопалась. Стала вынимать содержимое сумки на стол.

О-о-ой, сколько всего может поместиться в обыкновенной с виду дамской сумочке! Особенно если она принадлежит Тамаре Ивановне.

Ключи, зажигалка, спички, ручки, три платка, губная помада, паспорт, блокнот, журнал, пакет апельсинов, зубная щётка, кофта, справочник садовода, стопка ученических тетрадей, бутылка лимонада, дамский роман, носки (явно мужские), фотоальбом, домашние тапочки, колготки... Только телефона всё не было.

Барисова удивлённо поглядела на сумку, перевернула её вверх дном и потрясла. Потом раскрыла пошире и сунула туда голову.

Не выявив искомого, Тамара Ивановна принялась обхлопывать себя по многочисленным карманам, потом стала в них рыться...

7 «А», стараясь сдержать рвавшийся наружу смех наблюдал за историчкой. А учительница тем временем уже вылезла из-за стола и открыла сначала внутренний карман пиджака, потом наружные, потом карманы блузки, потом юбки... Даже попрыгала на месте немного: видно, надеялась, что он всё-таки откуда-нибудь выпадет (от каждого прыжка пол ощутимо сотрясался).

Телефон умолк.

— Да ну что же это такое?! — возмутилась Барисова и хлопнула журналом по столу.

7 «А» похрюкал немного, но наконец не выдержал и расхохотался, молотя руками по партам (а те, кто уже лежал от смеха на полу, то и по линолеуму).

Учительница сердито оглядела класс, не понимая причины такого бурного веселья.

А причина была в том, что сотовый всё это время мирно лежал посередине стола на стопке тетрадей прямо у Барисовой перед носом.

\* \* \*

После третьего урока наступила большая перемена, на которой полшколы стекалось в столовую.

Подруги этот факт проигнорировали, сразу кинувшись в кафе и, сев треугольником, в предвкушении уставились друг на друга, испытывая силу воли.

Из коридора, соединяющего столовую с кафе, появились КиШ, Юра и другие со своей коробкой для сбора пожертвований.

— Ну, кто первый? — нарушила молчание Вера, сообразившая, что если они будут испытывать силу воли и дальше, то перемена кончится.

— Давай ты, — разрешила Люба.

— Я узнала на каком языке написана книга! — выдохнула Вера.

— Правда?! — ахнули подруги. — Ну?!

— На латинском, — Вера с гордостью поведала, как ей удалось это узнать. — А валентинки? Там тоже было латинское слово! И ты ещё будешь говорить, что это шутка или что эти вещи никак не связаны?! — обвиняющее обратилась Вера к Наде.

— Не нравится мне всё это, — проворчала девчонка, тем не менее поднимая руки вверх в знак поражения.

— У тебя всё? Теперь дайте я скажу! У меня такое!.. — Люба взяла на себя роль председателя этой мини-конференции. — Я делала задание Мороз, ну, за то, что я Макаронкину в зад вилкой тыкнула, стенгазету, статью об искусстве, причём распечатывать из Интернета нельзя! Мороз родителям сказала! Ну, они мне купили журнал про всякие художественные выставки в Беларуси, с фотками, и в конце там была эта... Ну, в которую мы с Кутасом ходили?.. Директор, кстати, говорил каждый месяц ходить, а Кутас то ли как обычно забыл, то ли отлынивает... Ну так вот. Там фотография этой выставки, которая в подвале. Вы помните, там на стене висела жутко красивая старинная рама, серебристая такая. Но пустая. Одна рама, и всё. И вот на этой фотке как раз видна эта рама, но с картиной!!! Угадайте, с какой?

Под тревожно-выжидательное молчание девчонок Люба нарочито медленно поставила портфель себе на колени, раскрыла и вытащила тоненький журнал с глянцевого обложкой. Полистала, а потом торжествующе улыбнулась и развернула к подругам.

Те ошеломлённо склонились над одной из фотографий.

Серые стены, электрические круглые лампочки, длинный коридор с картинами в простых деревянных прямоугольных рамках... И, сбоку, на ближней стене почти полностью видна массивная серебристая рама с выпуклым извилистым узором. А в раме — потрясающей красоты картина, хотя и слегка мрачноватая: серое, с лёгким кружевом светлых облаков небо, стального цвета замок-скала, поднимающий ввысь острые пики вершин-башенок с длинными узкими окнами-бойницами, тёмные редкие пятнышки деревьев внизу и гигантские, покрытые мхом валуны у подножия.

— Невероятно! — выдохнула Надя. Вера от счастья и волнения даже говорить не могла, у неё перехватило дыхание. — Ну точно как в нашей Книге! Даже ещё лучше!!! Это, наверно, оригинал, а там так, копия...

— И, обратите внимание, рисунок рамы этой картины, рамы зеркала и пюпитра практически одинаковый! — так самодовольно заметила Люба, словно лично их выковывала.

— Ага... Пюпитр медный, рама серебряная, зеркало золотое... Прикольно! — мечтательно заметила Вера.

— Это ещё неизвестно, золотое — не золотое, и серебряное не серебряное, — буркнула Надя. В кафе только что вошли Паша с Дашей, и не смотря на всю грандиозность открытий, настроение девочки моментально ухнуло в глубины ниже Марианской впадины.

— Зато теперь точно ясно, что всё это как-то связано: и валентинки, и картина с рамой, зеркало, Книга с пюпитром... И электронные предметы не работают, и Книга странная — кровь в неё без следов втягивается — помнишь, как ты поранилась и на книгу кровью капнула, а на ней даже следа не осталось?.. Да ещё и линии какие-то в конце странные появляются... И по-моему эти рыжие, заяц с собакой, тоже здесь как-то замешаны! По

крайней мере заяц уж точно! Нахал ушастый! — перечисляла Люба, а потом резко повернулась к Наде: — И ты ещё что-то будешь говорить?!

— Да я уже молчу давно, — буркнула девочка.

— Ладно, теперь давай, что там у тебя на каникулах было, — великодушно велела Люба, запихивая журнал в сумку.

— Да у меня ничего такого сенсационного, — вздохнула Надя. — Так... Я же уже давно на выставку драгоценных камней хотела сходить, про которую Аня ещё на собрании против Марго говорила... Ну так вот, пока была в Москве, сходила.

— Ну, и как? Оправдала твои ожидания?

— Ага! Красотища — неземная! И, представляете, почти за день до того, как мы туда ходили, с этой выставки один экспонат спёрли! Камень какой-то, говорят, необработанный алмаз огромных размеров! Прямо рекордных! И абсолютно круглый, только какой-то горной породой покрыт, которую просто так не отдерёшь, надо в специальную лабораторию отдавать. А так, в общем-то, всё.

Девочки помолчали.

— Сейчас что, Гарпия?

— Угу. И очень злая. Шуйский её своими десятью рублями достал! И Федя тоже, опять всю тетрадь корректором замазал...

— Ладно уж, где наша не пропадала...

\* \* \*

— Сейчас узнаем, кто у нас биологию заменяет... — Люба с размаху бросила сумку рядом с дверью кабинета.

— Угум... А, кстати, Надя, воду-то у тебя уже дали? Соседи водопровод починили?

— М-м-м? — Надя проводила взглядом Пашу, который на этот раз шёл один. — А у него сегодня не жёлтый галстук, а красный! С жёлтым было лучше... А воду дали, давно уже. Но соседи тут не при чём, у них там вообще всё проржавело и прогнило, надо всю систему менять, а у них денег не хватает. Так они сейчас вообще куда-то переехали. Будут копить, наверное.

— А Книгу надо переводить! — решительно сказала Вера, резко перепрыгивая на другую тему.

— Какую? — не сориентировалась Люба. — Я вот думаю, может, мне вообще в Шуйского влюбиться? Или в Юру? А что, он большой, сильный, будет картошку с рынка мешками таскать, дрова на даче колоть...

— Влюбись сразу в Максима! — посоветовала Надя. — С ним точно не пропадёшь. Получит свою Нобелевскую премию лет через пять, будешь с ним жить-поживать да горя не знать...

— В Максима?.. — Люба на полном серьёзе с ног до головы оглядела прислонившегося к стенке отличника. — Ну, вообще-то он тоже симпатичный... И высокий... Нет! А кто тогда дрова колоть будет?! Да и за картошкой его тоже небось не выгонишь!..

— Да хватит вам про парней! — не выдержала Вера. — Книгу нашу надо переводить, что же ещё, не домашку же по английскому!

— Вообще-то надо, — согласилась Люба. — И Книгу, и домашку. Нам на завтра задали. — Надя недовольно засопела: ей было лень этим заниматься. И Книгой, и



домашкой. — Язык знаем, только вот... для этого словарь нужен! А где ты сейчас латинско-русский словарь возьмёшь?.. Их небось и не продают нигде... Эх, надо было тебе его у бабушки забрать и сюда привезти!..

— Да ты что?! Кто ж мне его даст?! Он, во-первых, там нужен, а во-вторых, выдела бы ты, какой он здоровенный!.. Слушайте, а чего мы в коридоре сидим? Кабинет же открыт!

7 «А» ввалился в класс. Парни расселись вокруг последней парты, вывалили из снятой с Юры «копилки» все деньги и принялись их пересчитывать.

— Восемьсот пятьдесят четыре десятки! — восторженно похвастался Прохор. — Это восемь тысяч пятьсот сорок рублей! — и он горделиво посмотрел на Надю, словно надеясь, что возлюбленная подарит ему ласковый взгляд за эти кровью и потом добытые деньги.

— Ну, на Мерседес нам не хватит, — рассудительно заметил Андрей, — но вот на коробку конфет...

Прозвенел до боли знакомый звонок, всегда один и тот же, но в то же время всегда такой разный: райские колокольчики, когда он звонит с занятий, и гонг Страшного Суда — на них.

С последней трелью в дверь вошёл мужчина. Высокий, массивный, с развитой мускулатурой и блестящей лысиной. Движения его были уверенные, неторопливые и спокойные, а глаза — светло-серые и какие-то мёртвые, из-за чего взгляд казался очень тяжёлым. Кожа была смуглой, но со странной более светлой полосой наискось на лице.

Он негромко хлопнул дверью, закрывая её. На любом другом уроке это ни на кого впечатления не произвело бы (ну, кроме истории и физики, но Барисова никогда не захлопывала дверь «тихонько», она бабахала ей об косяк так, что стены вздрагивали, а на физике дети затихали, едва заслышав в конце коридора грозный стук каблуков), но в этот раз все как по команде замолкли и развернулись к учителю.

А тот медленно и спокойно взошёл на кафедру и оглядел учеников пронизывающим взглядом.

— Здравствуйте. Меня зовут Валерий Константинович, — голос у него был зычный, гулкий и без всякой интонации. — Я буду вести у вас биологию некоторое время...

В этот момент дверь открылась и в класс ввалились хихикающие Оля в мини-юбке и неизменных кроссовках и Аня со своими красными вьющимися волосами.

— Ой... Здравсьте, а мы в кафе были! — девочки выдали свою обычную отговорку и хотели было юркнуть на свои места на последней парте, но биолог их остановил.

— Почему вы опоздали?

— Мы ж говорим, в кафе были. Звонка не слышали.

— Почему все слышали, а вы нет? У вас проблемы со слухом?

— Всё у нас в порядке, — тут же начала кипятиться Оля. — И не надо нас оскорблять, пожалуйста!

— Я вас не оскорбил, — невозмутимо возразил Валерий Константинович. — Я спросил. Вы ответили. Никаких оскорблений. Как ваши фамилии? — за время всего разговора биолог ни разу не повысил голос.

— Исрафилова и Лакизо, — недовольно буркнула Аня.

Учитель сверился с журналом и чуть приподнял едва заметные светлые брови: видимо, удивился какие «прекрасные» стоят у подруг отметки.

— У вас, Лакизо, уже четыре урока не было оценок. Вам это известно?

— Я не Лакизо, я Оля! — требовать от этого странного человека называть себя

«Олечкой» девчонка не осмелилась.

— Вам это известно? — не меня интонации бесстрастно повторил учитель.

— Не надо называть меня Лакизой!!! — сорвалась почти на крик Оля. Она нервничала и, пожалуй, даже была слегка напугана, и из-за этого злилась.

— Это ваша фамилия. А я ваш учитель. И я имею право называть вас по фамилии. Я вам не друг и не приятель («Ну и слава богу», — пробурчала Ольга, однако так тихо, чтобы биолог не услышал), на которого вы могли бы за это обижаться. Вам известно, что у вас почти нет оценок, а те, которые есть, оставляют желать лучшего?

— Ну, известно.

— В таком случае, полагаю, вы должны были готовиться к сегодняшнему уроку и ответите, скажем... чем является кочан капусты?

При слове «кочан» класс наконец вышел из ступора и, захихикав, поглядел на Игната. Тот показал всем язык и, преисполненный достоинства, поглядел на Олю.

— Ну, капуста это... капуста, — выдала Оля сногшибательный по содержательности ответ.

Биолог молчал, явно ожидая продолжения. Не дождался и сказал:

— В чём-то вы, конечно, правы («Я всегда права», — гордо буркнула Оля), капуста останется капустой, как на неё не смотри, но если посмотреть поглубже, с биологической точки зрения, то, думаю, можно будет попробовать дать научный, более развёрнутый ответ. Итак?

Оля старательно хлопала газами, краем рта попросив Машу подсказать. Добрая девочка мигом полезла книгу и стала что-то шептать, но Валерий Константинович резко поднял руку, останавливая это безобразие.

— Кто начнёт подсказывать, ставлю два без разговоров.

Машка извиняюще замолчала, Ольга с сожалением вздохнула.

— Да... — протянул учитель. — Вот вам вопрос. Жизненный. Попытается ли один человек помочь другому, рискуя собой?.. Вряд ли. Люди сейчас морально упали, стали слишком эгоистичными для самопожертвования во благо другого. Да и во благо ли?.. — голос биолога, звучавший так, словно его обладатель давно уже перерос всё это глупое человечество, эхом отдавался в абсолютной тишине класса. Только какая-то муха, не осознавая торжественности и важности обстановки, сердито зудела, тычась в закрытое окно.

Учитель помолчал ещё с полминуты, а потом со вздохом сказал:

— Садитесь... Лакизо. И вы, девушка, тоже, — обратился он к Ане. — Капуста... Кочан капусты — это видоизменённая почка. По-белорусски — видазмененая пупышка.

Зеленко Маша засмеялась первая, остальные — за ней.

— Чего ржёшь, Зелёнка? — обиделся Игнат.

— Да так, ничего! Пупышка-кочерыжка! Видоизменённая!

Валерий Константинович подождал, пока смех утихнет и начал излагать материал. Рассказывал он хорошо, подробно, но в то же время не нудно, с едва приметным акцентом, придававшим его сухой и бесстрастной речи некую певучесть. Порой он перемежал школьный материал странными философскими изречениями, в которых все видели глубокий смысл, но чаще всего глубокий настолько, что до него не докопаться. Правда, Наде, хоть она ничего и не поняла, всё равно понравилось. Пару раз рассказал кое-что забавное. Например, что пищу надо пережёвывать как можно тщательней, а у кого проблемы с пищеварением — вообще каждый кусок по сто пятьдесят раз. А потом выплюнуть и повторить процедуру.

А когда прозвенел звонок и все повскакивали со своих мест, он внезапно сказал:

— И ещё, насчёт того вечного вопроса о дружбе и способности к самопожертвованию...

Поразмышляйте о нём как-нибудь на досуге, хорошо? — и его взгляд, скользя по классу, на секунду задержался на Вере.

## Глава 16. Братья наши меньшие

Когда во вторник утром Вера и Люба вошли в свою раздевалку, там, на низеньких скамеечках, сидела уже не только Надя, но и добрая половина класса.

— Нет, всё-таки странный он какой-то, этот биолог, — разглагольствовал Шуйский. — Видели, какие у него глаза? Жуть!

— И говорил как-то странно! — подхватила Аня, которая в этот раз, вопреки обыкновению, пришла вовремя. — Такие фразочки заковыристые...

— Точно! Может, он инопланетянин? — воодушевился Андрей.

— Эй! У тебя уже совсем крыша едет, Андрюха! — заявила Полина. — Лично меня больше волнует, как мы с ним контрольную писать будем...

— Да, этот свинтус точно что-нибудь эдакое выдумает, — согласилась Машка, кинув в рот карамельку и запустив руку в волосы, где та тут же увязла среди тёмно-русых кудряшек.

— Задобрить бы его как-нибудь, — в унисон произнесли Ната и Марго.

— И как вы себе это представляете? — скептически поинтересовалась Вера, присаживаясь рядом с молчащей Надей.

— Ну, доску там вовремя мыть, домашку делать, на уроки, — Наташа кинула взгляд на Аню, — не опаздывать.

— Не, народ, не пойдёт, — авторитетно заявила Марго. — Так он решит, что мы вундеркинды, и будет только хуже. И вообще, если делать всю домашку и не опаздывать, то мы и так всё выучим. Лучше с ним пообщаться, узнать, что он любит, подарок сделать... Ну, скажем, зайти к нему на перемене, порасспрашивать про эти его «жизненные аксиомы», «вечные вопросы» и другую бредятину, заодно поглядеть, что у него на столе стоит, с чем на работу ходит — эти вещи много о человеке рассказать могут... Ну, по ходу шоколадкой угостить... — с видом специалиста задумчиво произнесла Марго, обводя большими прозрачными серо-голубыми глазами класс и расправляя розовую юбочку.

7 «А» задумался.

— Хороший план, — одобрила Люба.

— Японопомешаная дала «добро»! — съехидничал Кочан.

— Молчи, пупышка видоизменённая! — отмахнулась Люба, одновременно обиженно поглядывая на Федю, который не вступился за свою возлюбленную. Она не знала, что на самом деле это прозвище, данное ей из-за чрезмерной любви к Японии, сам Федя и придумал. — Нет, ну в самом деле, неплохо! Ты, Маргоша, и пойдёшь! И Надю с тобой пошлём, для моральной поддержки! Ей может даже интересно будет, она такие заумные речи любит!

— Не-е-ет! — отреклась Надя, сердито глядя на подругу. — Я не пойду, он какой-то жуткий! Я его боюсь!

— Да я и сама сходить могу! На разведку, так сказать! А потом и остальные подключатся! — решила Марго, взвесив все плюсы и минусы и решив, что даже если классу ей помочь и не удастся, то уж к ней Валерий Константинович точно будет относиться лояльнее.

— Ну вот и хорошо! — сказал Прохор, незаметно подкладывая Наде в портфель записку с признанием в любви. Пятую за последние две недели.

\* \* \*

— А знаете, какой мне сегодня сон приснился?.. — с восхищением сообщила Люба, когда подруги спускались в столовую после урока Гарпии. Ирина Николаевна, ввиду того, что скоро будут экзамены, ужесточила и без того не напоминающие зефир в шоколаде требования, и большинство учеников чувствовали себя так, словно им раздолбали черепную коробку, вытряхнули оттуда мозги, хорошенько простирнули в стиральной машинке и повесили на просушку где-то очень и очень далеко от законного местонахождения.

— Ну и?.. — проявлять интерес, как обычно, пришлось Вере, так как Надя молчала. Вере порой казалось, что она служит связующим звеном между подругами. Иногда её это радовало, иногда раздражало, но факт оставался фактом.

— Японский сад. Большой. Красивый, — Люба мечтательно повела перед собой рукой и прикрыла глаза, моментально врезавшись в Юру, который шёл впереди. — Небольшие беседки, деревянные, края крыш загнуты кверху, черепица красная... А вокруг сакура цветёт, и ветер по светлым, выложенным бульжником дорожкам гоняет нежно-розовые лепестки... и везде травка аккуратно подстриженная, зелёная-зелёная, большие такие яркие цветы на высоких ножках, типа ирисов, и альпийские горки... Такие художественные нагромождения валунов среди мелких цветочков, а по ним ручейки воды текут, и так журчат, журчат... А на камнях какие-то знаки высечены, вроде бы иероглифы, но какие — не видно. И ещё мостики всякие: и деревянные, резные, и каменные... А я сама — в белоснежном кимоно в мелкий розовый цветочек и с этими деревянными гэта на ногах — ну, обувь такая...

— Сразу видно, что это сон, — хмыкнула Вера. — Иначе белого кимоно у тебя быть ну никак не могло!

— Почему?

— В реальной жизни оно у тебя было бы коричневым с прозеленью!

— Почему?!!

— Потому что ни за что не поверю, что ты в белом кимоно гуляла по саду в этих жутких деревянных колодках, которые по какому-то недоразумению назвали обувью, и ни разу не упала! И не вымазалась как... как... как обычно! Ты же ни платформы, ни каблуки не любишь!

— Люблю, почему это?! — всё больше возмущалась Люба. — Я только шпильки не перевариваю!

— Всё равно... Вот если бы ты упала с моста, запуталась в кимоно или свалилась бы в клумбу, это было бы реалистично, а так... Сон он и есть сон! — Вера философски пожала плечами, подходя к столу.

Надя похихикивала, а Люба, приняв гордый, обиженно-независимый вид, ткнула вилкой картофелину. Но долго молчать и строить из себя смертельно обиженную у неё как обычно не получилось, и она повернулась к подругам:

— Кстати, Надя, а ты заметила, что твой Барашек... Ой! Осторожней! Тихо ты, глаз выколешь! Вера, забери у этой психованной вилку!!! Шуток не понимает!.. Ай! Ладно, я пошутила!!! Всё, всё, сдаюсь, кому говорят!.. Ну так вот, что твой... Пашечкин, — ехидно произнесла Люба, глядя на Надю с другого края стола, но та благосклонно кивнула, — всё чаще что-то один ходит? Без Даши? И галстук снова жёлтый нацепил. А?

Надя повеселела:

— Ага. Заметила. Думаешь, он её и правда бросил?.. Ну ладно, поживём — увидим.

Девочка задумчиво сунула в рот и прожевала картофелину, но настроение было таким хорошим, что она снова повернулась к друзьям и сказала:

— А та рыжая собака опять возле моего дома крутится.

Вера уронила вилку. Люба — тарелку.

— Правда? Давно? — жадно спросила Вера, нетерпеливо перекидывая длинную русую косу через плечо.

— Да со вчерашнего дня... И ночевала где-то неподалеку. Когда я утром сегодня в школу шла, возле меня крутилась. Если вам так интересно, поехали сегодня после школы ко мне в гости! Посмотрим, что этот пёсик за фрукт! А то вдруг окажется, что это овощ! А тс эта собачка такая бедная, голодная...

— Что это вдруг за инициатива в тебе проснулась? И любовь к животным? — удивилась Люба. — То котёнка приласкала, то собаку пожалела...

— Да вот с котёнка-то всё пожалуй и началось... Я ещё тогда подумала, что не все животные такие плохие. А это собака... Ну... Я на неё поближе посмотрела — вроде ухоженная... И кусаться не собирается. Только голодная... Но одна я к ней всё равно не пойду! Вот если с вами — тогда ладно.

— Запросто! — дружно согласились подруги.

— Эй! Народ! — завопил ввалившийся в столовую Андрей, подбегая к своему столу. — Помните, что нам биолог сказал? Что каждый кусок пищи надо пережёвывать по сто пятьдесят раз! Не меньше! Берегите своё пищеварение!!! Выплёвывать и пережёвывать ещё раз, так и быть, не обязательно.

— Да ты что?! Тут и так этой гадостью еле давишься, а если ещё и пережёвывать столько...

— Да и на урок опоздаем... Хорошо ещё, если только на этот, — добавила Полина.

— Так ведь в том-то вся и фишка, подруга, — подмигнул Шуйский, хлопнув девушку по плечу. — Опоздаем так опоздаем, а если что, скажем, что это Валерий Константинович во всё виноват, это он нам сказал! Здоровье прежде всего!!!

Семиклассники честно пытались жевать как положено (все с удивлением оглядывались на отчаянно жующих с таким видом, словно их сейчас вырвет, и что-то бормочущих про себя ребят), но после пятидесяти сбивались и проглатывали. Шуйский бегал между тихонько считающими учениками и следил, чтобы никто не мухлевал. Однако когда прозвенел звонок на математику, 7 «А» с отвращением покидал вилки с тарелками на стол, послав Андрея с его здоровым питанием и заявив, что «мы уж лучше на уроках посидим».

Андрею ничего не оставалось сделать, кроме как громко сожалеть, что никто не проникся его великой идеей о новом способе прогуливания уроков, последовать за остальными.

\* \* \*

На математике Терезка устроила допрос, а потом выписала на доску наиболее сложные задания, которые, на её взгляд, могут быть на экзамене.

— Кто подумал и нашёл правильный ответ? — спросила она через некоторое время.

— А думать надо было обязательно? — расстроился Игнат, списавший решение у Максима.

— Эй, девочки! — прошептала Машка, подсаживаясь к Любе, пока Тереза Антоновна отвернулась. Люба удивлённо посмотрела на неё; сидящие впереди Вера с Надей обернулись. — А у вас вправду где-то бездомная собака есть?

— Не у нас, — помотала головой Люба и показала пальцем на Надю, — а у неё.

— Ой, девочки, здорово! — восхитилась кошатница, собачница, хомячница и т. д. — И вы её себе домой забрать собираетесь? Нет? Только подкормить? Вот это правильно! — одобрила Машка. И тут же вывалила на подруг массу информации о том, как к собаке подойти, как завоевать доверие, как приручить, чем и как кормить, поить, где укладывать спать, какие прививки сделать, дала основы дрессировки... Потом плавно перешла к кошкам, потом к хомьякам, потом принялась перечислять своих домашних животных: кошка, адын штук, собаки, два штуки, морская свинка, хомяков — штук шесть и полчища черепах, рыбок и улиток.

Надя, Вера и Люба слушали всё это, открыв рты. Сначала они ещё пытались вставить своё слово, но потом махнули на это безнадёжное дело рукой, как загипнотизированные глядя Машке в рот.

Наконец Вера очнулась и, тревожно покосившись на Терезку, попросила Машу очень, очень коротенько повторить, как к этой собаке подойти и чем кормить. Этот очень кратенький рассказ затянулся до конца урока, но зато девочки почувствовали себя настоящими профи по собачьим вопросам.

\* \* \*

Перед экзаменами учителя совсем озверели. С последнего шестого урока — физики — 7«А» вышел, пошатываясь. В ушах стояли вопли Мороз, а перед глазами резво прыгали формулы плотности, давления и энергии.

— Эх, что может быть лучше звонка с урока? — мечтательно сказала Вера.

— Звонок с последнего урока! — предположила Люба.

— Звонок с урока физики! — веско припечатала Надя, и с этим поспорить никто не смог.

Так как по всем признакам выходило, что с ними только что произошло потрясающее событие — звонок с последнего урока физики — настроение у девчонок резко поднялось, и они уже вполне резво побежали к раздевалке.

На улице было уже совсем тепло. На школьном крыльце Андрей с другими парнями ржали, разглядывая Юрину цифровую камеру.

— Чего у вас там, дайте посмотреть — мигом потребовала Люба.

— На, смотри, Японопомешаная, — Шуйский великодушно щёлкнул кнопкой и сунул камеру девочке под нос. — Помнишь, мы по десять рублей со всех собирали? Ну вот, мы там посчитали, почти десять тысяч набралось. На Мерседес не хватило, мы решили конфет купить...

— Вижу, — давясь смехом согласилась Люба. Вера с Надей хихикали у неё за спиной. На камеру был полностью заснят поход в магазин: и выбор конфет, и шествие к кассовому аппарату, и обалделое лицо продавщицы, когда друзья начали расплачиваться... Продавщица долго возмущалась, сердито махала руками на камеру, чтобы её перестали снимать, кричала, что эта молодежь над ней издевается... Потом ходила разменивать десятки: все они в кассу не вмещались...

— Круто, — искренне оценила Вера, когда Люба вернула камеру. — С фантазией.

— А то! Так-то вот, Матвеевская, учись, пока я живой! — гордо сказал польщённый Андрей.

— Буду. Только боюсь, если теорию по физике не выучишь, учиться будет не у кого, потому что будешь ты не живой, адохлый... Что тебе сегодня Мороз обещала?

— Когда?.. А, первые пять минут урока — уши оторвать, — сориентировался Андрей, — в следующие десять — ещё и конечности, а потом всё остальное время — из школы выгону, родителям позвону, башку оторву, прибью у себя в кабинете и буду дротики кидать, чтоб другим неповадно было. А в самом конце амперметром в меня кинула — а я что, виноват, что Игнат Машке под стул мою хлопущку засунул и поджжг?.. Они ж у меня все подписаны... Шуток не понимают!

Посмеявшись, девочки направились к остановке.

— А как насчёт нашей часовни? — Веру распирала жажда деятельности. — Может, нам ещё зайца поискать, как вы думаете?

— Да ну, там в этом лесочке зайцев, как килограммов в Барисовой, — поморщилась Люба. Заяц ей категорически не нравился.

— Тогда книга... Надо переводить. С помощью Юры. Он латынь чуть-чуть знает.

— И как ты думаешь это сделать? — весьма недовольно спросила Люба: она наступила в гигантскую, размером с Тихий океан, лужу.

— Всё подряд, конечно, он перевести не сможет, да и мы же ему не всю книгу потащим. Но, скажем, несколько фраз выписать... Таких, которые в глаза бросаются. Если не дословно, то хоть смысл общий понять. И обязательно пометать, где и какая фраза переведена, чтоб не запутаться.

— Девчонки! — взмолилась Надя. — Давайте не будем никуда лезть! Ну пожалуйста! Мне это всё не нравится. Это и в самом деле слишком необычно, мы же понятия не имеем, чем это закончится! — девочка, в надежде уговорить друзей, развернулась к ним лицом и теперь шла спиной вперёд, махая руками. — Может, давайте оставим всё это в покое? А? Забудем про эту дурацкую часовню, и непонятные валентинки, и психованных зайцев... У нас же скоро экзамены...

— Надя, — очень осторожно начала Вера. — А ты сама-то сможешь забыть про это? Про часовню, про Книгу, про зеркало... Сможешь выкинуть свою валентинку? Она ведь сейчас у тебя в кармане, и не отпирайся, я знаю!

Надя закусила губу.

— Ну ладно, но тогда, очень вас прошу, действуем осторожно, только в свободное время — я не собираюсь экзамены заваливать — и... ни во что феноменальное не ввязываемся!

— Ага! — радостно кивнули подруги, беря Надю под руки и выводя из ещё одной лужи. Уже не с Тихий океан, но со Средиземное море точно.

«Слишком легко согласились», — озабоченно подумала Надя.

\* \* \*

— Ох, и тяжела жизнь в Ждановичах, — проворчала Люба, прыгая по небольшим кочкам, выступающим из лужи, в которую превратилась дорога, и раскиданным то тут, то там кирпичам и доскам. — Зимой здесь было не пролезть через сугробы, осенью не выкарабкаться из грязи, а весной не перебраться через лужи.



— Да уж... — угрюмо согласилась Надя. Но тут же, всё-таки слегка уязвлённая, что обижают её любимые Ждановичи, добавила: — Зато летом хорошо!.. И воздух свежий, и цветы... Правда, грядки копать приходится... И комаров много... — девочка опять погрустнела. — Пошли сначала ко мне домой, чайку попью, а потом пойдём искать это животное. Только осторожнее в коридоре: у меня там брат велосипед разобрал, везде всякие железки валяются...

Через пятнадцать минут подруги уже сидели у Нади в комнате. Хозяйка, держа тёмно-синюю кружку обеими руками, боком сидела на широком подоконнике, прислонившись спиной к раме и глядя в окно. Люба с Верой сидели на кровати, хрумкали печенье и ожесточённо резались в карты. Вера выиграла и ехидно захихикала. Люба хотела высказать подруге всё, что о ней думает, но из-за забитого печеньем рта ограничилась нейтральным «бу-бу-бу» и от избытка чувств сердито швырнула в девчонку кусочком вафли, который описал красивую дугу и с бульканьем нырнул Наде в чашку.

— Ой, извини, я случайно! — смутилась Люба, проглатывая печенье и глядя как Надя, приподняв тонкую светлую бровь, созерцает глубины кружки.

— За «случайно» бьют по чайнику, ясно? — сообщила девочка, вылавливая ложкой свою добычу.

— Ну вот иди на кухню и лупи там свой несчастный чайник! — отмахнулась Люба, сгребая карты в кучу.

Надя вернулась к созерцанию пейзажа за окном, но тут же чуть не грохнулась с подоконника.

— Эй, а вон и ваша рыжая собака! Дожёвываем и идём или может ну её?

— Дожёвываем и идём! — хором ответили подруги.

Девчонки вывалились из дома и попрыгали по направлению к калитке.

Тёмно-рыжая, с гладкой, блестящей шерстью, поджарая и изящная, но очень худая средних размеров собака и в самом деле неспешно трусила по лужам, изредка ненадолго останавливаясь и принюхиваясь.

Надя подняла на вытянутой руке целлофановый пакетик с колбасой.

— Ну, и что дальше?

— Дай сюда кусочек! — велела Люба. Вынула из липкого пакета колбасу и осторожно пошла по направлению к собаке. Шагах в пяти собака насторожилась и, вильнув хвостом, обернулась, в упор глядя на еду. Люба, пригнувшись, сделала ещё один шаг, держа колбасу на вытянутой руке, однако собака проворно отскочила, сохраняя дистанцию.

Люба бросила колбасу собаке, но не очень далеко от себя. Животное нетерпеливо заметалось, жадно глядя на желанный кусок, но явно опасаясь приближаться к человеку. Однако голод победил, и пёсик, резво схватив добычу, отбежал немного, чтобы никто не мешал ему её есть.

Вера отобрала у Нади пакет с колбасой и присела рядом с Любой. Рыжая собака закончила с поглощением пищи и глянула на подруг проницательным взглядом.

Теперь уже Вера вынула колбасу из пакета и бросила псу. Уже ближе, чем Люба прошлый раз. Обе девочки сидели на корточках.

Собака схватила и эту порцию и снова отбежала.

Третий кусок Люба с Верой положили возле себя, и даже Надя, до этого стоящая поодаль, с интересом подошла поближе.

Собака долго мучалась, но потом всё-таки подбежала к друзьям и съела сначала этот кусок, а потом полезла к Вере в мешочек за новой порцией.

Девочки рассмеялись, и пока пёс утолял голод, гладили его по рыжей голове, шею и трогали лопушистые уши. Надя стояла рядом, но собаку не трогала.

— Прелесть какая! Умная собачка! — проворковала Вера, почёсывая ей подбородок.

— Это не умная собачка, это умный собак! Тьфу, в смысле, умный пёс! — поправила Люба.

Умный пёс тем временем вывернулся из рук и отбежал на несколько шагов, а потом снова сел.

— Эй, куда ты?! — возмутилась Вера. — На ещё колбаски!

Девочки подбежали к собачке, дали ещё одну порцию колбасы, которую собака благополучно сжевала. После этого перебежала дорогу и уселась у обочины, склонив голову набок, подняв ухо и выжидающе глядя на подруг умными глазами.

— Нет, ну он что, хочет, чтобы мы за ним по всем Жданам бегали?! — возмутилась Люба, выхватывая у Веры пакет и следуя за псом.

На этот раз пёсик даже колбасой угощаться не пожелал, а сразу потрусил вдоль забора, оглянувшись возле покосившейся калитки.

Три подруги переглянулись. Вера, сверкнув глазами, решительно направилась к псу, переминающемуся с лапы на лапу, словно от нетерпения.

— Он нас что, за собой ведёт? — поинтересовалась Надя. — Что-то показать хочет?

— Ну да, наверное, — откликнулась Вера. — Посмотрим, куда заведёт?

— Посмотрим! — согласилась Люба, нагоняя подругу. Надя шла следом, пытая им в затылки.

Собака нырнула в калитку.

— Эй! — спохватилась Надя. — Туда нельзя! Это не наш участок! Это соседей...

Вера нерешительно остановилась. Люба посмотрела на немаленький дом, глядящий на Урожайную улицу пустыми провалами окон.

— Ты же говорила, что они уехали копить на новую водопроводную систему? Так? — Надя кивнула. — Ну вот, значит, здесь сейчас никого нет. А если что, скажем, что заблудились.

— Угу, — иронически хмыкнула Надя. — Особенно сильно я заплутала — напротив своего дома.

— Ой, ну ладно тебе, что-нибудь придумаем, — отмахнулась Люба.

Весной, когда растаял снег, двор выглядел ещё неприглядней: стали видны кое-где торчащие из земли трубы.

Пёс спокойно стоял на неухоженной дорожке и, при виде друзей слегка подпрыгнув, коротко гавкнул и побежал за дом.

Подруги кинулись за ним. Пёс словно одурел. Он носился по всему саду, то взбегая на крыльцо дома, то почти выбегая за калитку.

Сначала девочки выписывали все эти кренделя следом за ним, но потом замедлили бег и остановились. Собака продолжала заниматься спортом.

— Ну, всё! — задыхаясь произнесла Надя. — Хватит!

Собака рыжим вихрем пронеслась мимо, остановилась на другом конце сада, и коротко, негромко заскулила, глядя на подруг. Так просительно, что девчонки тут же кинулись к ней.

— У-у-уй! — взвыла Люба, растянувшись в грязи среди прошлогодних листьев.

— Ну что там с тобой?! — резко притормаживая, развернулись Вера и Надя.

— С-с-с... Да эти твои соседи со своим водопроводом! Уже второй раз... Помнишь, мы зимой к тебе ходили? Мы с Верой сначала этот дом с твоим перепутали. Я тогда тоже об эту трубу споткнулась. У-у-ух-х...

Люба, потирая ногу, уселась прямо на землю (хуже уже не будет, всё равно вся грязная). Вера присела на корточки рядом с подругой и огляделась. Собака куда-то исчезла.

— Ну и где она? — хмуро спросила Надя. — Одни только проблемы от этих животных... Да и от ваших бредовых идей тоже! — она подошла к дому и заглянула за угол.

— А, вот она!

Ей на встречу выбежала рыжая молния и ласково ткнулась носом в ладонь. Надя немного оттаяла, заодно прикидывая, где тут можно вымыть руки.

Однако пёсик на этом не остановился и, схватив зубами край простенького, но симпатичного Надиного плащика, несильно потянул к двум сидящим возле ржавой трубы девчонкам.

— Эй, ты что делаешь?! Порвёшь же!!! — взвизгнула Надя, вынужденная последовать за собачкой, чтобы не повредить ткань.

Подведя Надю к заинтересованно наблюдающим Вере и Любе, собака обнюхала дырку в трубе и Любин сапог, оглянулась на Надю и быстро негромко вопросительно рявкнула.

Надя с удивлением присмотрелась к дырке.

Луч бледного ещё солнца, сидящего на голубом, припорошённом пепельными тучками небе скользнул по рыжеватым пятнам ржавчины.

В тёмной, засыпанной желтоватой соломой ямке что-то блеснуло.

Надя запустила руку в дырку.

И достала оттуда облепленный землёй круглый, размером с ладонь, кусок сероватой пористой горной породы. В ней, как специально, было множество небольших круглых отверстий.

Счистив верхний слой вязкой грязи, притихшие подруги увидели, что под слоем серого камня в круглых дырочках переливается что-то полупрозрачное.

— Ух ты, какой красивый камушек! — восхитилась Надя, большим пальцем счищая землю с серо-шершавой и прозрачно-гладкой поверхности.

Собака бешено завилала хвостом, громко залаяла и радостно, вприпрыжку понеслась к калитке.

— Эй!!! — завопили девчонки. — Стой! Подожди!

Они выбежали на дорогу, но там уже никого не было.

У Нади дома подруги покидали грязные ботинки у порога и протолкнулись в ванную. Хозяйка включила тёплую воду и долго и тщательно отмывала свою находку. Вера с Любой смотрели, затаив дыхание.

— Пойдёмте ко мне наверх? — предложила Надя, прикрыв очищенный камень ладонью. Друзья взбежали по лестнице, шикнув на Надиного брата, который хотел спросить, какой великой цели служат раскиданные по всему коридору три пары грязнящих сапог и брошенные на пол мимо вешалки куртки, зашли в комнату и закрыли дверь.

Надя раскрыла ладони, в которых был спрятан камень.

Все трое ахнули.

Камень сиял. Сиял так, словно внутри шарообразного сита включили лампочку.

Бледный голубоватый свет из окна отражался от тысяч граней, виднеющихся в круглых отверстиях, и светлыми стрелами разлетался по комнате.

— Вау.

Надя покатила шарик в руках, бледные блики запрыгали по стенам.

— Красота! — выдохнула Вера. — Смотрите, как интересно получилось: все эти дырочки идут почти ровными рядами, и все одинакового размера! Только вот тут одна побольше, — девочка развернула камень и показала выделяющееся среди ровных светящихся кружочков отверстие покрупнее. Оно и сияло ярче, чем остальные.

На солнце набежала тучка. В комнате стало темнее, камень перестал светиться и только тускло поблёскивал: запертая в гранитной клетке Красота.

Надя поводила пальцем по шероховатому граниту, покрывающему камень, а потом по выглядывающей из-под него гладкой поверхности с острыми гранями.

— Я его себе оставлю. Никто не против?

— Не против. Мне булыжники домой таскать не разрешают, — согласилась Люба.

— А у меня дома бегают небольшой кошмарик, от которого потом бывают очень большие проблемы: младшая сестра. Если бы я взяла его к себе, то через полминуты моя Настёна сделала бы так, что от него ничего не осталось бы, — кивнула Вера. — Ну ладно, Надь, мы пойдём уже.

— Угу, — задумчиво кивнула Надя, не сводя глаз со своей находки.

Когда Вера с Любой шли по улице мимо соседского дома, впереди мелькнуло что-то рыжее. Девчонки не успели рассмотреть как следует, но обоим на секунду показалось... впрочем, говорить об этом друг другу они не стали... что это была вовсе и не собака даже, а так хорошо знакомый им заяц.

# Глава 17. Сюрпризы

Через день, утром в четверг, Надя с озадаченным видом подошла к только что вошедшим в раздевалку спортзала Вере и Любе и таинственно произнесла:

— Он светится.

Подруги, которые до этого увлечённо обсуждали физрука Котика — Люба от скуки уже и в него собралась влюбиться, а Вера её отговаривала, — недоумённо на неё уставились.

— Камень, — сочла нужным уточнить девочка.

— В смысле — светится? Сияет? Так это мы и сами видели, — сказала Вера. — Свет отражается от граней и поэтому...

— Да нет! — нетерпеливо перебила Надя. — Не днём на свету сияет, а ночью, в темноте. Светится. Так, не сильно, а просто... Ну, видно его. Светлое такое пятно.

В этот момент вошли Машка с Марго.

— Девочки, — затарахтела Машуня, — сегодня же биология! Приступаем к плану «А»! Марго пойдёт к этому Константиновичу после урока и попросит поговорить с ней после занятий, и если он согласится, то пойдём к нему после истории Беларуси, ой, а сегодня ведь история, а я домашку не сделала, ой, а ещё и физика, ой, боюсь! А у меня скоро День Рождения, мне кролика подарят, а то у меня хомячок умер...

— Мы пойдём конфет разных купим, каждого вида понемногу, — вмешалась Скуратова, видя, что Машку понесло не туда, куда надо. — Чтобы угощать. Скиньтесь все рублей по сто!

Девчонки, сидящие в раздевалке, полезли в сумки.

— Ой, надо ещё парням сказать! — воскликнула Маша и юркнула в дверь. Надя успела глянуть на её ярко-салатовые штаны и апельсиновую куртку и неодобрительно покачала головой. Хотя Маша и говорила, что это у неё такой стиль, Надя его совершенно не понимала.

Котиков, физрук, громко потребовал выходить, Марго дособирила деньги, записав должниками опять опаздывающих Аню и Олю, и прекрасная половина 7 «А» вывалила из раздевалки в спортзал.

\* \* \*

— Ненавижу Мороз, ненавижу физику, ненавижу 331-ый кабинет, в котором она проходит, ненавижу... — бубнила Надя, плюхаясь на первую парту в пустом ещё кабинете биологии после физики.

— Уймись! — Вера, Люба, Полина и Наташа проявили удивительное единодушие.

— Ну что уймись, что уймись?! У меня на физику аллергия! В обострённой форме! Я когда на букву «Ф» смотрю, у меня от страха в глазах темнеет и ноги подкашиваются! А когда Мороз вопить начинает, то даже стёкла дрожат, того и гляди треснут! Громче неё только Былина орала, когда её ручки вместо того, чтобы вручную стирать, в стиральную машину засунули, да ещё вместе с красными юбками, в которых наш гимназический хор выступает!

— А Барисова? — посмеиваясь, спросила Полина. Наташа мыла доску, рисуя мокрой тряпкой человечков на покрытой меловой пылью доске.

— Да, ну и Барисова ещё... Только наша Тамара Ивановна басом, а Ольга Игоревна на фальцет срывается. Я слышала, они недавно опять поцапались.

— О-о-о нет! — в класс ввалились Оля с Аней. — Мороз, потом этот тупой биолог, а потом ещё и Барисова со своими столыпинскими реформами... Ну просто житья не стало мирным гимназистам! — Ольга икнула и в обнимку с Анютой, чьи ярко-красные локоны растрепались и зигзагами торчали в разные стороны, направились к своему месту на последней парте.

Вскоре подвалили остальные. Марго педантично строчила в блокнотике, кто и сколько сдал, Зеленко Машка, чьи кудри подпрыгивали в такт шагам, перечисляла виды и качество конфет, но Маргарита только отмахивалась. Она была девушка серьёзная, и к предстоящему мероприятию готовилась ответственно.

Писать контрольную по биологии никому не хотелось.

\* \* \*

На истории Беларуси незабвенная Тамара Ивановна обводила аудиторию бдительным взглядом маленьких чёрных глазок и, пока ещё была перемена, бубнила, что: красить надо ум, а не волосы (это к Ане); что цокать надо не каблуками, а мозгами (это к Оле, которая сегодня пришла не в кроссовках, а на шпильках, на которые Люба недовольно посматривала); что пользоваться корректором нельзя (это к Шилину, на чьём зелёном галстуке красовалась искусно вышитая бутылка водки «Кристалл»); что рыба гниёт с головы, а класс со старосты и, наконец, последовало напоминание, что читать можно роман, книгу, а историю нужно учить! И, Исрафилова, выкинь жвачку в мусорку!

Прозвенел звонок.

Маргариты всё не было.

Её верная подруга Машка озабоченно ёрзала на стуле, все заинтересованно переглядывались, косясь на дверь и гадая, когда же появится Марго, и что же с ней такое случилось: раньше она никогда не опаздывала на уроки. Шуйский прошептал на весь класс: «Я же говорил, что он инопланетянин! Он похитил Скуратову и сейчас ставит над ней опыты!» Игнат нетерпеливо вертелся и подпрыгивал на стуле от любопытства.

На него-то первого Барисова и обрушила свой праведный гнев:

— Ты чего прыгаешь?! Я тебе сейчас как прыгну!

— Лучше не надо! — испугался Кочан, глядя на необъятную фигуру исторички и представляя себе, как после прыжка пол покрывается трещинами и вместе с партами проваливается в находящийся ниже спортзал.

Барисова пошла багровыми пятнами, как вдруг Оля, решив выручить Игната, пнула под партой Коля Прохора. Тот подскочил и возмущённо воззрился на бунтарку, как и Барисова.

— Ты чё делаешь?! Я тебе щас...

— Да что ты мне сделаешь?! — Ольга упёрла руки в боки. Коля мгновенно стушевался: связываться с Ольгой не каждый рискнул бы, уж что-что, а драться она умела!

— Лакизо!!! — басом заревела учительница. — Ты что творишь?! А ну марш из кабинета!!!

— Нет, спасибо, мне здесь как-то больше нравится, — крайне вежливо отказалась Оля. — И вообще, у меня имя есть! — она подмигнула Игнату, и он посмотрел на неё с благодарностью. Коля быстро смекнул, к чему Оля всё затеяла и сел, перестав дуться.

— А НУ ВОН, КОМУ СКАЗАЛА!!! — Барисова подошла к Олиной парте, схватила девушку повыше локтя и потянула к выходу. — НУ?!!! ЖИВО! ТЕБЕ ЧТО, ПОМОЧЬ?!

— Да, помогите, поднесите сумочку! — немедленно согласилась Ольга, сунув Барисовой в руки вышеозначенный предмет.

Тамара Ивановна ошалела от такой наглости и уже открыла рот, чтобы сообщить, что она сейчас же идёт к Мороз, но тут в дверь робко постучали и на пороге появилась Марго: волосы заплетены в косу, светлая юбочка ниже колен и очаровательная розовая кофточка с кружавчиками.

— Скурагова? — не поверила Барисова, даже забыв про Олю, которая, воспользовавшись моментом, юркнула на своё место. — Ты опаздываешь?!

— Простите, Тамара Ивановна! — девочка проникновенно посмотрела на учительницу огромными глубокими серыми глазами и взмахнула длинными светлыми ресницами. — Мне очень жаль, что пришлось опоздать на историю Беларуси, это мой любимый предмет! Но меня задержал Валерий Константинович, наш биолог. Я ему всё объяснила, сказала, как мне жаль будет огорчать такую замечательную учительницу своим опозданием, но он настаивал и мне пришлось задержаться, не могу же я спорить с учителем, это некрасиво...

— Во шпарит! — восхищённо шепнула Люба на ухо Вере, глядя на Марго. — И складно как, прям заслушаешься!

Барисова, услышав про «замечательную учительницу», немного смягчилась:

— Ну ладно, садись и пиши объяснительную, почему опоздала.

Марго повернулась и пошла на своё место, показав классу страшно загадочное лицо и красноречиво расширив глаза, уведомляя таким образом, что осталась у биолога не зря.

\* \* \*

В пятницу утром, опоздав всего лишь на пять минут на первый у 7 «А» урок по русской литературе, Кутас вошёл в 339-ый кабинет.

— Сергей Владимирович! — возмутился Андрей, вынырнув из-за шкафа, где теперь сидел на всех уроках русского вместе с Игнатом. — Если вы ещё раз опоздаете, запишем вам замечание в журнал, отведём в кабинет к Мороз и выгоним из класса! И родителей в школу!!

— Шуйский, успокойся! — велел Кутас. — Иди к себе за шкаф! Но тему всё равно запишите! — учитель махнул рукой на доску, где было написано: «Александр Александрович Блок. 1880–1921 гг. с.235» и добавил: — А потом читайте его биографию на странице 235. Через полчаса буду спрашивать!

За шкафом его проигнорировали и врубили на мобильнике развесёлую мелодию.

Через полчаса злой Кутас крикнул, стараясь заглушить музыку:

— Кочан, рассказывай, что ты знаешь про Блока?!!!

Из-за шкафа в лёгком замешательстве выглянула белобрысая физиономия Игната. Музыка смолкла.

— Да?.. Я?.. Ну... Э-ээ... Был такой писатель, Александр Александрович Блок. Он родился в 1880 году, — продолжил он глядя на доску, — и умер в 1921. Его биография написана на странице 235.

Кутасу захотелось взвыть. Особенно после того, как от парты, где сидели Оля и Аня донеслись слова: «А-8! Мимо! Г-4! Ранила! Г-5! Убила!»

— Исрафилова!!! Ты что, в морской бой играешь?!

— Ага, представляете! — радостно согласилась Аня.

— Давай дневник!

— Зачем?

— Замечание запишу!

— И что вы там напишете?

— Напишу: «На уроке русской литературы Аня играла в морской бой».

— Давайте лучше типа вы мне напишете! — самоотверженно вылез Федя.

— Написать тебе вместо Ани, что ты играешь в морской бой?! — Кутас был наповал сражён его благородством.

— Да нет, напишите мне, что, типа, «Аня играет в морской бой!»! — пояснил Шилин.

Кутас со вздохом отмахнулся. Свой класс ему никогда не удавалось переспорить, особенно когда они начинали защищать друг друга, сбивая учителей с толку. Пусть внутри класса и возникали некоторые разногласия, перед лицом общего врага они мгновенно объединялись, защищая и помогая друг другу.

Вот и сейчас, Сергей Владимирович, не переспорив Аню с Федей, уже забыл, за что сердился на Кочана. У него даже появилось подозрение, что Аня с Олей умышленно дали ему понять, чем они занимаются, чтобы отвлечь от Игната.

— Внимание! — крикнул Кутас. — Э, народ! Э-э!! Я сказал: ВНИМАНИЕ!!! — учитель сложил руки рупором и провоцил что есть мочи. Класс слегка утих. — Экзамены начинаются в конце апреля, я забыл, когда точно. Максим получил право вольного посещения уроков: он готовится к олимпиаде по физике. Приведите в порядок свои дневники и тетради: их будут проверять! А ещё Мороз Ольга Игоревна и Былина Валентина Васильевна будут следить за порядком в гимназии и за её оформлением, так что, очень советую, кто не хочет умереть мучительной смертью — не сорите! Выключайте за собой свет и закрывайте воду!! И, Оля и Люба, если вам дорога жизнь, не носите джинсы!!! — с надрывом закончил Кутас и добавил: — Экзамены сдаются по шести предметам: русскому, белорусскому, физике, математике, истории Беларуси и биологии.

7 «А» покосился на гордо молчащую Марго. Она подмигнула.

\* \* \*

На перемене Маргариту прижали к стенке.

— Слышала?! Нам по биологии экзамен сдавать, а ты молчишь!!! Есть шанс его как-нибудь задобрить?! — Полина и Наташа, выступив вперёд, потребовали отчёта. 7 «А», обступив Маргошу кругом, безмолвно внимал.

Марго гордо постояла, наслаждаясь всеобщим вниманием, а потом начала рассказывать:

— Захожу я, значит, к нему после урока в кабинет. Постучалась, он ответил: «Войдите!» Я вхожу — он сидит за столом, на меня своими жуткими глазами смотрит, как будто насквозь видит! Ну я там сначала притворилась, будто в теме кое-что не поняла — но на самом-то деле я всё поняла, специально самый понятный абзац выбрала, чтобы он увидел, какая я умная. Он начал объяснять, я его спрашиваю: «Так?» «Да». «Так?» «Да». Даже не похвалил ни разу, зараза! Я вообще с биологии почему начала: предлог же нужен был! Я всё ждала, пока он одну из этих своих любимых мудрёных фразочек скажет, чтобы можно было на них плавно перейти. А он всё не говорит, как специально! Ну, наконец не удержался, ляпнул что-то непонятное, даже не на русском. «Magna est veritas et praevalerebit». Спрашиваю: что это за язык? Что это значит? Он говорит: это на латыни, на русский переводится как



«Велика истина, и она восторжествует». Я спрашиваю: а вон та, что вы прошлый раз говорили... В общем, встал он на свои любимые рельсы и поехал... Я чуть не заснула! Да ещё жутко заинтересованную физиономию приходилось изображать. Хотя ему, кажется, было всё равно, с какой физиономией его слушают. Уже и звонок прозвенел, а он всё болтает! На историю Беларуси опоздать! Жуть! Но я... пожертвовала собой во имя нашего класса! — патриотично закончила Марго и добавила: — Я спросила, можно ли мне к нему ещё как-нибудь прийти, и он согласился!

7 «А» поощрительно поаплодировал.

— Молодец, Маргоша, у тебя талант! — похвалил Андрей.

— Опять латынь... Хм?.. — протянула Вера и три подружки задумчиво переглянулись.

\* \* \*

На выходных подругам встретиться так и не удалось: учителя, чувствуя на себе ответственность за хорошую сдачу учениками надвигающихся экзаменов, завалили домашними заданиями. Ученикам, чувствовавшим ответственность за свою гимназию, которая обязана была получить первое место в районе, приходилось их выполнять.

Поэтому, сидя на самостоятельной по математике в понедельник утром на разных рядах, девчонки мучались и терзались от желания поговорить и горько жалели, что не завели ещё одну тетрадь по переписке — на этот раз общую для парней и девчонок.

Терезка, невысокая и молоденькая, выглядела сегодня особенно внушительно, и грозно вышагивала между рядов, явно переняв данный тип поведения у Мороз Ольги Игоревны. Правда, в отличие от последней, при ней шпаргалки ученики 7 «А» всё равно ухитрились прятать. Тренировались перед экзаменом.

Стояла гробовая тишина, поэтому звонок мобильного прозвучал особенно резко. У Феде Шилина. Он извинился и отключил телефон. Но через полминуты он зазвонил снова. Потом ещё раз. Потом ещё...

— Федя, ну что такое, выключите наконец телефон! — не выдержала Тереза Антоновна.

— Да ну что вы, в самом деле! — упрекнул её Игнат. — Ему же мама звонит! А раз мама, то по важной причине! У него, может, троюродная тётя умерла!

Федин телефон зазвенел ещё раз.

— Да сколько же у него тётя?! — возмутилась Терезка, когда сотовый зазвонил в шестой раз.

— Ну, кончатся тётя, пойдут дяди... — пожал плечами Игнат.

В этот момент прозвенел настоящий, школьный звонок, и класс вывалил в коридор, поспешно рассовывая по карманам шпоры.

Подруги кинулись друг к другу, но тут к ним подошли Машка и хихикающая Марго:

— Привет, девчонки! — радостно поприветствовала их Маша. — У меня сегодня День Рождения...

— Знаем! Поздравляем тебя! — хором откликнулись Вера, Надя и Люба. — Будь здорова как корова и расти большая и толстая!

— Спасибо!.. Ну так вот, мне наши пацаны знаете что подарили?!

Машка достала из портфеля флакон. Подруги прочитали: «Шампунь для объёма волос». Перевели взгляд на пышнейшую, не поддающуюся расчёске Машкину шевелюру и расхохотались.

— Ну вот, — Маша философски хмыкнула и засунула шампунь в сумку. Потом

обернулась и крикнула в ухо пробегающему мимо Андрею:

— Свинёнок ты, Шуйский!

— Сама такая! — отмахнулся он, не сбавляя скорости.

— Перестань на него кидаться, он же не виноват, что его в детстве пару раз головой вниз уронили, — махнула рукой Люба. Маша и Марго согласно кивнули и отошли.

— Пошли на русский, — мотнула головой в сторону 339-ого кабинета Вера.

— Пошли. Этот Валерий Константинович знает латынь. И говорит на латыни. Как вы думаете... — с жаром начала Люба.

— Никак! — отрезала Надя. — Если с нами произошло пару необычных событий, то вы теперь уже во всём видите тайну! Он же биолог, возможно, заканчивал медицинский, или биологический. А там латынь учат. Так что ничего удивительного я не вижу.

Вера разочарованно вздохнула.

— Ну посмотрим, — насупилась Люба.

— Посмотрим, посмотрим, — заверила её Надя, которая, чтобы видеть лица друзей, обогнала их и шла спиной вперёд. — Вы бы сейчас лучше про экзамены подумали... Ой!

Хождение по оживлённому школьному коридору задом наперёд может закончиться только одним: вы на кого-нибудь наткнётесь. Так и случилось.

— Уй! — Надя отпрыгнула в сторону, желая освободить проход тому, на кого только что налетела, но вместо этого наступила ему на ногу. — Ох! Извините! — Надя глянула на ошалелые лица подруг и оглянулась, испугавшись, что наткнулась на какого-нибудь жуткого учителя типа Гарпик. Оглянулась и замерла. Это был не учитель. Это было намного хуже.

Это был Паша.

— М-м-м... Э-э... Ой... — девушка смущённо таращилась на ярко-жёлтый галстук: в серые глаза заглянуть так и не решилась, только мельком, когда не поняла ещё, кто перед ней.

— Ничего, прощаю. На первый раз, — парень хмыкнул, с весёлым интересом поглядев на девчонку. Улыбнулся, отодвинул её в сторону и пошёл дальше по коридору, помахивая чёрной папкой. У лестницы ещё раз оглянулся с ухмылкой и исчез за поворотом.

Надя стояла посреди коридора, покрасневшая пятнами, с блаженной улыбкой, шпыняемая со всех сторон плывущими по своим делам в школьном неиссякаемом потоке учениками.

Вера с Любой поспешили втащить её из коридора в класс и посадить за парту. Надя положила сумку на стол, на неё — руки, а на них — голову. И принялась со счастливейшим выражением на лице разглядывать стоящий на подоконнике чахлый кактус, как будто он был величайшим сокровищем её жизни.

— Тяжёлый случай, — вздохнула Вера, помахав у Нади рукой перед носом. — Только я с тобой и твоим Жигаловым отмучалась, вторая влюбилась! У вас всё любовь да любовь, учиться у вас времени нет, всё у меня списываете. А я что, левая?

— Наверно, — пожала плечами Люба. — Говорили же мы тебе: влюбись в кого-нибудь!.. Тогда бы все вместе у Максима списывали...

Подруги повернулись к мечтающей Наде спиной и стали наблюдать за Аней, которая залезла на учительский стол Кутаса вместе с Игнатом и отплясывала лезгинку.

Вбежавший со звоном Сергей Владимирович это увидел и завопил:

— Исрафилова, у тебя с головой всё в порядке?!

Аня остановилась, быстро достала из сумочки зеркальце и оглядела свою голову со всех

сторон:

— Ой, нет, у меня чёлка не так лежит!

Учитель безнадежно махнул рукой:

— Я узнал точную дату экзаменов! Я немного ошибся, они будут не в конце месяца, а через неделю! Первый — в понедельник! Тогда же приезжает инспекция.

Класс притих, и даже Надя приподняла голову, вырываясь из своего мечтательно-восторженного состояния.

\* \* \*

После русского 7 «А» благословил Маргаритку на поход к биологу. Решили, что ей лучше идти сейчас, а не после урока биологии, так как он был последним, а узнать об итогах операции всем хотелось уже сегодня, к тому же биолог дал «добро» приходить на переменах в любое время.

— Только на историю не опаздывай! — посоветовал Коля. — Второго раза Барисова не простит.

Маргарита кивнула и пошла к лестнице.

На историю она пришла со звонком с крайне удивлённым, растерянным и задумчивым видом. Звонok только что прозвенел, а Барисова уже допрашивала Олю:

— Лакизо!..

— Не Лакизо, а Олечка! — поправила Оля.

— Ты параграф читала?

— Нет! Учила!

— Это роман или книгу можно читать, а историю... Что?.. — Барисова сбилась с привычного ритма. — Учила, говоришь? — насупилась она. — Ну, сейчас посмотрим, как ты учила!.. Что значит «партизанская зона»?

— Это... зона партизан!

— Наташа Калоша! — взревела Тамара Ивановна. — Ты почему свой класс так распустила?!

— А я тут при чём? — растерялась Ната.

— Как при чём?! Запомни: рыба гниёт с головы, а класс — со старосты!!! Ты погляди на Лакизо — синим волосы покрасила!!!

— Это не краска! Это оттеночный шампунь! — возмутилась Ольга, удивляясь, как можно не знать таких элементарных вещей.

Марго под прикрытием этой разбораловки тихонько скользнула на своё место.

\* \* \*

На перемене 7 «А» обступил её плотным кольцом, но она категорически заявила, что не будет ничего рассказывать, пока не поест.

Страшно интересуясь личностью загадочного преподавателя, ученики едва ли не на руках отнесли её в столовую, пододвинули тарелку, наложив двойную порцию салата и тройную — котлет, и стали ждать, пока худенькая Маргоша всё это проглотит.

Люба налила чаю: сначала Наде и Вере, потом себе. Правда, пока она ставила чайник, её стакан взяла Маша. Люба имениннице ничего не сказала. Второй стакан забрала Марго

Люба опять промолчала и решила налить сразу несколько порций, в надежде, что ей хоть что-то достанется.

Но надеялась зря.

Наконец ей удалось урвать стаканчик, и девочка потянулась за своей картошкой, а когда обернулась, стакана уже не было.

Надя с Верой хихикали, Люба в последний раз налила остатки чая в гранёный стакан, велела Вере подержать, взяла вилку и потянулась к стакану. Вера убрала руку, и стакан тотчас схапал Шуйский.

— Андрей! — взвизгнула Люба. — Это мой чай! У тебя вообще к чаю какая-то нездоровая любовь! Налей себе сам! Мне что, плюнуть туда надо, чтоб его никто не брал?

Началась борьба за стакан. В итоге всё его содержимое вылили на Веру, а Марго наконец доела и приготовилась рассказывать:

— Сегодня я попала к нему в лаборантскую, — сказала Марго.

Класс зашумел.

— Вы знаете, чтобы спланировать дальнейшие действия, мне надо было узнать о нём побольше. А он не рассказывает. А в лаборантской все биологи держат свои вещи, вот я и решила, что надо поглядеть, какие у него есть личные вещи, ну там, фотография семьи...

— Ну и как ты туда попала? — жадно спросил Андрей.

— Это было трудно... — закатила глаза Марго.

— А кому сейчас легко? — вздохнул Кочан.

Марго недовольно глянула на него и продолжила:

— Начинаю разговор, а сама думаю, как бы туда заглянуть?.. Решила намекнуть, что пить хочется, чтоб пустил из крана воды набрать. Раз намекнула, два... не доходит. Тогда прямо говорю: «Можно попить зайти?» А он, вместо того чтобы меня пустить, вздохнул так тяжело, стаканчик взял пластиковый и сам набирать пошёл. Я думаю, что делать? Смотрю, звонок скоро. Ну, я к двери подбегаю, кричу: «Извините, я сейчас попью, и мне на урок надо!» — и заглядываю к нему в лаборантскую. Ну, он так поморщился недовольно, стакан дал. Я пью и его рабочее место разглядываю. И знаете что?.. Ничего! Стол пустой абсолютно, портфельчик потрёпанный, по виду тоже не шибко полный, и даже верхней одежды на вешалке никакой нет! Я ушла, а он так и не сказал, можно мне ещё раз прийти, или нет... Так что я теперь даже не знаю что делать, — Маргарита беспомощно развела руками.

В задумчивой тишине столовой, где остался только 7 «А», прозвучал громкий шёпот неугомонного Шуйского:

— Я же говорил, что он инопланетянин!

\* \* \*

— Экзамены переносят с понедельника на четверг! — объявил Кутас в пятницу утром после привычного ритуала успокаивания ребят, и 7 «А» облегчённо вздохнул. — А теперь возвращаемся к литературному творчеству Ломоносова. Каково самое главное событие в его жизни? Лакизо!

— Оля! — поправила Оля.

— Оля... — покорно согласился Кутас. — Каково главное событие в жизни Ломоносова?

— Он умер! — предположила девушка.

Кутас как всегда не успел ничего ответить, потому что прозвенел звонок на перемену (сегодня учитель опоздал на полчаса).

— На следующей неделе инспекция приезжает, будет почти на всех уроках сидеть, не подведите!.. — крикнул Кутас вслед уходящим ученикам.

— Эй, народ, пошлите к Гарпии, перед уроком поговорить надо!!! — заорали КиШ.

— Зачем? — удивилась Вера, нагоняя Андрея.

— Не знаю, — пожал плечами парень. — Староста, то есть Наташа, сказать что-то хотела...

Класс ручейком потёк в противоположный конец коридора в кабинет белорусского, из которого вышла высокая пожилая женщина с суровым лицом и короткой стрижкой — Гарпик Ирина Николаевна.

Воспользовавшись отсутствием учительницы, 7 «А» закрылся в классе и Наташа приступила к обсуждению важнейших проблем:

— Значит, так, я хочу узнать, каковы будут наши дальнейшие действия в отношении биолога?

— Я попробую сходить к нему сегодня после уроков, — ответила Марго. — Вчера на уроке он вроде был не такой злой. Только если вы хотите узнать, чем дело кончилось, вы должны будете меня подождать, я же не буду всех обзванивать!

— О, отлично! — заявила Оля. — Сегодня после уроков я приглашаю вас отпраздновать в нашем школьном кафе мой юбилей!

— Как?! — изумилась Полина. — Тебе уже пятнадцать?!!

— Да нет! — отмахнулась девчонка. — Не такой юбилей! Сегодня я прогуляю географию, и это будет сотый урок, который я прогуляла за этот год! Скинемся по две-три тысячи, составим вместе пару столов, оттянемся под музыку... Кафе-то до трёх работает! И сегодня мороженое привезли!!

Класс согласно загалдел.

— Далее... — произнесла Ната. Насчёт этой инспекции... Мы хотим, чтобы наша гимназия обогнала 201-ую?

— Да!!!

— Вон ту, жёлтую, напротив, в которой Макаронкин учится, чтоб ему на олимпиаде икалось всё время?

— ДА!!!

— Тогда предлагаю во время инспекции вести себя примерно, джинсов и бридж не носить, за школу курить не ходить, учителей и даже Кутаса слушаться!

Повисла секундная пауза, но потом с новой силой грянуло дружное «ДА!!!!!!», а Федя от избытка чувств чмокнул Любу в щёчку, за что и получил портфелем по голове.

На том и порешили.

\* \* \*

Сразу же после английского 7 «А» собрался в кафе. Аня прошла по кругу, собирая деньги и заказы, парни сгоняли за подносами и начали перетаскивать еду от стойки с буфетчицей к столам. Девочки разливали газировку и сок по одноразовым стаканам, раскладывали бутерброды и булочки по тарелкам и клали мороженое на салфетки.

Маргарита ушла к биологу: ребята видели, как она вошла следом за ним в класс.

Всё было готово. Семиклассники расселись за стол. Первой как старосте слов предоставили Наташе:

— Сегодня мы собрались здесь, чтобы поздравить нашу храбрую боевую подругу по школе, бесстрашно, бок о бок с нами сражающуюся с лексикой, фонетикой, синусами, косинусами и столыпинскими реформами, с весьма впечатляющей датой: сто прогулянных уроков! Пожелаем же ей удачи, счастья, приступа кашля у Мороз, когда она проходит в джинсах мимо, и будем надеяться, что сто прогулов — это ещё не предел!

7 «А» заплодировал и все, держа вафельные стаканчики с мороженым, как бокалы с шампанским, чокнулись — каждый со своим соседом — и откусили по кусочку.

Внезапно дверь в кафе распахнулась и в помещение влетела растрёпанная Маргарита. Она выглядела растерянной и даже слегка испуганной.

— В чём дело? — удивлённо спросила Ольга, по праву виновницы торжества сидя во главе стола.

— Там... там... биолог... нету!..

— Чего-чего?

Маргарита немного отдышалась, плюхнулась на пустой стул, выдула стакан минералки и начала говорить:

— Я вошла следом за биологом, вы же сами видели. Ну, спросила, можно мне ещё у него что-нибудь спросить. Мы поговорили минут десять, а потом он как-то махнул руками, будто воду с пальцев стряхивал, встал быстро — и в лаборантскую... Я удивилась, и тут же за ним, узнать: что такое? Понимаете, между тем, как он туда зашёл, и тем, как я туда забежала, не больше трёх секунд прошло! Понимаете?! Я сразу же за ним кинулась!!!

— Ну и???

— Его там не было!!! Нигде! Окна закрыты, а двери другой в лаборантской нету!! Я его и звала, и искала: везде, даже под столом и в шкафу с гербариями, — его нигде, НИГДЕ НЕ БЫЛО!!! Куда он мог деться?!

Вера почувствовала резкое покалывание в боку и удивлённо схватилась за это место рукой. Карман. А в кармане...

Вера нащупала пускающую через неё электрические заряды валентинку, которая едва ли не светилась, даже сквозь ткань...

Девочка глянула на подруг.

Люба с шипением вскочила, прижимая руку к карману брюк, Надя отдернула ладонь от покрывшегося инеем края портфеля.

Все трое кинулись к выходу, провожаемые недоумёнными взглядами одноклассников, и заперлись в туалете.

Вера поспешно выдернула из кармана валентинку и швырнула её на пол, массируя бок. Люба и Надя сделали это ещё раньше, и теперь первая дула на обожжённые пальцы, а вторая, напротив, пыталась согреть их дыханием.

Жёлто-белые, красно-оранжевые и серо-голубые узоры мягко светились. Надя жалась к покрытой белой квадратной плиткой стенке, Люба недоумённо и с подозрением косилась на квадратные открытки.

Вера осторожно приблизилась и двумя пальцами за краешек приподняла валентинку с мокрого грязного пола.

Открыла.

Раньше там каллиграфически было выведено слова «tempus» — «время». Сейчас ниже добавилось ещё одно. «Fugit».

Вера молча продемонстрировала это друзьям.

Люба без слов достала из сумки ручку и переписала словосочетание на ладонь, подхватила свою открытку, бережно сдвиг с неё капли, и решительно вышла из туалета.

— Ты куда? — удивилась Надя, подбирая с пола светящуюся картонку. После первого прикосновения своих хозяек валентинки сразу же погасали.

— К Юре, — коротко ответила Люба, толкая дверь в кафе.

Веселье было в самом разгаре. Под недовольным взглядом буфетчицы ребята одновременно включили на телефонах одинаковую мелодию, чтобы звучало громче, уплетали булки за обе щёки и перекидывались кусочками хлеба, норовя попасть соседу по носу. Про таинственное исчезновение биолога уже благополучно забыли.

— Юра! — жарко зашептала Люба, присаживаясь на корточки у Юриного стула. — Как вот это переводится? Это латинский.

— «Tempus fugit»... Хм... Ну... Я бы сказал так: «Время бежит». — Юра внимательно разглядывал Любину ладонь. Потом перевёл на неё глаза и спросил: — А что это вы, решили латынь выучить?

— Да нет, — выступила вперёд Вера, — мы там в газете текст один нашли, типа ребуса, на латинском частично. То, что на латинском, мы недавно узнали, а вот как перевести? Словаря ни у кого нет. Может, мы их тебе будем понемногу показывать, а ты переводить? Мы... там не очень много.

Юра задумчиво откусил кусок баранки и то ли кивнул, то ли пожал плечами:

— Ну ладно.

— Юрик, я тебя обожаю! — объявила Люба и девушки отошли от стола.

— Пойдёмте сходим в ту лаборантскую? — предложила Вера. — Может, у Марго просто глюки, и он сейчас там сидит?

— Меня вот что интересует, — сказала Надя, всё ещё державшая в руках свою валентинку. — Связано ли вот это, — она показала им зажатую между указательным и средним пальцами открытку, — с Валерием Константиновичем и его исчезновением, если он и вправду исчез.

— Конечно! — воскликнула Люба.

— Возможно, — Вера задумчиво оперлась на перилла. — Пойдёмте в лаборантскую. Может, он там.

Друзья почти бегом поднялись на второй этаж и осторожно заглянули в кабинет биологии.

Ничего особенного. Солнце косыми лучами падает на парты, папоротники по углам комнаты гордо растопырились в разные стороны, дувший сквозь щели в оконной раме лёгкий ветерок шевелил полупрозрачную кружевную занавеску. Всё дышало тишиной и спокойствием. Дверь в лаборантскую было приоткрыта.

Подруги на цыпочках, стараясь не нарушать тишины, прерываемой лишь далёким шумом машин на улице, подошли к двери и поглядели в щёлку.

Ничего, кроме кактуса на подоконнике, не увидели.

Пришлось, на всякий случай постучав, отворить дверь.

Тоже никого. Только всё та же умиротворённая тишина тонким слоем пыли лежит повсюду. Вера даже удивилась, почему так тихо, но потом вспомнила: в школе ведь уже

никого нет, и хотя одноклассники в кафе веселятся на полную катушку, здесь ничего не слышно.

Люба, увидев, что в лаборантской пусто, пропихнулась между подругами в комнату и, по-хозяйски оперев руки в боки, огляделась.

— Окна заклеены, значит, через них он вылезти не мог. Двери другой и вправду нет. Под столом Марго смотрела, а шкафы слишком маленькие, туда бы он не поместился, — прокомментировала она.

Вера с Надей осторожно зашли за ней и стали оглядываться. Ничего необычного. Шкафы с гербариями и допотопными микроскопами, два стола и пустые крючки для верхней одежды возле двери. Даже зеркала нет.

— Смотрите! — воскликнула Вера, обойдя стол с другой стороны. — Это его портфель.

Он и правда стоял там, старенький и потрёпанный, как и рассказывала Марго, коричневый, с потрескавшейся и кое-где стёртой кожей и полуотвалившейся ручкой, почти пустой... Почти...

Не подумав, что делает, что это чужие вещи, что их нельзя трогать, Вера присела на колени на потёртый линолеум и раскрыла бряцнувшую защёлкой сумку биолога.

Там был только лист газетной бумаги.

Вера ещё раз на всякий случай огляделась. Люба и Надя стояли сзади, вытянув шеи и затаив дыхание.

Вера решительно подцепила одинокий листик большим и указательным пальцами и поднесла к глазам:

— «Беларусь расплатится с «Газпром» на следующей неделе»... — прочитала она и как была на коленях разочарованно повернулась к подругам.

Надя склонила голову набок:

— А с другой стороны?

Вера плюхнулась с коленей на пол и, прислонившись к столу, прочитала:

— «На всемирно известной выставке драгоценных камней в Москве пропал природный алмаз диаметром 5,5 см (почти 2500 карат!) и стоимостью в несколько миллионов долларов. При этом сигнализации и всевозможные системы охраны остались нетронутыми. Преступник не найден»... — Вера потрясённо замолчала.

Надя и Люба склонились над ней.

Под текстом была чёрно-белая фотография пропавшего камня.

Абсолютно круглый, покрытый серой пористой горной породой с множеством как специально сделанных небольших одинаковых круглых дырочек, сквозь которые видны сверкающие даже на рисунке изломы граней, и одна дырка побольше — в центре.

Вера присвистнула:

— Давайте-ка сходим завтра в часовню. Так, на всякий случай.



## Глава 18. Олимпиада, инспекция, экзамены и многое, многое другое

— Надя, а ты хоть поняла, что ты, по сути, сейчас миллионерша? — допытывалась Люба, когда подруги в субботу после обеда топали по чавкающей грязи весеннего леса. Недавно прошёл мелкий дождик, и за шиворот подругам с веток то и дело капали холодные бусины воды.

— Нет! — сердито ответила девочка, вытягивая элегантный замшевый сапожек на каблучке из кротовой норы. — Во-первых, если это и в самом деле тот украденный камень, то я всё равно не могу его продать, меня тут же засекут, а во-вторых, я сильно сомневаюсь, что тот, кто его украл, стал бы прятать его в ржавой водопроводной трубе в Ждановичах.

— А почему нет?.. Уж там-то его точно не стали бы искать... То есть ты считаешь, что это не тот камень, а просто похожий?

— Вот именно!

— А что если его не украли, — задумчиво сказала Вера, — а он сам?..

— Что сам? — не поняла Надя.

— Ну, сам исчез?

— Ага, и сам в землю закопался! — хмыкнула Люба.

— Ну, а почему нет? — настаивала Вера. — Зеркало же как-то в часовне оказалось. И биолог куда-то сгинул же. И, заметьте, эту газету мы нашли именно у него! Зачем ему на урок нести листок из газеты за прошлый месяц? По-моему, это была подсказка. Нам! — Вера перепрыгнула через упавшее бревно.

— Подсказка насчёт чего? — хмуро спросила Надя.

— Насчёт этого камня! И валентинки... Не проста же они это... Ожили.

— «Время бежит»... — задумчиво протянула Люба. — Куда оно бежит? Зачем? Или... Оно бежит в том смысле, что к чему-то приближается?! Но к чему? — забеспокоилась девочка.

— К экзаменам! — буркнула Надя.

— Ну... И к экзаменам, конечно, тоже... но я имею в виду, к чему-то более важному, по крайней мере, для нас!

— Более важному?! — Надя чуть не задохнулась от возмущения.

— Да я не в этом смысле... Экзамены — это важно, но для всех, для всей школы, а я имею в виду именно для нас! — друзья уже вышли к часовне, прочавкали по поляне и поднялись по лестнице. Вера задержалась на пороге и с интересом оглянулась. Следы, оставленные в грязи, тоже исчезали, как раньше в снегу, мягко расплывались, разваливались, растекались обратно в лужу, как будто сглаживаясь невидимой кистью.

Два вскрика, вернее, один вскрик и один визг, заставили Веру кинуться в комнату.

Кричала Люба. От изумления. Визжала Надя. От страха. Тыча дрожащим пальцем на принесённый уже очень давно Любой из дома складной стул, маленький, белый и пластмассовый.

Потому что на нём, тускло мерцая, лежала огромная серебряная рама с вьющимся, словно кольца дыма, узором. Она обрамляла пейзаж с таким знакомым замком-скалой.

Не верилось, что столь совершенную картину мог нарисовать человек. Глаза видели всё

как одно целое, не замечая штрихов и мазков кисти. Всё время казалось, что слышишь шум деревьев, вой ветра, тоскливые крики птиц; если долго вглядываться в одно место, облака начинали неспешными громадами плыть по огромному холсту белого неба, оставляя за собой лёгкую пепельную дымку, а туман, серебристым кружевом завиваясь вокруг горы и старательно укутывая тёмные деревья у её подножия, оживал, вздымаясь и опускаясь, как пуховая перина на животе у кого-то тёмного и огромного.

Вера вдруг почувствовала лёгкое головокружение. Дыхание перехватило, а потом напротив, дышать стало легко и свободно, свежий, пахнувший дождём и озоном воздух врвался в лёгкие и хотелось кричать, смеяться и плакать от счастья!

С улыбкой девочка подошла к картине, кончиками пальцев провела по линиям узора.

— Круто! — выдохнула Люба, заглядывая под картину, чтобы посмотреть, что у неё с обратной стороны. Ничего особенного, грубый холст с деревянным каркасом. Тогда она попыталась отколупнуть краску с верхушки горы: ей показалось, что там светится огонёк, но ничего не вышло, да ещё и по рукам от подруг получила.

— Ладно! — объявила она, ставя сумку в угол и расстёгивая куртку. — Приступим. — Она достала ручку и блокнотик с пьющей чай японкой в зелёном кимоно и подступила к Книге.

Вера подбежала к пюпитру и бережно открыла тиснёную золотом тёмную кожаную обложку.

— Предлагаю записывать все небольшие предложения, — сказала Надя. — Если Юрик справится, можно будет попробовать что-нибудь посложнее. Хотя в коротких предложениях наверняка должно быть самое главное.

— Начало пропускаем! — добавила Вера. — По опыту знаю, что в начале пишут всякие нудные предисловия, прологи, информацию об авторе и всякую другую ерунду. Начнём... Ну, вот отсюда, — девочка перелистнула несколько первых страниц и провела пальцем по ребру пожелтевшего листа. И тут же с шипением и невнятной руганью засунула палец в рот. Краешек странички медленно окрасился алым.

— Странно, вроде книга далеко не новая, страницы мягкие, края не острые, а всё равно порезалась! — удивилась Люба.

— Не книга, а вампирюга! — пробурчала Вера. Словно в подтверждение её слов пятно уменьшилось и всосалось в страницы.

Секундная пауза.

— Вау! — уважительно присвистнула Люба. Надя попятилась.

— Это не первый раз, кстати, — отметила Вера. — С Надей тоже такое было. Правда, тогда на обложку капнуло...

— Так, мы делом будем заниматься?! — сказала Люба, щёлкая авторучкой по твёрдой обложке блокнота.

— Будем. Записывай... — ответила Вера, аккуратно приставляя картину к стене и придвигая освобождённый стульчик к Книге.

\* \* \*

Перед приближением инспекции школа и её обитатели просто походили с ума. Мраморные полы в коридорах, линолеум в классах и плитка в столовой и туалетах были отдраены до блеска. Все окна вымыты, шторы выстираны, с парт соскоблили нехорошие

слова, со скуки выписываемые учениками на уроках. Починили наконец-то все лампочки и краны, кабинеты ежедневно проветривались, перилла и полы в спортзале перекрасили (полшколы ходили с руками, вымазанными в зелёном и розовом лаке, так как про то, что поручни покрашены, никого не предупредили). Ольга Игоревна наконец узрела мужской туалет, когда-то, двадцать третьего февраля, исписанный девчонками 7 «А» разноцветными маркерами от пола до потолка. Скандал был жуткий, но виновных так и не нашли (их прикрывал сам директор, у которого этот туалет с некоторых пор стал любимым, и вообще, ему такое оформление больше нравилось). Маркеры оттираться упорно не желали, и Мороз пришлось махнуть на них рукой: главное, чтобы инспекция не увидела, а там уж ладно.

Нине Николаевне пришлось срочно наводить порядок в читальном зале и самой библиотеке: выкинуть старые подшивки газет за 1989 год, купив вместо них свежие, расставить по местам книги, обклеить потрескавшуюся краску на стенах детскими рисунками и с Машкиной помощью вычистить клетку с попугаями.

Если Мороз следила за чистотой и порядком, то Былина — за оформлением, соответствующим белорусской национальной гимназии № 4 г. Минска.

Все кабинеты, библиотека, кафе, столовая, коридоры и особенно холл просто утопали в зелени. Везде были развешаны стенды с белорусским орнаментом, на деревянных дверях кабинетов появились аналогичные таблички. Снаружи перед входом, над дверью, повесили гигантскую вывеску с названием и номером гимназии с подсветкой. Везде были развешаны сплетённые из соломки украшения и венки, в вестибюль вытащили телегу, настоящую, деревянную, со стогом сена, половина которого, правда, уже через пять минут была раскидана по всей школе, в середину вынесли три флага: Беларуси, Минска и гимназии, стенку за ними красиво украсили резными деревянными панелями, лепниной и картинками с различными белорусскими достопримечательностями.

Всех учителей Былина выгнала на улицу разбивать клумбы. Везде понаставили плетёных заборчиков, пеньков; колодец, стоящий во дворе (на нём больше всего любили сидеть старшеклассники), покрыли лаком, поставили мостик, покрасили бордюры.

Генеральной уборке подверглась и Сялянская хатка, и этнографический музей. Вахтёрша Церберша бдительно осматривала всех входящих, выходящих и мимо проходящих.

Когда в понедельник утром Вера и Люба вместе заходили в школу, её было не узнать, так чисто и красиво, празднично было всё вокруг, хотя инспекция должна была прибыть только в среду.

У входа дежурила Мороз, не пуская пришедших в даже слегка отклонившейся от делового стиля одежде. Возле флагов во главе с Былиной репетировал белорусский хор с ансамблем из цимбалистов, баянистов и лютнистов. Сама Валентина Васильевна подыгрывала на бубне с криками «Ийех! Давай, грай веселей! Ну, родненькие мае!» (Вера спряталась за спину подруги: она и сама играла на цимбалах, и прошлый раз еле увернулась от Былины, так и норотившей затянуть её во встречающий инспекцию ансамбль).

Озираясь, девочки отправились в раздевалку. Да, школа и вправду изменилась до неузнаваемости: в постоянно пустующие информационные стенды были вставлены расписания уроков, дежурств, факультативов и спортивных секций, на стенах возле кабинетов младших классов висели рисунки и стояли поделки из глины, бумаги и соломы. Гигантскую стенгазету — ту самую, которую делали Люба, Оля и другие в наказание за драку с Макаронкиным в столовой — поместили на первом этаже. На лестницах постелили ковровые дорожки. На каждом этаже стояли дежурные: серьёзные, со значками, полностью

упакованные в деловой стиль одежды.

Когда подруги вошли в кабинет математики на третьем этаже, им сразу показалось, что пахнет как-то странно... И страшно. В смысле, страшно противно. Очень хотелось заглянуть под парты: вдруг там кто-нибудь тихонечко помер, не выдержав предэкзаменационной нервотрёпки?

Но, немного попривыкнув, девочкам стало казаться, что источник запаха находится в Олиной сумке.

Однако поразмыслить над этим им не дали: к ним подбежали Надя и Наташа:

— Сегодня последний день свободы! — трагически сообщила староста. — С завтрашнего дня Советом 7 «А» было решено переходить на лад показательно-образцового поведения. Маргарита даёт уроки, как себя вести надо, чтобы инспекцию наповал сразить. Так что, мужайтесь, подруги!

— После этой инспекции покрашусь в зелёный и буду весь остаток года ходить в джинсах, и пусть мне кто-нибудь только попробует что-нибудь ляпнуть! — ругалась Ольга, подходя к трём подругам. — Привет! Знаете, а Кутасёнок наконец-то разрешил Кочану с Андреем выйти из-за шкафа и на свои места вернуться!

— Ага! Здорово. Слушай, а чем это пахнет? — поинтересовалась Надя.

— Это не пахнет, это воняет! Даже не воняет, а смердит! Чудовищно! Сумку придётся новую покупать, уже жалею, что это в школу принесла! — Оля оглянулась на пацанов у окна и шёпотом добавила: — Пошли, покажу!

Олечка подвела друзей к своему месту, открыла сумку и брезгливо, двумя пальцами с длинными чёрными когтями вытащила оттуда завёрнутый в пакетик флакончик духов. Года производства где-то так 1920-ого. Воняли они очень сильно и при долгом принюхивании вызвали потемнение в глазах и дрожь в коленках.

— Фу-у-у, гадость какая! — закашлялась Надя. Оля, стараясь не дышать, торжествующе улыбнулась и завернула духи обратно в несколько целлофановых пакетов, после этого тщательно запихнув его на дно сумки. — Это мне Анята вчера вечером передала, так, для прикола. Это её прабабки. Раритет!

— А сама она где? — спросила Вера, озираясь.

— Спит, дома. Ко второму уроку обещала быть. — Олечка сладко зевнула. — Уф-ф... Последний день прогуливаем! А потом — целую неделю всех слушаться! Джинсы не носить! Жуть!

Люба согласно кивнула. В конце урока заявила Аня. На улице снег окончательно растаял, было тепло, но шёл противный надоедливый дождик, и девушка ввалилась в кабинет грязная и мокрая от макушки до пяток, несмотря на старенький зонтик в цветочек с поломанной спицей.

— Это что, тоже прабабушкино наследство? — поинтересовалась Вера, запихивая в сумку геометрию.

Аня чихнула и ответила:

— Ага. Меня на входе Мороз засекала! Сейчас придёт сюда и будет ругаться... Ой... Уже пришла...

К Вериной парте, возле которой стояла Аня, приближалась Ольга Игоревна. Да не одна а с дежурным по этажу учителем Гарпик Ириной Николаевной, Кутасом и Былиной.

— Исрафилова! — взвизгнула Мороз, грозно наступая на девочку и сверкая ястребиными серовато-жёлтыми глазами.

— Ну что? — Аня обречённо вздохнула, пытаясь сложить зонтик. Но он упорно сопротивлялся.

— ...Крайняя степень безответственности, особенно если учесть, насколько важным для нас и нашей гимназии является событие...

Зонтик покорно складывался при нажатии на ручку, но стоило её отпустить, как тут же раскладывался вновь.

— Никакого уважения, в столь ответственное время, посередь бела дня, да не просто опоздать, а вовсе не явиться на первый урок — ни в какие ворота не лезет!..

Аня хмуро нажимала-отпускала ручку зонтика, заставляя его закрываться-открываться. На пол натекла солидная лужа.

— Аня, ты меня разочаровала, — перехватил эстафету Кутас. — Так подвести и нас и себя, я выражаю надежду, что этого больше не повторится, особенно во время инспектирования гимназии...

Зонт наконец-то застегнулся. Аня настороженно тронула его пальцем, но он не пошевелился.

— Гэта ж трэба так... То ж... — это уже заговорила Былина, когда Кутас выдохся, однако до неё уже всё, что можно, сказали, и она, не зная, что добавить, чтобы не повториться, махала руками и надувала щёки от избытка чувств.

— Ну хорошо, хорошо, я поняла, — покорно согласилась Аня, беря в руки зонтик. — А то я и на следующий урок опоздаю, на ваш русский, между прочим, Сергей Владимирович...

Но в этот момент зонт, который девушка держала перед собой, снова резко раскрылся, боднув Сергея Владимировича в живот и забрызгав Мороз, Гарпик и Былину грязной дождевой водой.

Прикрываясь зонтиком как щитом, под оханье Кутаса и вопли учительниц, Аня поспешила выскочить за дверь, где её, давясь от смеха, ожидали Оля, Вера, Надя, Люба и Полина с Наташей. Хихикая, они гурьбой кинулись на русский язык.

Следом за ними в 339-ый кабинет вбежал потирающий ушибленный живот Кутас — как раз со звонком.

— Ребята, ну пожалуйста! — взмолился он. — Ну ведь инспекция скоро! Мне сказали, что она и на уроках будет присутствовать, и вообще куда угодно в любое время может заглянуть! Ну ведите вы себя нормально!

— Завтра начнём! — пообещала Аня, усаживаясь рядом с Олей сразу за Колей Прохором.

— А чем это пахнет? — задумчиво добавил Кутас.

Урок потёк своим чередом. Ученики разговаривали, играли в крестики-нолики и дожёвывали булки. Кутас что-то кричал и всех успокаивал. В общем, всё как обычно.

Вера шушукалась с Любой. Надя на соседней парте вырвала из блокнота с зелёной японкой какой-то листик и передала его Юре. Тот, получив листок, хмыкнул, почесал ручкой в затылке и сунул бумажку в портфель.

Вдруг все притихли, кое-то закашлялся. Запах, жутко противный, стал намного сильнее. Кутас зажал нос рукой.

— Что это?!

А следом раздался яростный вопль Коли Прохора.

Все оглянулись. И тут же отпрянули от парня в разные углы комнаты.

Рядом с Колей стояла Ольга, сгибаясь от хохота и держа в руке стеклянный флакон с

тёмно-оранжевыми духами. Её палец всё ещё был на кнопке-распылителе. Она поболтала жидкостью во флаконе и ещё раз обрызгала Колин затылок.

— ОЛЯ, ТЫ ДУРА!!! — завопил мальчик с самым несчастным видом, мотая головой и дёргая себя за волосы, словно надеясь выдернуть их вместе с запахом давно не мытого туалета вперемешку с рыбой, тухлыми яйцами и чего-то дохлого.

— ОЛЯ, УБЕРИ ЭТУ ШТУКУ! — кричал Кутас, прикрывая слезящиеся глаза руками.

— ОЛЯ, ТЫ МОЛОДЧИНА!!! — надрывалась Исфафилова.

Коля сделал шаг в её сторону, но жуткая вонь откинула одноклассников в разные стороны.

Прохор взвыл и кинулся к выходу из кабинета. Пронёсся по почти пустому коридору к туалету, по пути отшвырнув силой запаха к стенке двух закашлявшихся учительниц и, влетев в заветное помещение, сунул голову под кран.

Вернулся в класс он по пояс мокрый, но всё так же воняющий. Не обращая внимания на столпившихся в дальнем углу учеников, выставивших вперёд Кутаса, он прошёл к окну, убрал с подоконника сухую фиалку и, вставив в скважину отмычку, валяющуюся под батареей, открыл двойное окно, попутно порвав полосы бумаги, которыми оно утеплялось на зиму. Кутас, глядя на это безобразие, даже не вякнул.

А Коля тем временем распахнул окно настежь и оседлал подоконник, высунув одну ногу на улицу: проветриваться.

Дышать стало маленько полегче. Колю насквозь продували ветра, и хотя сидеть на открытом окне, тем более на третьем этаже, категорически запрещалось правилами безопасности, Кутас не сказал Прохору не слова.

\* \* \*

В среду встречали инспекцию. Хлебом-солью, с песнями под аккомпанемент цимбал. Везде висели приветственные надписи, суежилась Былина. Несколько невыспавшихся дяденек и тётенок — долгожданная инспекция — зашли в школу и после длительного приветствия удалились в кабинет директора.

7 «А» пришёл за десять минут до начала первого урока — все, включая Аню, Олю и Машу. Мальчики были в отглаженных костюмах, белых рубашках, галстуках и начищенных до блеска ботинках. Девочки — в блузках, туфельках, чёрный низ, белый верх, без бойцовой раскраски на лицах. Скромненько оставили куртки в раздевалке и молча отбыли на уроки.

Однако инспекция объявилась только на третьем уроке — на русском.

Кутас весь издёргался и всё время вскакивал. А когда увидел тихо рассаживающихся по своим местам учеников в школьной форме, то от удивления сел и больше не вставал. У всех на парте были книги, никто не забыл тетрадь или дневник.

У Кутаса отлегло от сердца, и он, преисполненный благодарности, решил поставить всем по десятке. Как-нибудь.

Поэтому, когда вошла инспекция и расселась на задних партах, учитель чувствовал себя куда увереннее.

Первый раз в жизни он вёл урок в абсолютной тишине, провожаемый двадцатью шестью парами внимательных глаз. С непривычки Кутас сам сбивался, наслаждаясь возможностью делать замечания по своему усмотрению. Ученики скрипели зубами, но молчали.

— Я так долго не выдержу! — честно призналась Люба подругам, когда они проходили мимо Мороз, грозящейся исключить из школы какого-то третьеклассника за брошенную на пол бумажку. Её резкий визгливый голос, похожий на крик хищной птицы, разливался по всему этажу. — Ну, вы подумайте, что придумали! Во всех туалетах по дежурному учителю поставили! Чуть ли не в кабинку лезут! Захожу вчера в один — а там Барисова. «Бу-бу-бу!» — на меня сразу. Почему так долго сидела, почему кран плохо закрыла и руки без мыла вымыла! Да у них там мыло такое смердючее, что до него дотрагиваться противно! Пришлось выслушивать лекцию на тему «Правило о том, сколько раз в день надо мыть руки и какими последствиями чревато его нарушение».

— И сколько раз? — поинтересовалась Надя.

— Ну... — Люба задумчиво сгибала-разгибала пальцы, словно пересчитывая что-то в уме. — Ну, раз двести выходит... Чуть на физику не опоздала! Правда, когда Мороз узнала, что это Барисова меня задержала, даже ругаться не стала.

— Совсем они с этой инспекцией рехнулись, — согласилась Вера. — И так ещё целую неделю... А Кутас, свинтус, нет чтобы радоваться, ещё и придирается!

— Дай ты человеку самоутвердиться! — отмахнулась Надя. — Ему так редко удаётся безнаказанно сделать кому-то замечание, пусть ловит момент, наслаждается. Ой, смотрите, там Юрик! Юрка! Ю-ра!!!

Парень обернулся:

— Здорово! Слышали, к нам ещё какая-то делегация из Смоленска пожаловала... Вроде как опыта у Минской гимназии набираться.

— Ага... Тоже по кабинетам ходить будут. Слушай, а ты ещё не перевёл?.. Ну, то, что мы тебе давали?..

— А... Ну, начал... Короче, почти. Немного осталось. Скоро принесу. Но там, хочу я вам сказать, никакого смысла я не вижу. Просто какие-то изречения... Ну ладно, принесу — посмотрите.

\* \* \*

Юра отдал девочкам листок с переводом на следующий день сразу после математики. Но так как после математики шла физика, подруги решили перенести ответственный момент разворачивания пожеванной бумажки с расшифровкой на большую перемену, когда Морозо-физическая буря минует.

Кабинет физики встретил их восторженным гулом и полным отсутствием каких-либо признаков Ольги Игоревны.

— Типа Мороз сегодня типа нету!!! — прокричал Федя, подбегая к девочкам. Люба с восторженным визгом повисла у него на шее, и Шилин, с энтузиазмом обняв её за талию, с блаженной улыбкой добавил: — Она пошла делегацию из Смоленска встречать, она же заместитель директора.

Вера глянула на залитые нежным весенним солнцем парты. Вдруг на них легла тень. Девочка удивлённо подняла голову и увидела Андрея, который стоял напротив окна раскинув руки в разные стороны и запрокинув голову.

Вера пихнула Надю в бок и кивком головы указала на Андрея.

— Ты что делаешь? — поинтересовалась Вера, когда они приблизились.

— Я, Матвеенская... — Андрей обернулся, увидел, что на него после Вериного вопроса

оглянулся весь класс, приосанился и продолжил: — Я наполняюсь солнечной энергией! Теплом и светом, небесной благодатью и витамином А! Он поможет мне выйти в астрал и на подсознательном уровне убедить Мороз не появляться на этом уроке даже после того, как она встретит эту благословенную делегацию из славного города Смоленска...

Шуйский явно нёс полную ахинею, выдавая первое, что приходило на ум, смешав в кучу витамины и благодати, однако 7 «А» дружно решил, что грех не поспособствовать такому славному делу, как убеждение Мороз на подсознательном уровне не приходить на урок, и все кинулись к окнам напиться солнечной энергией и небесной благодатью.

Так и стояли вдоль стены с окнами, подставляя все возможные места солнцу (те, кому не хватило места у стены, просто просовывали к свету ладонь, локоть или нос). Стояли, стояли, облокотившись на подоконники, болтали друг с другом, пока не вошла не поддавшаяся на уговоры из астрала Мороз и не погнала всех обратно за парты, осчастливив весь класс сообщением о сегодняшней проверочной.

Промучившись над задачами и судорожно припоминая законы Архимеда и Ньютона оставшуюся часть урока и начало перемены, 7 «А», пошатываясь, направился в столовую, стараясь изгнать из головы режущий уши голос Ольги Игоревны.

Столовая порадовала их желеобразным картофельным пюре. Видимо, на качество приготовления пищи не могла повлиять даже инспекция со смоленской делегацией вместе взятые. Хотя даже тут липкие потёртые клеёнки были временно заменены на новые скатерти.

Оля, оправив блузку, задумчиво покрутила в руках погнутую вилку и спросила:

— Интересно, а почему у нас в столовой все вилки с дыркой?

— Ну, может, чтоб все видели, что это столовские? — предположил Кочан. — Чтоб не спёрли.

— А чем дырка в вилке мешает мне её спереть? — удивилась Оля. — Вот если бы ложка с дыркой... — Ольга воровато огляделась и сунула вилку к себе в сумку. — Это чтобы не надеялись, что какой-то дыркой можно переубедить красть вилки! — пояснила она. — Правда, не представляю, кому вообще нужно это барахло... Лично я на память взяла! Буду показывать потомкам!

Вера же отошла в сторонку, оставив Олю разбираться со своими вилками, и тихонько подозвала подруг. Потом достала из портфеля листик и развернула. Девчонки сгрудились в кучку и прочитали:

*Impavide progrediamur* — будем идти вперёд без колебаний;

*Vitae magistra* — наставница жизни;

*Rex deorum* — благословление богов;

*Memento* — помни;

*Non progredi est regredi* — не идти вперёд, значит идти назад.

— Мда-а-а, не густо, — пробурчала Вера. — Всё какие-то общие фразы, а толку — никакого. Тут их вон ещё сколько, штук сорок, столько работы — и ничего! Может, эта Книга какой-нибудь сборник поучений?

— Зачем в книге подобного рода такая странная картина? — возразила Надя.

— Надо переписать полностью несколько больших предложений, может, страницу, — задумчиво сказала Люба, — и ещё раз дать Юре... Эй, Юрик! Юр, иди сюда! А если мы как-нибудь тебе ещё страничку дадим, ты переведёшь?

— Э... — Юрик обречённо вздохнул. — Слушайте, я даже не знаю. Экзамены скоро, а



эти ваши латинские шулки столько времени отнимают!.. Может, я вам словарь латинско-русский дам, а дальше вы сами?

— А у тебя есть?! — хором воскликнули девчонки.

— Ну да, а как же я по-вашему переводил? Так что, нести?

— Да!!!

\* \* \*

— Инспекция будет присутствовать на всех экзаменах кроме русского и белорусского, — пояснил Кутас. — Первый экзамен по русскому состоится в понедельник. Всё ясно?

Ученики уныло кивнули. Ко второму дню запас хорошего поведения начал истощаться, и сил на изображение усиленной работы мысли уже не хватало, поэтому все с умирающим видом развалились за партами, вяло следя за учителем краем глаза и мужественно молча.

В дверь постучались. Кутас приосанился, крикнул «Войдите!» и, поспешно глянув в зеркало, поправил галстук.

В кабинет вошла постукивающая каблуками Мороз в строгом сером костюме. Учительница физики, лучась улыбкой (что не помешало ей обвести мгновенно вытянувшихся в струнку учеников холодным трезвым взглядом опытного завуча), сделала приглашающий жест рукой, и в 339-ый кабинет вошли люди.

— Здравствуйте! — вышла вперёд устало улыбающаяся женщина. — Мы из Смоленска, приехали посмотреть на вашу чудесную гимназию. Был кто-нибудь из вас в Смоленске?

— Я был! — подал голос Юрик. — Там ещё такие вкусные колбаски!

Класс засмеялся, и даже делегация заулыбалась не так вымученно.

— Да, я вижу, мальчик крепкий, неудивительно, что больше всего колбаски запомнились...

— Это один из наших лучших классов, — похвасталась Ольга Игоревна. — У них такой потенциал!.. Здесь наша звёздочка учится, Горлач Максим, он на олимпиаду по физике пойдёт!!!

В сторону Максима обрушился шквал аплодисментов.

— Ну, пойдёмте, я вам ещё нашу библиотеку покажу... Продолжайте, продолжайте, Сергей Владимирович! — заторопилась Мороз.

Сергей Владимирович продолжил, а крепкий мальчик, любящий смоленский колбаски, под партией передал Вере, Наде и Любе маленький словарик латинского языка.

\* \* \*

Все выходные подруги решили провести в часовне, хотя Надя настаивала на подготовке к экзамену по русскому. Но когда Вера и Люба язвительно поинтересовались, как именно она собирается к нему готовиться, девушка что-то неопределённо прохмыкала и больше не возражала.

— Фу-у-ух! — шумно выдохнула Люба, вваливаясь в часовню и с громким стуком ставя тяжёлый портфель на стульчик. — Ну, — с сияющей физиономией сказала она, — сейчас мы её ка-ак переведём!

— Ага! Сейчас как возьмём и ка-ак переведём книгу в пару тысяч страниц с мелким

шрифтом! За полчаса мы управимся, как вы думаете? — в притворном восторге воскликнула Надя.

— Ты бы с таким энтузиазмом переводы по английскому писала, как сейчас по латыни, — хмыкнула Вера, — так тебе бы за одно только рвение одни десятки ставили!

— Ой-ой, тебе, между прочим, тоже по английскому оценку поправить не помешало бы! — беззлобно отмахнулась Люба и открыла Книгу где-то в конце. И тут же с визгом отпрыгнула.

— Что такое? — удивилась Вера, подбегая к подруге.

— Ой... мне там... показалось, что что-то живое...

Надя испуганно попятилась, а Вера решительно подошла к Книге.

Люба открыла её как раз на странице, где давно, ещё в феврале, девочки увидели сами собой прочертившиеся косые линии в углу страницы.

И они определённо стали длиннее с того раза на несколько сантиметров.

— Нет тут ничего живого, идите сюда, — позвала девочка. — Смотрите! Они увеличились. Раньше были короче.

— И почему везде чёрные чернила, а здесь красные? — жалобно спросила Надя. — Как будто кровь...

Вера аж подпрыгнула:

— Ну конечно! Боже, какой я тормоз! Но этого быть не может! Вы помните, помните, мы ещё эту Книгу вампиром называли?! Надя об неё порезалась, потом я, а вся кровь как будто внутрь втянулась! А теперь, я поняла, она здесь вылезла!

— Так ведь сколько времени прошло! — возразила Люба.

— Нет, смотри, мы же ни разу не раскрывали Книгу на этой странице, с тех пор, как Надя порезалась, а как раскрыли, эти линии и появились! А потом я, и вот сейчас ты опять раскрыла, и то, что ты видела, как что-то движется, это как раз эти чёрточки дорисовывались! — сумбурно и не совсем внятно пояснила Вера, размахивая руками.

— Как бы проверить? — задумчиво спросила Люба. Подруги молчали: стать добровольным донором никому не хотелось.

— Ладно, давайте я, — мужественно решила Люба. Вытащив из сумки циркуль, она зажмурилась и царапнула подушечку мизинца. Приоткрыла один глаз, дождалась, пока алая капелька набухнет на кончике пальца и приложила его к пожелтевшей странице с потрёпанными краями.

Маленькое красное пятнышко расплылось неровной кляксой, побледнело и исчезло.

И тут же новые линии поползли по пергаменту. Подруги с замиранием сердца смотрели на прорисовывающуюся картинку. Теперь это был расположенный в середине верхнего края странички полукруг, от которого расходились в разные стороны косые линии.

— На солнце похоже, как дети маленькие рисуют, — заметила Надя, с каким-то отсутствующим видом глядя на рисунок.

Люба поспешно снова приложила палец, но увы, ничего не произошло.

— Верка, режь палец! — возбуждённо скомандовала она. Вера помялась, помялась, но потом устыдилась и потянулась за ритуальным циркулем.

— Ни фиги, — с сожалением констатировала Люба, глядя на медленно расплывающееся и постепенно бледнеющее пятно. — Надя, а ты?..

— Нет! — девочка даже взвизгнула, потрянув стянутыми в хвост густыми светлыми волосами. — Я не буду, я крови боюсь! И вообще, больно будет! Всё равно ничего не

получится!!!

— С чего ты взяла?! — рассердилась Люба.

— Ну, так у Веры же не получилось! Может эта книжечка только одну порцию крови в день лопают! У-у-у!.. — Надя вдруг шмыгнула носом и опустилась на стульчик с таким видом, будто сейчас расплачется.

— Эй... Эй, Надька, ты чего!?! — изумилась Вера, присаживаясь на корточки рядом с ней. — Да успокойся ты, чего хлюпаешь, я не пойму?!

— У... Не хочу я ничего... Мне страшно!.. Это ерунда какая-то, всё это, надоело, не хочу! Не буду!!! — с этими словами девочка вскочила на ноги, схватила сумку и бросилась к двери, толкнув её так сильно, что одна из досок, из которых она была сколочена, оторвалась и со стуком упала на ступеньки. Снаружи доносилось чавканье грязи под ногами убегающей Нади.

— Ладно. Вернёмся как-нибудь попозже. Сегодня не судьба, — мрачно сказала Люба.

— Ага, пошли. Надо её успокоить, — согласилась Вера, поднимаясь с пола.

\* \* \*

В понедельник на математике Надя села отдельно, опоздав на несколько минут. К счастью, инспекция в данный момент пребывала в другом классе.

— Надо с ней что-то делать, — прошептала Люба подруге. Вера согласно кивнула, нервно теребя русую косу, и прижала палец к губам: в классе было очень тихо — 7 «А» старался изо всех сил — и даже едва слышный шёпот эхом отдавался от стен кабинета, смешиваясь с мирным жужжанием ламп и монотонной речью Терезки.

— Сегодня будут проверять столовку! — возбуждённо сообщил Шуйский на перемене. — Уж они там ради такого случая расстарались!.. Пахнет вкусно. Так что — не опаздывать!

Вера кивнула и принялась вглядываться в толпу одноклассников у кабинета русского языка, где сегодня должен был состояться экзамен:

— А где Надя?

— Вон она, рядом с Шилиным! — Люба махнула рукой в сторону Феди, который что-то рисовал, положив листик на стену и придерживая его одной рукой.

Вера хотела сразу начать разговор с Надей, но увидев жуткую изображённую парнем рожу остановилась и спросила:

— Что это?!

Федя откинул голову назад, полюбовался страшной перекошенной харей и сказал:

— Это типа портрет Максима для школьной хроники. В полный рост типа, — Шилин махнул рукой на сосредоточенно прислонившегося к стене отличника. — Так, типа что тут теперь у нас?.. Типа пальцы... Раз, два, три, четыре... Ладно, и столько хватит...

— Подожди, — перебила Вера, забыв про Надю и проявив внезапный интерес к столь абстракционистскому творчеству. — Вот этот жуткий помидор, это что?

— Ну-у... Типа нос, — Федя щёлкнул красной ручкой по «помидору».

— Но почему такой большой и красный?!

— Это он типа олимпиаду выиграл, отметил в семейном кругу... Мороз его выигранной бутылкой шампанского угостила — а это утром, с похмелья...

— А уши чего такие оттопыренные?

— День рождения! За уши типа подёргали!

— А пузо? Максим же тощий!

— Ну типа тортом объелся! Верка, типа уйди, не мешай великому художнику самовыражаться, ничего ты в искусстве не понимаешь!

Вера собиралась задать ещё какой-то вопрос, но Надя, которая видела, как девочки идут к ней и заранее приготовила речь и которой уже надоело ждать, когда же на неё наконец обратят внимание, произнесла:

— Я её выкинула.

Вера с Любой наконец опомнились и повернулись к подруге:

— Что-что?

— Я ЕЁ ВЫКИНУЛА.

Девчонки продолжали смотреть на неё с недоумением. Пришлось пояснить:

— Вчера вечером я пришла домой и выкинула свою валентинку. Она была такой холодной, что пришлось перчатки надеть. Но я всё равно её выкинула. В мусорку. И ведро вынесла, — девочка помолчала, глядя на изумлённые лица друзей, на которых просто пропечаталось: «Как ты могла?!»

Надя оглянулась, отошла в сторонку и поманила подруг:

— А сегодня утром она ко мне вернулась.

Надя засунула руку в карман брюк и достала оттуда открытку.

Люба и Вера радостно и восхищённо вздохнули и облегчённо открыли рты, но Надя их опередила:

— Я знаю. Всё прекрасно понимаю, что надо звонить в психушку и заказывать три места, желательно в одной палате, но...

— Дети!!! — крикнул подбегающий к классу Кутас. — Диктанта мы сегодня писать не будем. У инспекционной дружины сегодня выходной, так что лучше подготовьтесь лишней денёк-два!

— УРА!!!

— Сергей Владимирович, вы — самый лучший классный руководитель в мире! — в порыве чувств воскликнул Кочан.

— Да ладно тебе... — смутился довольный Кутас.

— Ну хорошо, хорошо, я пошутил!.. — не стал спорить Игнат, и учитель тут же надулся.

— ...Но я всё же схожу туда с вами ещё раз, — окончила фразу Надя. И, увидев обрадованные лица девочек, твёрдо добавила: — После экзаменов!

\* \* \*

Начался период экзаменов. Начался период зубрёжки. Настала пора шпаргалок, нервных срывов, амулетов на счастье и несбыточных надежд на то, что все экзаменаторы разом полягут от гриппа, переломают ноги или в школу подложат бомбу (что КиШ и попытались проделать, но были пойманы бдительной Ольгой Игоревной с весьма печальными последствиями).

Шпоры делались очень продуманно, их разнообразию можно было только подивиться: от просто маленьких клочков бумаги, испещрённых непонятными символами и закорючками, до, скажем, вставленной в прозрачную ручку бумажки с таблицей косинусов или механических часов с бумажной лентой вместо циферблата, прокручивать которую

можно было, поворачивая колёсико, в обычных часах предназначенное для заводки.

На математике было тихо. Аня Исрафилова, одевшая длинную юбку с разрезом до середины бедра, изредка закидывала ногу на ногу. При этом движении юбка соскальзывала с колена и Аниному взору открывалась написанная там формула квадратного уравнения. Сидевший рядом Кочан то и дело тянулся к её коленям руками, но неизменно получал шпилькой по пальцам ноги. Ольга сосредоточенно крутила колёсико наручных часов, Шилин подозрительно внимательно рассматривал свою ручку, Вера вглядывалась в спинку стула сидящего перед ней Прохора, где ещё месяц назад нацарапала все формулы. Шуйский косил глазом на монитор мобильного, Полина глубокомысленно разглядывала ладони, выискивая, чему будет равно  $(a + b)$ , а Ната лихорадочно пыталась распахать по карманам мелкие бумажки, сыпавшиеся из всех мыслимых и немыслимых мест.

— Я до конца этого учебного года не доживу! — истерически выкрикнула Надя. — Эти дяденьки и тётеньки из инспекции ходят, везде свой нос суют, я когда за шпаргалку берусь, у меня руки дрожат! — девочка показала спрятанные в рукавах листики.

— Это ещё что, а вот в четверг у нас сразу два экзамена: по биологии и по истории Беларуси! — к подругам подошли Маргарита с Машкой.

— Н-да, нет справедливости в этом мире... Хотя тебе, Марго, ещё ничего, ты ж у нас умная. Как написали математику? Где прятали шпоры? — осведомилась Люба.

Марго без слов отогнула полу пиджака, где был пришит тетрадный лист в клеточку со всем необходимым, а Зеленко вытащила сложенную «гармошкой» бумажку, встряхнула её, и она развернулась до самого пола.

— Оба-на! — оценила Вера. — И не засекли?

— Не-а! Мы с Маргошей на первой парте сидим, а там очень удобно списывать, потому что учителя думают, что раз ты на первой парте у них перед носом, то побоишься списывать, вот и не смотрят, списываешь ты или нет, а мы списываем...

Марго дёрнула Машу за похожую на пружинку прядку, заставив замолчать:

— Ну, ладно, в четверг биология, а там — с богом! — и на историю Беларуси с Барисовой!

\* \* \*

— Экзамен по физике будет устный! — объявил Коля Прохор утром в пятницу.

— Чего-о?! Как это устный?! — завопила Люба, махнув рукой, в которой была зажата физика. Книга вырвалась из пальцев, молодецки прошелестела страницами и, пролетев по воздуху аки гордая птица, свалилась Кочану на голову. Тому вполне хватало той физики, что была у него в руках, поэтому книга взлетела вновь, с конечной остановкой маршрута в мусорке.

— Слушай, ты, прихлопнутый физикой, если ты ещё раз... — завелась Любаша, вытаскивая многострадальный и доставляющий многочисленные страдания учебник за краешек страницы из урны.

— Да тихо вы! — сказала Вера и повернулась к Коле. — Это как так? Мы что, только теорию отвечать будем? А задачи?

— И задачи будут. Прямо там на доске перед ней и будем решать, — сообщил Прохор.

— Это чтоб не списывали, — пояснил Юра.

— Офигеть, — подвела итог Ольга.

— А там же ещё инспекция сидеть будет, — напомнил Андрей. — Как на истории.

— Это будет типа что-то, — хмуро проронил Федя, сосредоточенно теребя в руках двадцать рублей.

— Стой! Подожди! — оживился Шуйский, выхватывая из рук Шилина бумажку. Надо ей шоколадку купить! Сколько она стоит?.. «Nestle» вроде две тысячи триста сорок... Аня, — обернулся он к Исрафиловой, — нам на шоколадку две тысячи триста двадцать рублей не хватает, одолжи!

— Ой, Андрей, ну ты совсем дурак, что ли? — поморщилась девушка. — Мороз на это не клюнет!

— Да это просто к ней надо подход найти! — убеждённо ответил парень. — Вот берёт Федя шоколадку... Дарит ей... А потом говорит таким проникновенным голосом... — Шуйский приблизился к Ане, намереваясь показать на ней, как следует дарить шоколадку Ольге Игоревне. — И говорит... — Андрей приобнял Аню за талию, обаятельно ей улыбаясь и глядя томными очами ей прямо в глаза. — Ольга Игоревна... Мы с вами давно знакомы...

7 «А» покатился со смеху, а Андрей приблизился к Аниным губам. Девушка закрыла глаза в ожидании поцелуя, но тут парень весело хлопнул её по плечу и обернувшись к классу громко закончил:

— Ну и тут она говорит «Федя, ты лучше всех, тебе десять, а остальные козлы» и дело в шляпе! Уй! Исрафилова, ты чего дерёшься?!

Аня, вся в обманутых ожиданиях, ещё пару раз съездила Шуйскому по физиономии маленькой, вышитой бисером сумочкой, в которой с виду могли уместиться только ключи (но на самом деле туда влезали ещё и дневник, ручка, помада, тени и тушь), и отошла к умирающей от смеха Оле. Шилин, окрылённый радужной перспективой, нарисованной ему Андреем, выпрашивал у одноклассников денег на шоколадку («Не Мороз отдам, так типа сам съем, говорят, типа для мозгов полезно!») На плохое настроение больше никто не жаловался, но тут дверь кабинета физики распахнулась, на пороге появилась Ольга Игоревна в строгом сером костюме, пробуравила ребят жёлтыми глазами и произнесла высоким голосом, от которого температура сразу упала на несколько градусов:

— Ну, дорогие мои, кто первый?..

Веселье как ножом отрезало.

\* \* \*

— Белорусский, — озабоченно произнесла Надя, когда 7 «А» направлялся на предпоследний экзамен. Мимо промаршировала Мороз, высматривая нарушителей порядка.

— Говорят, будет пересказ, и писать мы его будем на двух уроках, — сообщила Вера. — На первом она читает текст, а мы по памяти его записываем на черновике, а на втором читает ещё раз, мы проверяем и переписываем на чистовик.

— Ну, хоть инспекция здесь больше торчать не будет. Уехала за олимпиадой приглядывать. Там, кстати, сегодня Максим выступает... Всем классом держим за него скрещенные пальцы!

— Надя! Надя!!! — к друзьям сзади подбежала Оля. — Привет! Слушай, а тебе нравится ещё тот, Баран Павел?

— Пашечкин?! Ну да, конечно!

— Ну так вот, он сегодня тоже на олимпиаду пошёл, по химии!

— Химии?.. — Надя улыбнулась. — А у нас ещё нет химии... Вот жалко-то как! Это, наверное, самый классный предмет из всех!

— Какая химия?! — ужаснулась Люба. — Надя, мы на экзамен по белорусскому идём! Гарпия тебя на студенческие сосиски пустит, если плохо её предмет сдашь!

Надя уныло кивнула.

Однако когда 7 «А» вошёл в класс, там никого не было.

— Опаздывает, — недовольно ответила педантичная Марго.

— Интересно, откуда она диктовать будет? — задумчиво спросил Кочан, подходя к учительскому столу и, ни к чему не прикасаясь, внимательно его оглядел.

— Не знаю. Вон книги какие-то лежат, — к Игнату присоединился Андрей, а за ним и Оля с Аней.

Дверь раскрылась, и вся кампания поспешно отпрянула от стола, но это был всего лишь Прохор.

— Э, народ, а давайте на спор, кто первый уберёт со стола руку, когда Гарпия войдёт! Проигравший каждому по... ну, по пятьсот рублей! Кто с нами?

Постепенно к Оле, Ане, Игнату и Андрею присоединились Коля, Юра, Люба и Федя.

Все остальные с интересом за ними наблюдали, глядя, чтобы никто не убирал со столешницы ладонь.

В коридоре послышался стук каблуков. Все замерли в предвкушении зрелища. Спорщики сжались, стараясь казаться меньше, словно надеялись, что тогда Ирина Николаевна не заметит восемь человек, стоящих возле стола.

Гарпия вошла в класс, слегка удивлённо приподняла брови, увидев столпившихся у стола учеников, и подошла к своему рабочему месту.

Ребята, цепляясь пальцами за край учительского стола, поспешно отодвинулись, давая Гарпик Ирине Николаевне дорогу. Та протиснулась между учениками и стенкой, села и выжидательно уставилась на держащихся-за-стол. Те переглянулись, как заговорщики, и стали лихорадочно придумывать, как объяснить свою странную любовь к этому предмету мебели.

— Э-э-э, Ирина Николаевна, — начал Коля, поспешно вытаскивая из портфеля тетрадь свободной рукой. — А я вот тут не понял в домашнем задании...

После того, как Прохор выяснил особенности написания наречий, а Юра попросил объяснить правило, Оля с Аней начали наперебой расхваливать стоящий на подоконнике кактус, восхищаясь вкусом Ирины Николаевны, Люба через каждую фразу принялась восторгаться её причёской, а Федя типа приносил извинения за то, что в позапрошлом году он облил корректором учительский стул. Однако запасы красноречия иссякли, и ребята рассеянно замерли, ещё крепче вцепившись в столешницу.

— Ну, давайте, расходитесь, — поторопила Гарпия. Ученики зажмурились, но с места не сдвинулись.

— Ну?!

Одноклассники сжались. Шуйский достал из кармана скотч и принялся приклеивать руку к столу. Гарпик не выдержала, вскочила из-за стола и с рыком «да что же это такое?!» принялась за шиворот оттаскивать упирающихся учеников, выкрикивая угрозы. Они орали, Гарпия тоже, остальные покатывались со смеху.

Учительница дёргала всех по очереди, пытаясь отодрать от стола (кроме Юры, возможно, потому, что едва доставала ему до плеча), а потом отошла, отбросила с лица

разлохмаченные короткие тёмные с проседью волосы и кинулась на Кочана. Тот заорал, начал отбрыкиваться, но Гарпия изловчилась, схватила его за ногу и потянула. Игнат повис в воздухе, болтая свободной ногой и из последних сил цепляясь за край стола.

В соревновании между Гарпией и Игнатом проиграл стол: он сдвинулся с места и поехал за Игнатом на учительницу. Ирина Николаевна, сердито рыча, дёргала болтающегося между небом и землёй Кочана, а за ним по цепочке дёргался стол и вся остальная держащаяся за него кампания.

Гарпик принялась таскать Кочана по классу. За ним волочился стол, а за столом бежали спорщики. Те ученики, которые не участвовали в растягивании каната... то есть Игната, катались по полу от смеха.

Но вот Кочан не выдержал, вспотевшие ладони соскользнули со столешницы, и он звучно шлёпнулся на пол. Гарпия по инерции протянула его по полу ещё несколько метров, но потом спохватилась и отпустила многострадальную ногу.

— Проиграл, — убито сказал Игнат и ткнулся носом в пол.

Ирина Николаевна, растрёпанная, с багровыми пятнами на лице, устроила всем жуткий разнос. Обычно сохранявшая ледяное спокойствие, сейчас она рвала и метала, стуча журналом по задвинутому на место столу, ставила направо и налево двойки, а под конец вспомнила об экзамене и заявила, что раз все такие... нехорошие, то экзаменационный текст она будет читать только один раз (причём видно было, что если б было можно, она бы его вообще не читала, пусть пишут, как хотят, хоть выдумывают!) и работать они будут только до конца урока, не больше! А что до этого конца меньше двадцати минут осталось, это не её проблемы: сами виноваты!

Теперь шутка показалась 7 «А» далеко не такой весёлой, как в начале.

Гарпия дочитала текст, положила книгу на стол и мрачно уставилась на учеников. Те ответили ей аналогичными взглядами.

— Ну, пишите, пишите, до конца пятнадцать минут осталось! — злорадно поторопила учительница.

Класс угрюмо вздохнул. В дверь постучали. Ученики моментально выпрямились и изобразили жутко умные физиономии, решив, что это всё-таки проверка решила наведаться.

В дверной проём просунулась рыжая голова Былины и попросила Гарпию выйти.

Едва Ирина Николаевна скрылась в коридоре, 7 «А» кинулся к столу, расшвыривая на своём пути парты, и вцепился в книгу «Народные святы». Все принялись усердно списывать: кто на листики, кто переписывал текст прямо на руку, Андрей достал из кармана фотоаппарат...

В коридоре послышались шаги, и место перед учительским столом тотчас опустело, книга вернулась на своё место, открытая на той же странице и точно в таком же положении, в каком уходя её оставила Гарпик, парты мигом выровнялись, а ученики приняли задумчивый вид.

Гарпия заглянула в класс, полюбовалась царящей там идиллией, сказала, что ей надо уйти на двадцать минут и что им очень повезло и вышла.

Только через несколько минут ученики поняли, насколько им действительно повезло.

**ОНА ОСТАВИЛА КНИГУ НА СТОЛЕ.**

Ученики издали сдавленный от охвативших их чувств вопль восторга и вновь бросились к столу. Правда, приходилось постоянно коситься на дверь, чтобы быть готовыми немедленно ретироваться на случай, если кому-нибудь из инспекции или других учителей



приспичит проверить, как идёт экзамен. Но потом Оля решила не заморачиваться, взяла книгу и отнесла к себе на парту.

Толпа одноклассников переместилась за ней.

Экзамен шёл полным ходом.

Из-за двери донёсся голос Мороз и Былины. Класс в ужасе замер. Оля, испугавшись, прижала книгу рукой, а Андрей наоборот попытался схватить её, чтобы вернуть на стол.

Раздался треск разрываемой бумаги. Семиклассникам показалось, что у них разорвалось что-то внутри.

Страница была вырвана у основания.

— О нет, — потрясённо прошептала Аня.

Надя так испугалась, что у неё чуть сердце не остановилось, и она потрясённо села на ближайший стул.

— Дурак, ты что сделал? — взвизгнула Оля, убирая руку с книги.

— Я сделал?! Я её на место хотел вернуть, а ты своими лапами влезла!

— А ты что, не видел, что я её держу?!

— Нет! Думал, ты не тормоз, сообразишь руки убрать!..

— Тихо! — первой сориентировалась Марго. — Поздно орать. Нужна новая книга.

— Есть! Я видела в магазине, там небольшой книжный ларёк стоит, — затараторила Ната, на правах старосты перенимая у Марго бразды правления в свои руки. — Там была точно такая же книга! Нужны деньги...

Деньги нашлись в мгновение ока. За книгой послали Кочана с Шуйским — как самых быстрых.

— У вас десять минут! — напомнили Марго, Наташа и Полина. Но пацаны были уже на полпути к магазину.

Через пять минут они уже снова были в классе. В руках Игнат держал новенький экземпляр «Народных свят».

— Так, быстро, — поторопила Марго. — У неё здесь пометки карандашом, надо подчеркнуть, чтоб всё было точно так же...

— На следующей странице в углу крестик красной ручкой стоит, — подсказала Полина.

— И переплёт сверху порван, а с буквы «Н» краска слезла. Есть у кого-нибудь лезвие, чтобы и тут так же соскоблить? — осведомилась Марго.

...Через пять минут в класс вошла одна из учительниц и сказала, чтобы все быстрее дописывали и сдавали, а она пока здесь посидит, потому что Ирина Николаевна задерживается. Книга, целая и невредимая, лежала на столе (испорченный экземпляр спрятали в сумке у Коли Прохора). Ученики спокойно писали, украдкой переводя дух и вознося молитвы всем известным богам.

Вера, Люба и Надя путались в бумажках и пытались составить из отдельно списанных фрагментов единое целое. Оля, вся рука которой была испещрена загадочными закорючками, выгнулась дугой, пытаясь прочесть, что написано возле локтя, а Шуйский, вертя в руках цифровой фотоаппарат, на который был заснят весь текст, с неподдельным ужасом прошептал на весь класс: «У меня разрядилась батарейка!» Но сердобольная Машка передала ему свой черновик.

Время вышло, ученики принялись сдавать тетради.

Никто и подумать не мог, что экзамен по белорусскому окажется не менее волнительным, чем физика или история, а вон оно как получилось...

— А вон оно как получилось... — озвучила общие мысли Вера, когда 7«А» выходил из кабинета. — Ну что, остаётся финальный бросок — русский?..

\* \* \*

— Ребята, Максим вошёл в пятёрку лидеров на олимпиаде, но окончательно места ещё не распределили, — объяснял Кутас перед экзаменом, после того как бурные овации отличнику стихли и довольный Максим занял своё место в окружении булочек, конфет и шоколадок, которыми его одарили щедрые одноклассники. — Скоро, где-то через одну-две недели состоится концерт, где объявят победителя олимпиады, а заодно — и победительницу-школу! Оценки по экзаменам вам скажут в течение этого времени. Я надеюсь, что вы сделали — и ещё сделаете на сегодняшнем экзамене — всё от вас зависящее, чтобы не опозорить родную гимназию. Не думайте, я заметил, что вы старались, что во время инспекции ни один из вас не пришёл в джинсах, никто не прогуливал уроков и даже болтали на занятиях меньше обычного. Ваш... Наш класс сыграл большую роль на пути к победе, вы все — и особенно, конечно, Максим. Я думаю, Максим тоже благодарен вам за поддержку, продолжайте в том же духе, она ему ещё понадобится, особенно на том концерте: надо будет выступать всем классом, чтобы Максим не один на сцене был. Может, песню споём... Надо подумать. И заснять концерт обязательно, есть у кого-нибудь камера? Если выиграем — я организую сладкий стол за свой счёт! И Ольга Игоревна, может шампанским угостит... В общем, мы все молодцы! — закончил Сергей Владимирович свою речь, и 7 «А» искренне похлопал любимому классному руководителю. Кое-кто чуть ли не прослезился.

— Ну а теперь, — радостно продолжил Кутас, — вернёмся к экзамену! (Все моментально поскущели.) Название диктанта на доске, слушайте сначала весь текст, потом буду читать по предложению... Эй! Шуйский! Ты что делаешь?

— Семечки ем, — невозмутимо пояснил Андрей, культурно сплёвывая шелуху в пакетик.

— Ну и что это такое?! — возмутился классный.

— Действительно, Андрей, что за дела?! — воскликнула Вера. — Поделись с Сергеем Владимировичем, жадничать нехорошо!

— Ладно, — парень подошёл к учительскому столу и отсыпал ему семечек из кулька.

Кутас поморгал, поморгал и решил не обращать на Андрея внимания (позже его застали жующим эти семечки возле школы).

Учитель принялся читать текст.

— Сергей Владимирович, скажите, пожалуйста, сколько абзацев в тексте? — спросила Наташа.

— Не скажу! — насуплено буркнул Кутас.

— Ну пожа-а-алуйста! Вам что, посчитать трудно?

— Не скажу!

— А-а-а, это он просто не хочет признаваться, что считать не умеет! — громко прошептал Игнат.

— Эй! Вы что, думаете, я совсем тупой и ничего не слышу?! — возмутился Кутас.

— Э-э... Ну, как вам сказать...

— Так, ну всё! Пишите, быстро! — Кутас принял грозный вид (по крайней мере, ему так

показалось) и начал диктовку.

# Глава 19. Победа!

Май. Последний месяц учёбы. Последний месяц весны. А за ним — лето. Каникулы...

Но это — потом. А пока...

В это воскресенье Вера, вопреки давно устоявшейся традиции, проснулась не из-за младшей сестры — Настёнка любила будить «сеструндию», стаскивая с неё одеяло, засовывая под ухо трезвонящий будильник или начиная распевать под музыку песни собственного сочинения, от которых чуть в рядок не повесились все соседи. Сегодня она проснулась просто — сама по себе. Было ещё совсем рано, часов семь; на небе сгустились тучи, и поэтому в комнате было темно.

Вера поглядела на сестру, которая спала, накрывшись с головой одеялом, из-под которого торчала голая пятка. Девушка встала, подавила желание за эту самую пятку Настю ущипнуть и стала думать, почему она проснулась. Причём так, сразу, резко. И вернуться досыпать не было никакого желания.

Что-то было не так. Что-то...

Вера в задумчивости стала ходить кругами по комнате. Её подгоняло беспокойство. На четырнадцатом круге девочка притормозила и завернула к столу. Разгрести кучу из учебников, тетрадей, журналов и какого-то мусора.

И вдруг ей показалось, что в щели между геометрией и русской литературой что-то сверкнуло. Вера наклонилась и одним глазом заглянула в щель. И тут же отпрянула, ослеплённая уже не кратковременной вспышкой, а ярким, то слегка затухающим, то вновь распалющимся сиянием.

Девочка поспешно оглянулась на мирно посапывающую сестру, схватила деревянную щётку для волос в качестве оружия и, осторожно приблизившись к столу, кончиком расчёски отодвинула учебник по геометрии.

По комнате разлился яркий, режущий глаза свет.

Вера испуганно отвернулась, разглядывая пляшущие по стенам и потолку всполохи. Сердце громко стучало, ноги подкашивались от волнения. Да что же это?

Наконец любопытство перебороло страх, и Вера, зажмурившись, на ощупь пробралась к столу и схватила виднеющееся даже сквозь веки сияющее пятно.

И ту же взвизгнула: сквозь руки прошёл хоть и безболезненный, но сильный заряд, сотрясший всё тело.

В это же мгновение свечение уменьшилось, и Вера осторожно взглянула на мир сквозь ресницы. Её слегка пошатывало, не то от страха, не то от волнения, не то и от того, и от другого одновременно; перед глазами светились какие-то мутные пятна.

В её руках была валентинка. Приятное лимонное сияние окружало картонку. По замысловатым светло-жёлтым узорам молниями пробежали зигзагообразные всполохи. Вера дрожащей рукой раскрыла открытку. Написанная чернилами фраза медленно растекалась, словно плавилась. Линии, как миниатюрные змейки или червяки, извивались и дёргались, чёрные буквы то бледнели, почти полностью сливаясь с фоном, то вновь становились чёткими; то слегка увеличивались в размерах, то уменьшались, иногда их очертания казались размытыми, будто надпись заволакивало странное, невидимое марево...

В мозг Веры как гвоздь впилась мысль: «Надо спешить». Она не знала, куда спешить.

зачем... Но спешить надо.

Что делать? Вера лихорадочно заметалась. «Надя и Люба», наконец сообразила она, и кинулась к телефону.

Сначала она набрала Любу. У неё было занято. «Странно, — подумала девочка. — Куда это она звонит в такую рань?» Потом стала набирать номер Нади. Пальцы дрожали, поэтому сперва она два раза попала не туда, наслушалась от недовольных ранней воскресной побудкой хозяев нелицеприятных слов в свой адрес, немного успокоилась и снова позвонила Любе.

— Алло!!! Вера, это ты?! — завопила трубка после первого же гудка.

— Да, да, тихо, перебудешь всех и у себя, и у меня... А как ты узнала, что это я?

— Не знаю, я просто тебе только что звонила, а у тебя занято!! Ты знаешь, что у меня тут произошло? — затараторила подруга и, не дожидаясь ответа, принялась рассказывать. — Просыпаюсь я сегодня оттого, что Тар с меня одеяло стащил. Я смотрю: семи нет! Ну, значит, кинула я в него подушку, а спать уже совсем не хочется. И тут оно ка-ак засветит мне в глаз!

— Господи, чем засветит, кулаком, что ли?! — изумилась Вера.

— Да нет, лучом! Я сначала думала, у меня пожар: по всей комнате огонь плясал. Схватила подушку, начала тушить...

— И что?

— А ничего. Лампу со стола себе на ногу смахнула, подушку в чернильницу окунула... Краешек, в смысле... Это ж я вчера вечером училась чернилами по шёлку рисовать, по японской технологии...

— Так по шёлку это ж вроде китайская?..

— Да?.. Ну, не важно. В общем, оказалось, что это никакой не пожар, а знаешь что?

— Твоя валентинка.

— Моя валентинка!.. Эй, а ты откуда знаешь? Кстати, ты-то чего мне позвонить хотела?

— Звони Наде, НЕМЕДЛЕННО, и через два часа я жду вас в часовне, — сказала Вера повесила трубку.

\* \* \*

— Ладно, давайте рассуждать логически, может, найдём какую-то закономерность, — предложила Вера. Девочки треугольником стояли вокруг Книги посреди комнаты. Тревожно шумели деревья вокруг часовни, быстро летели по небу бесконечными серыми волнами облака, и серебристый свет солнца изредка пробивался сквозь пепельную пелену, кляксами расплёскиваясь по полу и стенам.

— Ну хорошо. Первой порезалась Надя, — загнула палец Люба. — Через месяц мы первый раз увидели эти красные линии. Потом Вера. И ещё через какое-то время там нарисовалось кровавое солнышко.

— Нет, — перебила Надя, — тогда просто линии длиннее стали. А потом уже ты решила проверить кровавую теорию происхождения этого рисунка, капнула туда капельку крови, и потом только появилось солнышко.

— Да, а потом снова я себя проткнула, но ничего не было, — добавила Вера.

— Надя, Вера, я... Потом снова Вера, а у неё не получилось... — Люба глянула на подруг. — Понимаете, что это значит?

— Два варианта. Либо Книга принимает только одну порцию крови в день, либо... по закономерности выходит, что следующей должна идти ты, подруга, — Вера глянула на бледную и испуганную Надю.

— Н-нет... Давайте сначала кто-нибудь из вас, а уж если не получится... В смысле, если действительно я должна...

— Ну ладно, — поморщилась Люба, доставая ритуальный циркуль. — Я его спиртом протёрла, чтоб... ну... чтоб всё чисто было.

Девочка сняла ветровку и закатала рукав кофты, разглядывая руку и размышляя, где её не так больно будет резать. Потом зажмурилась, резко расцарапала тыльную сторону ладони и поспешно приложила набухшую мелкими капельками красную полосу к странице.

— Надька, я тебя щас по стенке размажу! Больно же! Не выпендривайся давай, не получается ничего без тебя, видишь же!

— Может, не надо... — испуганно проскулила девочка, пятясь к двери. И вскрикнула, поспешно вытаскивая из внутреннего кармана светящуюся валентинку. Вокруг неё мертвенным голубым светом разливалось сияние, по стенам закружились неосязаемые снежинки. Время на секунду словно замерло. Вера в восхищении попыталась поймать кружащиеся по комнате резные снежные звёздочки, но они таяли, не достигая ладони. Люба ошалело озиралась, а Надя глядела на валентинку с нескрываемым ужасом.

— Надо, Надя, надо, — шёпотом подвела итог Люба.

— Л-л-ладно, — пробормотала девочка, и валентинка в её руках погасла.

Постепенно девушки притерпелись к не то что сильной, а какой-то зудящей и дико раздражающей боли. Их руки были покрыты бесчисленными царапинами — дело в том, что чтобы магия (или что это такое?) действовала, кровь должна была поступать в книгу без остановки, то есть если капнула одна капелька, а потом вторая, то вторая уже не подействует, и её придётся пожертвовать следующей подруге.

Надя, Вера, Люба... Надя, Вера, Люба... Девочки жадно смотрели на появляющуюся картинку: половина солнца в верхнем крае страницы с расходящимися от него в разные стороны линиями-лучами, Книга на пюпитре в сторонке, картина, и напротив — зеркало, в котором эта картина отражалась, а рядом, завершая треугольник, на какой-то подставке лежало что-то вроде кривоватого светящегося шарика. А ещё было нарисовано окно, из которого к этому шарiku тянулся один из солнечных лучей, потом, отражаясь от него, ударял в зеркало, потом — в картину.

Рисунок по исполнению был похож на средневековую гравюру, немного непропорциональный: например, очень маленький по сравнению с Книгой пюпитр, а зеркало было размером с картину — хотя на самом деле было больше её раза в несколько раз.

Девочки молча стояли и глядели на Книгу, на красные линии. Исцарапанные руки опухли и сильно болели.

Вера провела кончиками пальцев по странице.

— Ну?.. — осведомилась Люба. — Это что значит?

— Ну, по-моему, всё ясно, — заявила Вера. — Нам надо сделать, как показано на этом рисунке, и что-нибудь произойдёт.

— Ага, — хихикнула Люба. — Станем повелительницами вырвавшихся из ада демонов...

— Очень смешно, — слегка дрожащим голосом произнесла Надя. — А вы уверены, что

надо пробовать так делать? Вдруг и правда что-нибудь страшное случится?

— Ой, Надя, для тебя даже если из этого зеркала таракан вылезет — это уже что-то жутко страшное, — фыркнула Люба, сверкнув тёмно-серыми, с зелёным отливом глазами.

— Эй, слушайте, мы ж переводить эту книгу хотели! — вдруг вспомнила Вера. — У меня и Юрин словарик есть.

— Да? — Надя без вдохновения покосилась на гигантский том. — Ну ладно. — Надя подумала, что это лучше, чем становиться повелительницами демонов (ну пусть даже и не демонов, а тараканов, что в этом хорошего?!) или что там ещё такое может случиться. А в том, что что-то случится, она уже не сомневалась.

\* \* \*

Следующие две недели прошли в жесточайшем напряжении. Учителя ходили словно пришибленные, и даже количество пакостей, производимых КиШ, значительно уменьшилось.

Для трёх подруг эти недели прошли ещё тяжелее. Помимо тягостного ожидания результатов экзаменов (которые, кстати, все сдали весьма неплохо), итогов олимпиады и подготовки к концерту, а так же уроков и домашних заданий, добавилось страшное и одновременно приятно волнующее чувство неизвестности. Почти каждый день после школы они ехали к Любе, запасались бутербродами и минералкой и шли в часовню со словарём.

— Знаешь, а ведь мы были правы, когда говорили, что эта книга — учебник истории, — хихикнула Люба, сидя в последний понедельник этого учебного года на русском языке, пока Кутасёнок опять опаздывал. В классе было относительно тихо: сегодня наступил ТОТ САМЫЙ ДЕНЬ, когда должно всё решиться, и все ученики тихонько переговаривались, глядя в окно на холодное утреннее небо, в котором кружили птицы, издавая пронзительные, слышные даже в кабинете крики.

Вера задумчиво кивнула. Книга переводилась трудно — таких слов, как там, в словаре оказалось очень мало, приходилось искать похожие, однокоренные, догадываться по смыслу... В общем, понятно было очень немного. Но из того, что с горем пополам всё-таки удалось перевести, можно было сделать именно такой вывод, какой сделала Люба. То какие-то войны, короли и правители со странными именами, боги и ещё какие-то непонятные существа, перевода которым не было в словаре, но которые принимали в войнах активное участие...

— Не нравится мне всё это, — пробормотала Надя.

— Кто бы сомневался, — фыркнула Люба. — А что тебе вообще нравится?

— Так, ну тихо, тихо! — замахала перед подругами руками Вера. — А Книга действительно... ну, похожа на учебник истории, только... Вы, это, хоть иногда историю читаете?

— Это роман или книгу можно читать, а историю нужно учить! — авторитетно изрекла Люба коронную фразу Барисовой, и друзья захихикали.

— Нет, ну а если серьёзно?

— Если серьёзно, то где-то раз в месяц, когда Барисова вызывать должна, — призналась девочка, накручивая на палец шелковистую тёмную прядь. — Но только я всё равно ничего не помню.

Надя согласно кивнула.

— Ну так вот, а я, хоть и не спец, конечно, но кое-что в памяти отложилось. И знаете, что-то я не могу припомнить, чтобы когда-либо существовало государство Индор. Нет, ну я, конечно, не уверена, может, и было... Хотя я даже у Максима спрашивала, он тоже не знает.

— И на что это ты намекаешь? — упёрлась руками в бока Надя, повернувшись к Вере сидевшей вместе с Любой на парте сзади, и грозно надвинувшись на неё.

— Ну... э-э... это... — смутилась девочка, теребя и без того разлохмаченную косу, в которую как обычно заплела длинные русые волосы. — Я ни на что. Я так, просто.

— Вот и хорошо, что просто. Только инопланетян нам тут не хватало...

Вошёл запыхавшийся Кутас.

— Так! Андрей, Коля, Юра и Федя! Вы на сегодняшнем концерте будете выносить флаги Беларуси и гимназии, это очень почётно! Идите быстрее вниз, в актальный зал, потренируйтесь, вас там Былина ждёт. Игнат, сходи за мелом! А вы все слушайте: после этого урока идём на концерт, Наташа обещала на камеру заснять, потом, если выиграем, сладкий стол, поздравления, и — домой!

Ребята радостно заорали.

— А я сейчас объявлю оценки за ваш экзамен, а то все учителя вам уже всё сказали, а я их просто проверить забыл...

— Кто бы сомневался! — шепнула Полина.

— А потом запишу на доске новое правило, когда мел принесут... Кстати, а Игнат что, вместе с Исафиловой пошёл? Один кусочек мела будут вдвоём нести?! Совсем обнаглели.

— Сергей Владимирович, ну ведь он же такой тяжёлый, этот кусочек, вдруг они надорвутся?.. — хихикнула Люба.

И ту в класс ввалились Игнат с Аней. У обоих в руках было столько мела, что едва удалось донести его до доски, не уронив.

— Во! А вы говорили — один кусочек! — гордо произнёс Игнат (вероятно, подслушивающий под дверь в ожидании наиболее эффектного момента для появления), раскладывая вместе с Аней кусочки мела на специальной приступке рядом с доской. Мел не вмещался и всё время падал, а Кочан с Аней пытались этому воспрепятствовать.

— Да уж, сходили за мелом, — слегка ошалело буркнул Кутас. — Да здесь на целый год хватит!

— Ну, вот и хорошо! — бодренько откликнулся Игнат. — А то вам не угодишь, нету мела — плохо, много мела — тоже плохо... — ему наконец удалось установить мел в шаткую пирамиду, и мальчик, стараясь не дышать, вместе с Аней отошёл от доски, принявшись из оставшихся, не уместившихся кусочков как из домино строить на учительском столе разные фигурки.

— Ну, так вот, о чём бишь я? А, об экзамене. В общем, скажу честно — написали не очень. Весь, весь класс написал слово «оттого» отдельно! Даже Максим. Ну, вы понимаете, я не мог сделать так, чтобы в классе ни одной десятки по русскому языку не было, поэтому я вам всем, чтобы никому обидно не было, исправил его синей ручкой, и как ошибку не засчитывал.

— УРА НАШЕМУ КЛАССНОМУ РУКОВОДИТЕЛЮ! — было ему ответом.

— Можете посмотреть свои работы, — скромно потупился Кутас.

Все накинулись на стопку листов.

— Ну что? — спросила сияющая Люба.

— Восемь! — радостно ответила Надя.



— Мне тоже! Гляньте, Кутасёнок додумался, у меня весь текст написан тонкой светлосиней ручкой, а он подправил это «оттого» жирной тёмно-фиолетовой, и ещё считает, что это незаметно! А тебе, Вер? Вера? Э-эй! — Люба бесцеремонно выхватила у подруги работу. — Ух ты! Девять или десять! Так круто же!

— Эй! Дети! Эй! Всё! Сейчас запишем правило и пойдём вниз! Успокойтесь! — Кутас шагнул к доске, но при первом дуновении ветра, поднятом его рукой, башня из мела с грохотом развалилась и раскатилась по полу, в основном — под ноги учителю. Тот замахал руками, пытаясь сохранить равновесие на круглых брусочках, но в итоге только перетоптал весь мел и рухнул на пол в медленно оседающую белую пыль.

— Ну вот, Сергей Владимирович, а вы говорили — на целый год хватит! С вами не в чём нельзя быть уверенным! — с притворным вздохом, стараясь сдержать рвущийся наружу смех сказал Игнат. — Но вы не переживайте, мы сейчас ещё раз сходим!

— Не надо! — содрогнулся Кутас. — Не надо. Шут с вами, и с правилом тоже, идите вы уже вниз, места занимайте! Особенно ты, Наташа.

Староста кивнула, наматывая на руку шнур от чехла для камеры.

— Сергей Владимирович, — подошла к классному руководителю Вера. — Так мне девять или десять?

— Ну, я даже не знаю, — почесал в затылке Кутасёнок. — Наверное, всё-таки девять. У тебя ведь изначально неправильно было «оттого» написано, и вот тут ты, кажется, букву «о» подправила...

— Ну, Сергей Владимирович, ну поставьте! — запрыгала Вера вокруг учителя.

— Ой, слушай, я тебе что, за красивые глаза должен такую высокую оценку ставить?

— Ну почему за глаза? Можно за нос, за рот, за волосы... Да хоть за ботинки!..

— Эх... Ну ладно, иди уже, поставлю...

— Йес!! — радостно выкрикнула Вера и побежала вниз по лестнице вслед за подругами.

В холле внизу было полно народу. Гимназисты, школьники и учителя из 201-ой, инспекция... Всё вокруг было обвешано воздушными шарами и приветственными транспарантами, играла громкая музыка.

— Эй, Верка, ну где ты там застряла?! Пошли быстрее, пока все места не позанимали!! — из толпы вынырнула Люба и, схватив подругу за руку, потащила сквозь море человеческих тел.

Девчонки протиснулись в актальный зал и огляделись.

— Ты видишь, где наши? — шепнула Люба, дохнув Вере в ухо тёплым воздухом.

— Да, гляди, вон Надя рядом с Полиной нам машет!

— Ну наконец-то! — вздохнула Надя, когда подруги пробрались к своим сиденьям. — Я тут ваши места защищала, рискуя своей жизнью, на них почти полшколы покусятся успело! Да ещё и все ноги оттоптали!

Друзья расселись по жёстким деревянным креслам. Впереди сидела инспекция, на соседнем ряду справа — ученики и учителя из 201-ой. Сзади Наташа щёлкала кнопками, настраивая камеру.

Тут внезапно все смолкли, заиграл гимн Беларуси, и полившийся из динамиков голос объявил:

— Для торжественного выноса на сцену государственного флага Республики Беларусь попрошу всех встать!

Все поднялись. Из боковых дверей появились справа — Андрей, слева — Федя. За ними,

с флагами наперевес — Юра и Коля. Высокий Юрик аккуратно пригнулся, проходя через невысокую дверцу, а Коля, гордо марширующий вслед за Федей, не рассчитал и зацепился флагштоком за верхний косяк двери, едва не переломив древко и чуть не опрокинувшись на идущего третьим старшеклассника.

Гимн перемешался со смешками зрителей, а бардовый Прохор взошёл вслед за парнями по небольшой лесенке и встал с другого края сцены.

Потом гимназисты и учительский состав спели гимн гимназии, а потом на сцену поднялся один из представителей инспекции и толкнул речь:

— Друзья мои! Учителя, ученики... Две лучшие школы нашего района прошли в финал. Две соседние школы. И сегодня... настал тот самый день, когда должно всё решиться. Вы все отлично потрудились, и я хочу сказать спасибо вам всем за таких чудесных, талантливых и послушных учеников, за великолепные, красивые и чистые учебные заведения, за вашу самоотверженную работу. Я от всей души надеюсь, что соперничество между школами не переросло в соперничество между учащимися и работающими в них людьми, и вы все, и ученики, и преподаватели, крепко дружите... — Оля покосилась на сидящего в первом ряду Макаронкина с припудренным фингалом под глазом, который девочка поставила ему не далее как вчера, и отличник ответил ей не менее дружелюбным взглядом; Мороз и директриса 201-ой школы тоже переглянулись. Сидящий между ними директор гимназии, боясь испепелиться на перекрестье их взглядов, вжался в спинку кресла и постарался стать как можно незаметнее.

Мужик распинался ещё минут пятнадцать, пока весь актовый зал нетерпеливо ёрзал на стульях в ожидании объявления школы победительницы.

— ...Нам было нелегко сделать выбор, но в итоге мы решили, что лучшей является... 4-ая гимназия!

Зал взорвался оглушительными аплодисментами. Ученики и учителя орали, хлопали в ладоши и обнимались. Директриса 201-ой с кислой физиономией вынула из принесённого с собой пакета бутылку шампанского и передала её Мороз, и та смеялась, размахивая своим выигрышем.

Представитель инспекции прокричал в микрофон, что Максим занял на олимпиаде по физике первое место и спрыгнул с помоста.

Грянула весёлая музыка, Максима вытащили на сцену, за ним повалили все его одноклассники и безмерно гордый Кутас. Всем классом спели песню, а потом началась дискотека. Директор так лихо отплясывал с библиотекаршей Нинкой, что даже шустрый Андрей позавидовал! Впрочем, Мороз с физруком Котиковым не сильно отставали, как и Кочан с Аней Исрафиловой.

Через некоторое время все немного успокоились, и перед школьниками выступил счастливый директор. А потом все снова встали для выноса флагов Беларуси и гимназии из зала (Коля слишком низко опустил свой флаг чтобы снова не дай бог не задеть косяк, и ткань шлёпнулась Феде на лицо. Тот замотал головой, стараясь сбросить её, не нарушая строевого шага, но не получилось, и ничего не видящий перед собой Шилин врезался лбом в открытую створку двери).

— Надо бы боковые двери пошире сделать, — пробормотал директор, глядя на ругающегося парня. — Что-то уж больно высокие детки пошли в последнее время.

Учителя схватили слабо упирающегося Максима и потащили в приёмную директора угощать Морозовским шампанским, а 7 «А» пошёл в свой 339-ый класс. Радостный Кутас,

которому должны были дать за Максима премию, щедрой рукой отсчитал своим ученикам денег, и половина класса отправилась в магазин за тортом, фруктами и лимонадом, а остальные принялись сдвигать столы и настраивать старенький магнитофон. Шуйский с Юриком сходили в компьютерный класс и скинули запись концерта с Наташиной камеры на диск, а потом взяли один из компьютеров и отнесли в кабинет Кутаса. Андрей, как штатный техник класса, принялся возиться с проводами, и тут как раз вернулись те, кто ходил за продовольствием, и Максим, на которого тут же накинулись Аня с Любой и расцеловали его в обе щеки.

Еду разложили по тарелкам, которые Оля «одолжила» из столовой, Максима посадили на почётное место, а Андрей щёлкнул мышью и повернул монитор к классу.

Ребята весело смеялись, уминая бисквитный торт и глядя на экран. В момент произнесения директором речи в объективе появилась голова Шуйского, показала камере язык и исчезла...

Вера, Люба и Надя сидели посередине длинного стола и радостно улыбались, на сердце было легко и весело, и зловещая тайна часовни совсем вылетела из головы...

\* \* \*

За столом засиделись почти до вечера. Потом вышли на улицу пускать принесённые КиШ хлопушки. Сидели кто на колодце, кто на весенней зелёной траве, подстелив ветровки, кто на бортиках клумб...

Где-то через час начали расходиться по домам. Три подружки попрощались у Вериного подъезда.

А ещё через полчаса...

...Вера отчаянно ругалась с сестрой, которая упорно доказывала ей, что имеет полное право запереться в ванной на два с половиной часа вместе с Вериной косметикой и ничего страшного, если она ей (и ванной, и косметикой) немного попользуется, не случится, как вдруг...

Карман лежащих на стуле в соседней комнате Вериных штанов засветился пронзительным жёлтым светом, перед глазами у девочки ослепительно сверкнуло, а потом потемнело и она медленно сползла на пол в узком коридоре между ванной и кухней под испуганным и изумлённым взглядом приоткрывшей дверь сестры...

...Люба, высунув от усердия язык, рисовала тоненькой кисточкой на покрытых бардовым лаком ногтях японский иероглиф «любовь», и тут...

Лежащая перед ней валентинка полыхнула неистовым огнём, девочка вскрикнула, отшатнулась и обмякла на зелёном стуле на колёсиках, безвольно запрокинув голову, и кисточка выпала из её ослабевших пальцев, перечеркнув последний иероглиф...

...Надя тряслась в переполненном душном автобусе, из последних сил цепляясь за оранжевый поручень и расстёгивая другой рукой, на которой висела лёгкая куртка, верхние пуговицы блузки. Внезапно...

Сквозь матерчатую ткань белой сумочки, висящей на плече, пробился яркий неземной свет, голубые глаза девочки расширились, и она безмолвно опрокинулась на завизжавшую тётку...

А потом они все увидели одно и то же. Большой светлый зал. Всё в золоте и залито ярчайшим белым светом. Жаркое полуденное солнце бьёт лучами в окно. Лучи попадают на

сверкающий и переливающийся круглый камень, который парит в нескольких сантиметрах над своей изящной хрустальной подставкой, отделанной золотом, от него — в огромное красивое зеркало в золотой раме, потом — в картину со скалой. И этот луч, соединяющий два последних предмета, вдруг становится ярче, разрастается, обретает плотность... и поверхность зеркала постепенно изменяется... А потом...

## Глава 20. Портал

Предпоследний день учёбы выдался по-настоящему летним, каникулярным. На пронзительной синеве неба не было ни тучки, не считая маленького белого облачного лоскутка с растрепавшимися краями, бесстрашно дрейфующего по бескрайним просторам. Впрочем, он особо не мешал.

Постепенно начинающее переваливать за середину неба солнце роняло свои лучи на блаженно замершие в долгожданном тепле Ждановичи, гоняло по свежей ярко-зелёной листве солнечные зайчики, а лениво шевелящиеся ветви яблонь и вишен играли лимонными бликами на стенах домов.

Надя сидела на широком подоконнике своей комнаты на втором этаже и любовалась на мельтешащее перед глазами жёлто-салатовое великолепие, вслушиваясь в шёпот ветра и листьев. Сплётшиеся ветки казались сетью из огранённых изумрудов, покачивающейся в такт дыханию природы.

Один лучик, проникнув в раскрытое настежь окно, скользнул по светлым волосам девочки и перепрыгнул ей на нос. Она чихнула. Поморгала, тряхнула головой и сделала глоток из высокого стакана со своим любимым апельсиновым соком.

— Вот когда в Ждановичах красота, — сказала Люба с Надиной кровати. — Зимой сугробы по колено, весной и осенью — слякоть, зато летом... И деревья, и солнце, и птички поют, не то что в городе! Надька, подвинься, ты мне свет заслоняешь!

Как раз в это мгновение прямо на встречу Наде полетело какое-то насекомое, и девочка с ужасом отшатнулась, свалившись внутрь комнаты и выплеснув сок Вере на ботинок.

Люба расхохоталась, глядя на ругающихся подруг:

— Спасибо, конечно, мне очень приятно, что все мои просьбы принимаются друзьями так близко к сердцу, но ты, Надя, в следующий раз осторожней отодвигайся, а то вообще наружу вывалишься!

— ...И деревья, и солнце, и птички, и насекомые!!! — ругалась Надя. — Фу!!! Ненавижу этих... этих...

— Ну, мы тебя поняли, — Люба взбила подушку и цапнула с прикроватной тумбочки печенюшку.

— Мороз сказала, что в первый месяц лета надо будет неделю практики отрабатывать. Ну там, клумбы полоть, деревья сажать, бордюры красить... — Вера скомкала салфетку, которой оттирала ботинок от сока, кинула её в урну под столом и выпрямилась.

— Ага, — согласилась Люба, и все три девчонки снова замолчали, оттягивая момент, когда придётся заговорить о самом главном.

Вчера подруги созвонились, сбивчиво объясняя друг другу, что с ними произошло. Оказалось, одно и то же: валентинки засветились и они упали в обморок. Срочно надо было встретиться. Так как у Любы и Веры родители были дома, Надя пригласила подруг к себе сразу после школы.

— Надо что-то делать! — наконец заявила Люба.

— Мне кажется, или последнее время мы стали повторять эту фразу слишком часто? — заметила Надя.

— Нет, серьёзно, это уже становится... Ну, опасным! — воскликнула Люба. —

Смотрите, если раньше мы относились к этому как к игре, и никто не обращал на нас внимания, то сейчас... Меня уже полкласса спросило, почему все руки так исцарапаны, а теперь ещё этот обморок... И валентинки светились, все видели... Ну, то есть, я-то дома была, кроме Тара никто ничего не видел...

— Да уж, а у меня Настёна такой крик подняла! Правда, родителей тоже дома не было, а Настю я уговорила ничего не рассказывать, сказала, что пошутила... — Вера внезапно хмыкнула: — Вот уж не думала, что она будет так за меня беспокоиться! Надя, а ты расскажи, как выкрутилась? Ты же в автобусе ехала!

— Да ничего, нормально. Душно было, почему бы слабой молоденькой девушке не упасть в обморок? На сиденье положили, по щекам похлопали, вроде всё нормально. А что валентинка засветилась, кажется, никто и не заметил, по крайней мере не спрашивали, — Надя опять залезла на подоконник.

Девочки снова помолчали.

— А вы... видели? — спросила Вера дрогнувшим голосом.

— Что?

— Ну... когда были в этом... обмороке. Вы видели?

— Да, — после короткой паузы ответила Люба.

— Вы ведь понимаете, что нам придётся сделать так, как там? Вы заметили, там было то же самое, что и в книге. Это знак, — шёпотом закончила Вера.

— Я не хочу! — решительно ответила Надя. — Я так и не увидела, что там было дальше...

— Надя!!! — повысила голос Вера. — Ты что, не видишь, что если мы этого не сделаем, это может для нас плохо закончиться?! Сначала валентинки просто светились, потом начали доставлять... хм... неприятные ощущения, теперь мы уже начали падать в обмороки... Тебе вообще не приходило в голову, что дальше может быть ещё хуже?! У нас в валентинках написано: «время бежит». Нас просто подгоняют всеми этими обмороками!..

Надя испуганно обхватила себя руками, беспомощно хлопая голубыми глазами со светлыми ресницами. Люба переводила взгляд с одной на другую, не донеся очередное печенье до рта.

Вера, тяжело дыша, плюхнулась обратно на стул, с которого вскочила от переизбытка чувств.

— Ну ладно, — слегка дрожащим голосом произнесла Надя. — Будем надеяться, что из этого всё равно ничего не выйдет.

— Выйдет! — уверенно сказала Люба, и глаза её азартно сверкнули. — Значит, так. Зеркало есть. Картина тоже есть. Книга, насколько я поняла, там не нужна, она идёт чисто как для пояснения, что со всем этим делать надо. Чего ещё не хватает?

— Там было ещё что-то такое сияющее, — припомнила Вера. — На эту штуку падали все лучи, отражались от неё, попадали в зеркало, потом от зеркала на картину...

— Сияющая штука. Ну-ка, давайте, вспоминайте, не попадалось ли вам чего-нибудь такого на глаза, — скомандовала Люба.

— Ага, на каждом углу, шагу ступить некуда, чтобы на какую-нибудь светящуюся ерундовину не наступить, — фыркнула Надя, подняла глаза и замерла. Подруги проследили направление её взгляда и вздрогнули.

За стеклянной дверцей шкафа, ловя солнечные блики, мягко переливался найденный ими когда-то в соседской трубе камень.

— Ну конечно, — прошептала Вера. — У нас уже давно всё было! Так вот почему нас торопили!

— Но... Как же это так... — бессвязно пробормотала Надя, зябко обхватывая свои плечи руками и опуская голову. Всё и впрямь сходилось, всё получалось, и, что самое страшное — было похоже, что всё действительно должно было сработать. Она и раньше это подозревала, но время закончилось так... быстро...

— Может, у нас просто коллективное помешательство? — удручённо спросила она. — А то я уже и на дурдом согласная...

— Так когда будем пробовать? — Люба подпрыгивала на кровати, её распирало от нетерпения.

Вера подумала:

— Завтра последний день учёбы. Вот сразу после прощального концерта и пойдём. Камень с собой захватить не забудь.

\* \* \*

Последний день учёбы праздновали с размахом. Естественно, ни о каких уроках не могло быть и речи. Школьники пришли в джинсах, бриджах, спортивных майках, кроссовках... Оля, как и обещала, выкрасила волосы в цвет весенней травки.

Андрей притащил из дома свои диски с фотографиями класса и записями концертов и других мероприятий (в том числе фотка Барисовой с булкой во рту и гигантским подносом в руках, размахивающая бутылкой шампанского Мороз, рыжая Былина в своих зелёных домашних тапочках, запись вызволения Кутаса из запертого кабинета, запись «Ромео и Джульетты» и фотки с репетиции...). Игнат декламировал стихи собственного сочинения, был концерт, не в актовом зале, как обычно, а на школьном дворе, на свежем воздухе, благо погода позволяла — солнце, как видно, устыдилось за такую холодную весну и активно взялось за исполнение своих прямых обязанностей, чтобы наверстать упущенное. Был и общий для всей школы сладкий стол — старшеклассники всё утро таскали парты из гимназии на улицу, — и кирмаш, на котором младшие классы торговали домашней выпечкой, поделками, журналами и дисками с музыкой и играми.

Но всё это казалось Вере, Наде и Любе каким-то чужим, далёким... Сидели как на иголках, вздрагивали, когда к ним обращались... Так сильно они не волновались, пожалуй, даже перед экзаменом по физике. Ведь тогда вместе с ними был весь класс, а сейчас они одни, совсем одни... И что будет — неизвестно. Ужасно хотелось избавиться от этого чувства одиночества и отдалённости от всего остального мира, в котором все смеются, уплетают бублики за обе щёки и радуются наступлению каникул. Какой-то мальчонка лет девяти едва не выдернул у сидящей под деревом Оли клочок волос, перепутав их с очередным листиком, которые он зачем-то обрывал с веток; Аня в обнимку с Игнатом распевает гимн гимназии, Юра планомерно уничтожает всё съестное в пределах досягаемости, длинноногая Дранько Даша в мини-юбке и туфлях на шпильках сидит среди одиннадцатиклассников, и они по очереди потчуют её ананасовым соком, а Жигалов Вовочка разговаривает о чём-то с парнями из 8-штрих класса. А вон и Надин Пашечкин по фамилии Баран, и джинсы с серой майкой идут ему ничуть не меньше чёрного костюма с жёлтым галстуком...

Вера пихнула приунывшую подругу локтём и кивком головы указала на сероглазого парня. Надя, жуя помидор, повернулась, и тут Паша тоже посмотрел на неё и улыбнулся.

Надя тут же стала краснее поедаемого продукта и поспешно отвернулась под ехидное хихиканье Любы, но тут появился Шилин с воздушным змеем, на котором было розовым выведено «ЛЮБА, Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ!», и со смеху покатила уже Надя, пока Люба побежала разбираться с незадачливым ухажёром, размахивая пластмассовой вилкой (ухажёр улепётывал с впечатляющей скоростью). А Прохор Коля, которого Федя вообще-то подговаривал сделать такой же транспарант для Нади, тихо радовался, что не стал участвовать в этой сомнительной аванюре.

— Ну наконец-то наша неразлучная троица расшевелилась, — весело произнесла Наташа, вместе с Полиной подсаживаясь к друзьям. — А то последний день учёбы, завтра каникулы, а они сидят такие гру-устные... Правда, ещё практику отрабатывать, но это мелочи. В чём дело-то?

Подруги переглянулись.

— Да так... Личные проблемы. Не обращайтесь внимания.

Тут на верхнюю ступеньку ведущей к школьным дверям лестницы взошёл директор. Рассказал об итогах учебного года, напомнил про практику, пожелал счастливых каникул...

Пока все хлопали, три подруги схватили сумки и выбрались из толпы.

\* \* \*

В часовню приехали в половине одиннадцатого. Небольшой лесок кипел жизнью: жужжали мухи, из крон деревьев доносилось щебетание птиц, огромная бабочка-крапивница уселась Наде на ухо, и девочка с воплем ужаса запрыгала на месте, размахивая руками. Несчастное насекомое свалилось в траву, оглушённое и едва не скончавшееся от страха.

— Ну, ты! Убийца! — жутко возмутилась Люба.

— Я?! — Надя потрясённо глянула на подругу. — Да я сама чуть не померла! Для неё что, мои уши — насест, что ли?

— А тебе что, жалко?!

— А может, и жалко!

Вера целенаправленно продвигалась вглубь леса, не обращая внимания на привычную перебранку подруг. Она прекрасно понимала, что это — всего лишь попытка отогнать внутренний страх.

Чем ближе друзья подходили к часовне, тем гуще мох покрывал камни, вьюнок всё выше взбирался на деревья, куда меньше стало валяться под ногами консервных банок и другого мусора. Полянка, на которой стоял деревянный домик, была абсолютно чистой. Девочки пересекли её и осторожно поднялись по ступенькам к покосившейся, полуразломанной двери на массивных петлях. На пороге они обернулись.

— До чего всё-таки странно, — сказала Надя, глядя, как медленно выпрямляются примятые шагами друзей зелёные травинки, так же, как раньше исчезали следы в снегу и грязи. Как обычно, только в трёх метрах вокруг часовни.

— Знаете, мне тут пришло в голову, — задумчиво произнесла Вера, — это похоже на такую вроде как защиту. Смотрите, чем ближе к часовне, тем меньше мусора, значит, тем меньше людей там ходило. К часовне, похоже, вообще никто не приближался — ведь иначе здесь бы уже давно и кострище было, и всё остальное, к пикнику прилагающееся, ведь удобно же очень! И то, что здесь не работают электронные предметы... И ещё эта штука, которая наши следы стирает, как будто чтобы никто нас по ним не смог проследить и найти



эту часовню.

— Ну, мы же нашли, — резонно заметила Надя.

— Так это мы. Может, она только для нас, эта часовня? Может, мы, именно мы должны были сюда попасть?

— Вера, у тебя мания величия, — объявила Надя. — Мы нашли её лишь потому, что никому другому не приходило в голову искать здесь зайцев! — девочка выразительно покосилась на Любу. Та не отреагировала, ошалело таращась поверх голов друзей им за спины в сторону леса:

— Кстати, о зайцах... — проговорила она, рассеянно хлопая глазами.

Подруги резко обернулись.

На краю полянки сидел рыжий, давно знакомый заяц. Он приветственно махнул одним ухом и припустил обратно в лес.

Люба, у которой на данного зайца был зуб, с воинственным кличем кинулась вдогонку. Вера с Надей переглянулись и потрусили следом.

Догнали они её только спустя несколько минут на другом конце лесочка. Люба стояла неподвижно на краю маленькой прогалины, со странным выражением на лице глядя куда-то вперёд.

Вера и Надя подошли к ней.

Под деревом сидел не заяц, а рыжий пёс с умными чёрными глазами. Тот самый, которого девчонки кормили колбасой и благодаря которому нашли камень.

Люба присела на корточки и собака подбежала к ней, тычась носом в ладони. Вера тоже села рядом и почесала собаку за ухом.

— Так значит заяц это и есть собака? А собака это и есть заяц? — слабым голосом спросила Надя, бессильно прислоняясь к тоненькой берёзе, которая громко затрещала, протестуя против такого жестокого с собой обращения.

— Угу, — Вера стала почёсывать животному подбородок, а собачка радостно завилыла хвостом, согласно глядя на Надю. — И он всё время нам помогал. Всё время был рядом...

— Ох, в недоброе время Любе приспичило поглядеть на зайцев, — пробормотала Надя. — Тогда остаётся ещё один вопрос... А кто такой тот биолог?

Пёс хитро прищурился, вежливо высвободился из рук Веры и Любы, гавкнул в сторону часовни и побежал за деревья. Люба на секунду замерла, а потом кинулась следом. Но когда она обогнула толстенный дуб, там никого не оказалось.

— Если мы сейчас всё сделаем и у нас ничего не получится, уйду лечиться! — уверенно заявила Надя. — Можете ко мне присоединиться, чтоб не скучно было.

— Вот ещё! Летом, на каникулах?! Ну уж нет! Хотя бы до осени подожди, когда снова учёба начнётся! — со свойственным ей оптимизмом ответила Люба.

В часовне было прохладно и тихо. Всё так же таинственно поблёскивало золото зеркальной оправы, серебро рамы картины, медь пюпитра.

Вера широким шагом подошла к Книге:

— Так-с! Нам надо установить картину так, чтобы она отражалась в зеркале. Надька, доставай камень.

Девочка полезла в портфель, в глубине души надеясь, что забыла его дома.

Увы, он был тут — гранитный шар с аккуратными дырочками по всей поверхности, в которых, едва уловив первые лучи солнца, начал переливаться и сиять, горстями раскидывая жемчужные блики по стенам, кристально-прозрачный камень.

— Красотища, — с чувством сказала Люба. — И что дальше?

Вера склонилась над картинкой в книге.

— Тут камень нарисован на подставке, но у нас её нет, так что, думаю, сойдёт, если мы просто положим его на подоконник, — неуверенно произнесла Вера, отрываясь от книги и подходя к Наде. — Вот, смотрите, здесь есть одна дырка, она чуть-чуть побольше, — девочка сосредоточенно повертела камень в руках. — Так, и надо направить её на зеркало...

— Эй, — откликнулась Люба. — А как сделать, чтобы картина стояла? На стенку её не повесишь, слишком далеко, а так она падает!

— Давай поставим её на эту твою табуретку, — предложила Вера, кидаясь к подруге.

— Так не плашмя же её класть, ведь тогда в зеркале ничего видно не будет, надо поставить, а она не стоит!

Вера критически оглядела часовню.

— Эх, нам бы сюда ещё один пюпитр...

— А что, если камнями как-нибудь подпереть попробовать? — предложила Надя, добившись, чтобы показанное Верой отверстие в камне было направлено прямо в середину зеркала.

Люба задумалась:

— Хм, а это мысль... Вер, помнишь, мы когда были маленькими и ты ещё здесь жила, то на старой стройке играли в войнушку?

— Ну?

— Так ты помнишь, из чего мы наши убежища строили?

Вера просияла:

— А! Такие плиты, да? А что, неплохая идея! Думаю, вертикально их поставить будет не трудно, они устойчивые, а тогда уже и картину можно будет на них облокотить!

— А почему «на них»? Нам и одной за глаза хватит! Так, Надя, оставайся здесь и жди нас, а мы пока сбегает на стройку, а то одна я этот булыжник не дотащу!

— Ой... Одна?.. Я боюсь! А вдруг тут что-нибудь случится, а вас нет?! — запаниковала девочка.

— Не смей меня! Если вдруг полезут демоны из ада и признают тебя своей повелительницей, всех не забирай, оставь нам парочку, а если не признают и захотят уничтожить мир, вежливо попроси подождать минуточку, пока мы не вернёмся — уж втроём-то мы им покажем! Надя, ты же цивилизованный человек, договоришься! — Люба подмигнула окончательно сникшей подруге и вслед за смеющейся Верой выскочила на улицу.

Когда они вернулись, Надя сидела на ступеньке и грызла сушку. Демонов вокруг не наблюдалось.

— Ну что? — поинтересовалась Надя, глядя на пылящих под тяжестью бетонной плиты Веру и Любу.

— Вот щас уроню эту штуку тебе на ногу, тогда узнаешь, что! — пригрозила Вера. — Помогай, давай!

Втроём втащив плиту в часовню, подруги взгромоздили её на протестующе заскрипевшую табуретку и прислонили к ней картину. Потом начали двигать всю эту конструкцию, стараясь добиться, чтобы картина стояла точно напротив зеркала и полностью отражалась в нём.

— Ну вот, кажется, нормально, — подвела итог Вера, отстраняясь.

Девочки замерли. Ничего не происходило.

Все трое переглянулись:

— Может, мы что-то не так сделали? — неуверенно предположила Вера.

— Да всё правильно! Не знаю... — Люба была явно разочарована. Вера — просто потрясена. Не может быть, всё должно было получиться! Должно было что-то произойти! Она же знала, она чувствовала!

— Я же говорила! Говорила, что это всё ваши фантазии, череда совпадений и лёгкий психоз! — в голосе Нади торжество и облегчение перемешались с неуверенностью.

Вера молча смотрела в окно, краем уха слушая, как Люба начала возражать и началась очередная перепалка. Нет... Они что-то упустили. И всё произошедшее с ними не было простым совпадением. Заяц-собака, валентинки, обморок, исчезнувший биолог, даже само это зеркало с картиной, они же здесь откуда-то появились!

Верин взгляд прошёлся по комнате и наткнулся на Книгу. Девочка медленно отошла от окна и подошла к пюпитру, глядя на писаную кровью гравюру. Картина напротив зеркала, камень... Солнце ровно посередине страницы вверху... В самой высокой точке неба... В зените... Ну конечно!

— Да!!! Я поняла! — крикнула Вера и, обернувшись к недоумённо замолчавшим подругам, торопливо сказала: — Смотрите, это же очередная подсказка! — Вера ткнула в Книгу пальцем. — Солнце должно находиться в своей самой высокой точке! А это полдень!

Люба ещё секунду недоумённо моргала, а потом просияла.

— Сколько сейчас время? — быстро спросила Вера у Нади — единственной, у кого были механические часы.

— Без одной минуты, — тихо прошептала Надя, испуганно оборачиваясь.

Три подруги ждали. Прошла минута, другая... Раскидываемые камнем блики неспешно плыли по стенам...

— А у тебя часы точно идут? — подозрительно спросила Люба.

— Не знаю... — растеряно отозвалась девочка. Теперь она думала только о том, чтобы поскорее всё это закончилось, и она пошла бы домой... Слава богу, что ничего не получилось, и можно будет забыть обо всём этом, как о дурном сне...

Но тут камень на подоконнике начал медленно наливать внутренним светом. Сначала совсем чуть-чуть, почти незаметно, потом сильнее и ярче... Подруги обернулись... И вот уже похожий на миниатюрное солнце шар полыхает на окне, вбирая в себя солнечные лучи... Он приподнялся над подоконником и начал медленно вращаться в воздухе...

Друзья вскрикнули, Люба и Надя заслонили лицо руками, а Вера, не обращая внимания на режущую боль в глазах, продолжала смотреть...

Внезапно все блики, кроме одного, самого большого, погасли. А оставшийся, становясь всё ярче, приблизился к зеркалу, поиграл золотом на резных гранях рамы, скользнул по разом помутневшему, смазанному отражение стеклу и остановился ровно по центру. Солнечная энергия похожим на тонкую спицу лучом пронзила намеченную цель и потекла в зеркало. Оно вспыхнуло, и тут же луч отразился от гладкой поверхности стекла и ударил в картину. Комната снова озарилась ярчайшим сиянием. Вера не выдержала и закричала, падая и пряча лицо в ладонях. Свет обжигал даже сквозь веки... Рядом кто-то упал. Кажется, Надя. А последний луч, соединяющий зеркало и картину, увеличивался в размерах, становился всё ярче, и скоро он уже превратился в сияющий столб света...

И в центре мутновато-серебристой поверхности зеркала, там, куда бил луч, начала расти

дыра. За ней было — или не было — ничего. Пустота. Непонятно какого цвета, непонятно какой формы... Просто пустота.

Потом ещё раз всё ярко вспыхнуло и свечение угасло.

Вера сразу же открыла слезящиеся глаза и села, неловко раскинув ноги. Рядом приподняла одну руку от лица Надя и одним глазом покосилась на зеркало, всё ещё не вставая. Сидящая на корточках и уткнувшись в колени Люба ошарашено подняла голову. Они замерли, широко раскрыв от изумления рты и не смея поверить своим глазам.

В золотой раме не было больше зеркала. Там кружился, завихрялся, поблёскивал нежный разноцветный туман, в основном переливающийся всеми оттенками сиреневого, в котором загадочно мерцали маленькие серебряные звёздочки.

Надя потрясённо села. Вера и Люба поднялись на ноги и подошли поближе. За окном чирикала птичка.

— Получилось... — хором прошептали они.

Надя тоже встала. Все трое смотрели в зеркало — и как будто в бездну.

— Что это? — наконец нарушила странную умиротворённую тишину Надя.

— Я не знаю, — эхом откликнулась Люба.

Вера подошла к зеркалу вплотную и, поколебавшись, опустила руку в сиреневый туман. И ничего не почувствовала. Мерцающую дымку она тоже никак не побеспокоила, как будто та находилась гораздо дальше, чем казалось... И просто так до неё не дотянуться...

И Вера почувствовала, что её что-то зовёт... Она обернулась к подругам:

— Нам надо войти туда. Кажется, это портал.

Молчаливое замешательство.

— Что?! — первой опомнилась Надя. — Туда?! Да ты что, ты вообще в своём уме?! Да там же... Куда туда-то?! Там же ничего нет!

Люба только хлопала длинными ресницами.

— Надя, — тихо произнесла Вера. — Я тоже боюсь. Мне очень страшно. Но надо. Неужели ты не чувствуешь?! Даже если вы и не захотите, я пойду одна.

— Я с тобой, — после секундного колебания заявила Люба. — Уж не знаю, что там такое, но мы должны быть вместе. Надя?..

— Нет!!! Не надо! Не ходите туда! Пожалуйста!.. — Надя кинулась к подругам и схватила их за руки. — Что вы делаете?! Вы хоть понимаете, что вы делаете? Вдруг вы шагнёте туда, и просто умрёте, и всё? Или будете падать, падать...

— Нет, — твёрдо сказала Вера. — Всё, что мы делали, было не просто так. Нас всё вело к тому, чтобы мы открыли этот портал, но ведь он не для красоты тут должен стоять! Нас выбрали — не знаю, кто, не знаю, зачем, — и нам, именно нам троим надо идти!

— Ты что, хочешь, чтобы всё, что мы сделали, пропало даром?! — требовательно спросила Люба.

— Но... но... — Надя испуганно шмыгнула носом. — Даже если мы не умрём сразу и это действительно портал, что там будет?

— Так вот мы это сейчас и хотим узнать! — преувеличенно бодро откликнулась Люба.

— Не волнуйся, мы же будем втроём, все вместе, — заметила Вера.

— Не волнуйся?! НЕ ВОЛНУЙСЯ?! Да у меня истерика!!! — взвыла Надя.

— Эй! — внезапно воскликнула Люба. — У меня идея. А давайте спросим наши валентинки? Она нам часто помогала, может, и сейчас как-нибудь подскажут...

Никто не был против того, чтобы оттянуть момент отправления ещё немного — ведь

все, даже Надя, были уверены, что он состоится, — и потянулись к своим сумкам.

Валентинки выглядели как обычно — даже чересчур обычно. Некоторое время подруги глядели на них, а потом... они рассыпались мелкой пылью. И всё.

— И всё... — задумчиво произнесла Люба, просеивая порошок сквозь пальцы. — Вот вам и знак. Надо идти, Надя. Надо.

Та только кивнула.

— Возьмёмся за руки? — предложила Вера.

Пальцы девочек крепко переплелись. Они старались поддержать друг друга.

Стоя перед зеркалом, они оглянулись. Часовня выглядела до боли привычно, залитая ласковым солнечным светом. У всех троих защемило сердце. Их дом... Каникулы, планы на лето, практика, традиционный поход в Макдоналдс, семья, даже Мороз с Барисовой — всё вдруг стало таким далёким, словно они смотрели сюда уже с другой стороны зеркала...

— Нет, нельзя об этом думать! Идём! — Вера решительно дёрнула вставших по краям подруг за руки. Они тесно прижались друг к другу, стараясь одновременно пролезть в золотую, узкую сразу для троих раму.

А потом они провалились в розоватый с серебром туман, и часовня исчезла... Они висели, крепко держась за руки, неизвестно где, когда и зачем, а потом их куда-то понесло, вокруг стало темнеть, и девочки почувствовали, что руки друг друга выскользывают у них из пальцев, что их разъединяет... Они ещё крепче вцепились друг в друга, но их вертело всё быстрее и быстрее... А потом — руки разжались сами собой, и — тьма...

**Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)**